

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

В.В. КАЗАЧЕНОК

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Монография

Казань 2015

ББК 67.409

К 14

Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор Р.Б. Головкин

Рецензенты

Доктор юридических наук, профессор Н.И. Полищук

Доктор юридических наук, профессор И.Д. Борисова

Казаченок В.В.

К 14 Пенитенциарная система Казанской губернии в XVIII – начале XX веков: историко-правовое исследование: монография / В.В. Казаченок. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 168 с.

В монографии предпринята попытка формирования научно обоснованного целостного историко-правового представления об организации и деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии в XVIII – начале XX вв. В ней последовательно исследуется развитие пенитенциарной системы в губернии, показывается роль благотворительных тюремных организаций в ее функционировании, на основе позитивного исторического опыта предлагаются рекомендации по совершенствованию деятельности современной уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов (адъюнктов), студентов, слушателей юридических вузов и практических работников.

ISBN 978-5-901593-46-2

ББК 67.409

© Казаченок В.В., 2015
© КЮИ МВД России, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историко-правовые и теоретические основы исследования пенитенциарной системы Российской империи в XVIII – начале XX веков	6
§ 1. Историко-теоретические основы учения о пенитенциарных органах и учреждениях	6
§ 2. Развитие законодательства об исполнении наказаний в виде лишения свободы	16
§ 3. Структура и управление пенитенциарной системой России	30
Глава 2. Организация и деятельность пенитенциарной системы Казанской губернии в XVIII – начале XX веков	52
§ 1. Формирование и развитие пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии	52
§ 2. Порядок и условия отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии	69
§ 3. Кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии	88
§ 4. Организационно-правовые формы использования труда осужденных в местах лишения свободы Казанской губернии	107
Глава 3. Общественная благотворительность и использование положительного опыта пенитенциарной системы Казанской губернии в современных условиях	120
§ 1. Место и роль благотворительных тюремных организаций в пенитенциарной системе Казанской губернии	120
§ 2. Меры по совершенствованию современной уголовно-исполнительной системы	131
Заключение	135
Библиографический список	138
Приложение 1	157
Приложение 2	158
Приложение 3	159
Приложение 4	160
Приложение 5	161
Приложение 6	163
Приложение 7	164
Приложение 8	165
Приложение 9	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность монографического исследования заключается в том, что осуществляемый процесс реформирования уголовно-исполнительной системы в современном российском государстве требует осмысления исторического опыта развития пенитенциарной системы и учета закономерностей государственно-правового развития России.

В соответствии с общим направлением уголовно-исполнительной политики основное внимание уделяется ориентации на европейские стандарты. Однако необходимо учитывать, что система современных отечественных пенитенциарных учреждений является продуктом длительного исторического развития. Поэтому для современного развития уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы в целом актуальным представляется изучение регионального опыта развития уголовно-исполнительной системы России. Он позволяет учесть как негативные, так и положительные аспекты функционирования пенитенциарных учреждений региона в целях оптимизации современной пенитенциарной системы и распространения позитивного опыта регионального уровня в деятельности исправительных учреждений Российской Федерации.

Казанская губерния, сложившаяся в числе первых восьми губерний Российской империи, являлась уникальным регионом, отличавшимся не только территориальными, экономическими масштабами, но и, что немаловажно, социокультурным своеобразием. Обращение к опыту формирования и развития пенитенциарных органов и учреждений в Казанской губернии дает возможность рассмотреть уголовно-исполнительную систему России с учетом социокультурных особенностей многонационального региона, специфики менталитета его населения, имеющих важное политическое и социально-экономическое значение.

Следует отметить, что при всем многообразии историко-правовых исследований дореволюционного, советского и постсоветского периодов по проблематике пенитенциарной системы России, в том числе и регионального уровня, пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии предметом специального историко-правового исследования не являлись.

Хронологические рамки монографического исследования охватывают период XVIII – начала XX вв. Выбор нижней хронологической границы обусловлен двумя факторами: во-первых, издание Артикула воинского 1715 г. стало началом формирования совершенно новой системы исполнения наказаний; во-вторых, в 1708 г. создается Казанская губерния. В практику управления пенитенциарной системой начали проникать передовые зарубежные идеи в области организации исполнения уголовных наказаний. Выбор в качестве верхней границы исследования обусловлен тем, что в связи с революционными преобразо-

ваниями 1917 г. существенно изменилась уголовно-правовая политика и пенитенциарная система.

В работе на основе широкого круга источников предпринято комплексное изучение развития пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии в рассматриваемый период, выявлены особенности становления мест заключения и условия отбывания в них наказаний. Впервые в отечественной историко-правовой науке изучены проблемы организации деятельности Казанского губернского попечительного о тюрьмах комитета, подведомственных ему уездных отделений, а также Казанского губернского тюремного патроната.

Эмпирическую базу монографического исследования составили нормативные правовые акты дореволюционного периода, документы официального делопроизводства, статистические материалы, материалы периодической печати, мемуары и архивные материалы, определяющие как общие закономерности организации и деятельности пенитенциарной системы России, так и ее особенности в Казанской губернии.

Значительная часть материалов, использованных при написании монографии, взяты из фондов Национального архива Республики Татарстан. Особый интерес для нас представляли циркуляры и отчеты, которые касались организации в местах заключения религиозно-нравственного воздействия на арестантов, режима, применения мер взыскания, организации труда, материально-бытового обеспечения, санитарии и гигиены.

Полученные в результате исследования новые данные могут быть применимы в дальнейшем изучении проблем, относящихся к истории пенитенциарных органов и учреждений России. На основе изложенных в ней материалов выработаны предложения по совершенствованию современного функционирования уголовно-исполнительной системы и оказании помощи освобожденным из мест лишения свободы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

§ 1. Историко-теоретические основы учения о пенитенциарных органах и учреждениях

Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии входили в пенитенциарную систему Российской империи. В связи с этим изучение вопросов формирования и развития пенитенциарной системы Казанской губернии предполагает обращение к источниковедческой базе, прежде всего, научным трудам, посвященным проблематике пенитенциарной системы Российской империи.

Следует отметить, что в XVIII в. исследования, посвященные сущности тюремной политики и непосредственно местам заключения в России, фактически отсутствовали. В связи с разработкой тюремной реформы 1879 г. появляются первые отечественные работы общеправовой направленности, освещающие процесс развития и состояние тюремной системы в России. Одновременно происходит зарождение самостоятельного направления юриспруденции – тюрьмоведения, целью которого было исследование современного состояния пенитенциарной системы России. Представителями пенитенциарной науки того периода были преподаватели ведущих университетов России, юристы С.К. Гогель, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, И.Я. Фойницкий и др.

По мнению большинства ученых, развитие тюрьмоведения происходило в качестве составной части уголовного права. Одним из первых начал употреблять термин «пенитенциарная наука» профессор С.В. Познышев, считавший тюрьмоведение быстрорастущим отделом уголовного права. В своем выдающемся произведении «Очерки тюрьмоведения» он описывает положение тюрем Западной Европы, переходя на российскую тюремную систему и говоря о необходимости тюремной реформы в России. Приводит преимущества одиночного заключения, предлагает изменения в размещении арестантов в русских тюрьмах, раскрывает вопросы тюремного воспитания, образования, дисциплины, арестантского труда, мер подготовки надзирателей, а также необходимости патроната¹. При этом свои идеи он определяет как этико-социологическое направление. И.Я. Фойницкий иначе подходил к этой науке, выделяя ее как отдельную отрасль юридических наук, рассматривающую общественные отношения, связанные с разрешением проблем карательной системы. Посредством детального исследования преступ-

¹ См.: Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. 296 с.

ного мира и влияния на него определенных мер воздействия на практике он выделял институты, ставшие содержанием пенитенциарной науки, которые могли бы воздействовать на совершивших преступления лиц¹. Н.Д. Сергеевский относил тюрьмоведение и к юриспруденции, и к социологии, полагая, что наказание для социолога является явлением, которое оказывает влияние на формирование определенных черт характера народа, служит основой для создания таких бытовых институтов, как тюремная община и др.²

Предметом тюрьмоведения была тюрьма. Под этим общим понятием понималась система пенитенциарных учреждений, включающая в себя все виды мест лишения свободы. А.А. Пионтковский отделял от родового понятия тюрьмы видовое, выражающееся в одном из видов лишения свободы (каторге, аресте и др.)³. Тюремное заключение становится оптимальным видом уголовного наказания. Более того, А.А. Пионтковский считал его практически единственным орудием в борьбе с преступностью.

Практически все исследователи отмечали плохое состояние пенитенциарных учреждений, недостаточное финансирование, неэффективное использование арестантского труда, отрицательную результативность воспитательного воздействия на заключенных.

В пенитенциарной науке дореволюционного периода исправляющая роль тюрьмы виделась правоведам по-разному. А.А. Пионтковский и С.В. Познышев считали, что исправление преступника в местах лишения свободы не только возможно, но и необходимо. С.В. Познышев разделял исправление на две категории: нравственную и юридическую. Под нравственным исправлением понимались некоторые изменения в психологической составляющей арестанта, его характере, необходимые для предупреждения совершения повторных преступлений. Второе выражалось в осознании неотвратимости наказания, в получении неблагоприятных последствий за свои противоправные деяния⁴.

Противоположное мнение имел ряд других ученых, выражавшееся в том, что тюрьма развращает личность и в существующих условиях она является бесполезной для борьбы с преступностью. У взрослого преступника, констатирует С.П. Мокринский, «уже имеются сложившиеся взгляды, привычки, тем

¹ См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 504 с.

² См.: Наказание в русском праве XVII века / Н. Д. Сергеевский, э.-орд. проф. С.- Петерб. ун-та. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1887. 314 с.

³ См.: Пионтковский А. А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение. Одесса, 1892. С. 16–23.

⁴ См.: Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. С. 157–167.

самым поддаться исправлению он не может»¹. Поэтому тюрьма, по заключению Н.С. Таганцева, являлась недостаточно подготовленным органом управления, а арестант – субъектом, не пригодным для перевоспитания. По его мнению, тюрьма должна оставаться репрессивным учреждением и приучать заключенных к дисциплине, порядку, опрятности, расширять их кругозор посредством обучения в школе и правильно подобранной литературы². Однако при таком же убеждении С.Г. Гогель считал, что при «существовании работ тюрьмы потеряли бы репутацию рассадников порока»³. Поддерживая применение арестантского труда, русский ученый, правовед Н.Г. Фельдштейн в процессе исследования ссылается на широкое использование государством труда каторжан для «грандиозных сооружений»⁴.

В круг исследуемых в то время проблем входили вопросы размещения арестантов, актуальным из которых было одиночное заключение. Господствовавшая в большинстве тюрем европейских стран система одиночного заключения считалась наиболее оптимальной формой лишения свободы, и поэтому российские ученые отдавали ей предпочтение.

Однако данная система исключала общение арестанта с людьми, вселяла чувство одиночества, что имело негативные последствия при выходе его из тюремного учреждения. По мнению С.К. Гогеля, при такой системе арестантов исправлять было невозможно, поскольку она приводила к их «физическому расслаблению, погашению остатков энергии, а о возвращении в нормальное общество вообще сложно думать»⁵. Такого же мнения придерживались российские публицисты Н.М. Ядринцев и А.С. Пругавин. Исследуя тюрьмы России, Н.М. Ядринцев пришел к выводу, что одиночное заключение «обесчеловечивает» личность, не говоря уже о повышении его духовно-нравственной культуры⁶. А.С. Пругавин, изучая монастырские тюрьмы, так описывал содержание в одиночных камерах: многие из осужденных разучивались говорить, забыв обыкновенные слова, некоторые лишались рассудка и сходили с ума, томясь в казематах продолжительное количество лет, «не видя человеческого лица, не

¹ Мокринский С. П. Наказание, его цели и предложения: в 2-х частях: Часть 1. Общее и специальное предупреждение преступлений. М.: Университетская типография, 1902. С. 144–155.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2-х т. М.: Наука, 1994. Т. 2. 393 с.

³ Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований. СПб: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. С. 604.

⁴ См.: Фельдштейн Г. С. Ссылка, очерки ее генезиса, значения, истории и ее современного положения. М., 1893. 191 с.

⁵ Гогель С. К. Указ. соч. С. 602.

⁶ См.: Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.

слыша человеческого голоса»¹. При этом наряду с устрашением задачей карательной политики XIX в. являлось исправление осужденных.

В дореформенный период пенитенциарной системы тюрьма становится пристальным объектом для изучения, как для российских ученых, так и для практических работников тюремного ведомства. Появляются работы видных тюремных практиков П.К. Грана, П.П. Почтарева, А.П. Соломона и др.², которые основывались на материалах инспекционных выездов в разные пенитенциарные учреждения империи чинов тюремного ведомства и выражали свои взгляды на проблемы, подлежащие решению в ходе тюремной реформы. Их труды выступают не только в качестве историографического факта, но и как основа для дальнейшего исследования развития пенитенциарной системы. В своих работах конца XIX – начала XX в. они старались показать возможность исправления осужденных в тюрьме, идеализируя преобразования в местах лишения свободы. Считая, что пенитенциарная система Российской империи в тот период была организована правильно, они видели основную причину существовавших в ней проблем в несовершенстве ее управления.

По мнению А.П. Соломона (начальника ГТУ с 1896 по 1900 гг.), необходимо было улучшать кадровый состав пенитенциарных учреждений, поскольку зачастую надзиратель представлял собой жалкое зрелище, ничем не отличаясь от арестантов³. Кроме этого, перед пенитенциарной системой стояла задача эффективного использования арестантского труда. Тюремный труд, являясь не только обязательным, но и фактически неизбежным спутником лишения свободы, по мнению Н.Ф. Лучинского, носил или исправительный характер, или характер вольного нормального труда в зависимости от особенностей заключенных⁴.

Во второй половине XIX в. появляются работы, посвященные изучению быта арестантов. Из них можно выделить труд С.В. Максимова, где он подробно описывает состояние российских тюрем, тяжелые условия жизни заключенных, а также произвол со стороны администрации тюремных учреждений⁵. Отдельного внимания заслуживает библиографический очерк А.Ф. Кони о выдающемся человеке, докторе московских тюрем Ф.П. Гаазе, внесшем огромный вклад в улучшение условий жизни осужденных в тюрьмах и отдавшем все силы

¹ Пругавин А. Петропавловская крепость. Очерк первый. Декабристы. Ростов-н/Д., 1906. С. 11–12; Пругавин А. Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крепости. Ростов-н/Д., 1904. С. 12–13.

² См.: Гран П. К. Каторга в Сибири. СПб., 1913; Почтарев П. П. К вопросу об организации арестантского труда // Тюремный вестник. 1899. № 4; Соломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1898; Хрулев С. С. Каторга в Сибири // Тюремный вестник. 1910. № 8–9.

³ См.: Соломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 7.

⁴ См.: Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. С. 159–160.

⁵ См.: Максимов С. В. Сибирь и каторга: в 3-х частях. Издание третье. СПб., 1900. 487 с.

и энергию на облегчение их участи¹.

В советский период исследования, затрагивающие пенитенциарную проблематику, приобрели выраженный политико-идеологический оттенок. Преобразования в тюремной системе начинают рассматриваться с позиции классовой идеологии. Среди работ, посвященных научному анализу пенитенциарной системы Российской империи, необходимо выделить уникальный труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы» в пяти томах. В данной работе характеризуется законодательство царской России, представлен обширный статистический материал, показано управление пенитенциарной системой, подробно рассмотрена деятельность центральных политических тюрем. Автором отмечается классовое неравенство некоторых сословий при вынесении судебных решений, применении телесных наказаний и отбывании наказания в местах лишения свободы. В целом же делается вывод, что в истории тюремных учреждений не было «ни одного светлого пятна»². Несмотря на идеологический контекст пятитомника, его историко-информационный материал представляет собой ценнейшее исследование, внесшее неоценимый вклад в историко-правовую науку.

В дальнейшем появляются обобщающие работы, рассматривающие историю пенитенциарных органов и учреждений в системе органов государственной власти. Среди них следует выделить работу Н.П. Ерошкина, посвященную истории органов государственной власти и управления, которая раскрывает структуру пенитенциарной системы и ее управление³. Среди работ, освещающих в целом историю правоохранительных органов, необходимо отметить работы профессора Р.С. Мулукаева⁴, в которых тюремным учреждениям отводится отдельное место.

К работам, обстоятельно рассматривающим пенитенциарную систему Российской империи либо определенные ее аспекты, следует отнести труды Н.А. Беляева, С.А. Гайдука, А.И. Зубкова, М.М. Исаева, И.И. Карпеца, А.С. Михлина, А.Е. Наташева, С.С. Остроумова, В.Г. Смольякова, Н.А. Стручкова, М.Д. Шаргородского и др.⁵ Эти ученые внесли огромный вклад в развитие ис-

¹ См.: Кони А. Ф. Очерк Федор Петрович Гааз // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. С. 526–640; Врата милосердия (книга о докторе Гаазе). М.: Древо добра, 2002. С. 17–122.

² Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 2-е изд., доп. и пересмотр. М.: Госюриздат, 1951. Т. 1. С. 9.

³ См: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

⁴ См.: Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М.: ВШ МООП РСФСР, 1964. 28 с.; Система органов внутренних дел дореволюционной России. М.: Академия МВД СССР, 1978. 31 с.

⁵ См.: Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых уч-

торико-правовых тенденций, связанных с развитием органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Авторы рассматривают задачи пенитенциарной системы, ее целесообразность и эффективность, средства исправления осужденных, приводя обширные статистические сведения.

В советской историографии большое внимание уделяется сибирскому, уральскому и дальневосточному регионам, а именно становлению и развитию ссылки и каторги. Авторы освещают характерные особенности этих регионов, заселения их ссыльнопоселенцами и ссыльнокаторжными, показывают специфику условий отбывания политических заключенных¹. При этом в работах присутствует политизированный подход к проблематике, выраженный в борьбе большевиков с царским тюремным режимом.

В современный период, несущий изменения в экономической, политической и социальной сферах жизнедеятельности общества, активизировалась раз-

реждениях. Л., 1963; Борисов А.В. Карательные органы дореволюционной России (полицейская и пенитенциарная системы). М., 1978; Воробейков Т. У., Дубровин А. Б. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев, 1973; Гайдук С.Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. АН СССР: Ин-т государства и права. М., 1987; Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказания: сб. науч. тр. / Акад. МВД СССР; [Редкол.: А. И. Зубков (отв. ред.) и др.] М.: Акад. МВД СССР, 1981; Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С. В. Степашина и П. В. Крашенинникова. М.: НОРМА, 1998; Исаев М. М. Основы пенитенциарной политики. М., 1927; Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973; Михлин А. С. Изучение личности в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1985; Наташев А. Е. О каре и воспитании // К новой жизни. 1964. № 3; Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России М., 1961; Он же. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980; Смольяков В. Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979; Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы общей части. М., 1984; Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973.

¹ См.: Григорцевич С. С. Из истории политической каторги и ссылки на Сахалине // Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Томск, 1960. Т. 1; Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне: Очерки истории царской каторги и ссылки (60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск, 1971; Емельянов Н. Ф. Город Томск в федеральную эпоху. Томск, 1984; Кодан С. В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982; Плотников А. А. Об условиях отбывания каторги на Сахалине за бродяжничество в XIX в. // Организационно-правовые и управленческие проблемы борьбы с правонарушителями среди лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни. Хабаровск, 1985; Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западную Сибирь в XIX в. Тюмень, 1976; Рощевский П. И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975; Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963; Он же. Из истории сахалинской политической каторги // Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России: сборник научных трудов. М., 1975; Он же. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Южно-Сахалинск, 1957.

работка пенитенциарного направления. Появляются работы, анализирующие пенитенциарную систему дореволюционной России в широком историческом и социокультурном контексте. Изучению истории пенитенциарной системы России посвящены работы Л.С. Аладьиной, М.Г. Деткова, С.М. Оганесяна, Н.И. Петренко, Д.П. Остапенко, И.В. Упорова, С.Н. Ушакова, А.А. Чеснокова и др.¹, представляющие собой комплексные историко-правовые исследования, в большинстве которых проводятся сравнения развития пенитенциарных органов и учреждений в дореволюционный и послереволюционный периоды, а также подчеркивается преемственность в ее совершенствовании.

Ряд авторов рассматривал отдельные аспекты функционирования пенитенциарной системы, ее правовое регулирование, реформирование, формирование новых органов, порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, а также исследования отдельных видов мест заключения. Эти вопросы раскрываются в исследованиях авторов А.В. Балалы, В.А. Иванникова, С.И. Кузьмина, А.Д. Марголиса, Л.Ф. Пертли, А.П. Печникова, Л.П. Рассказова, Ю.Ф. Соцкого, А.М. Фумм, С.П. Яковлева и др.²

¹ См.: Аладьина Л. С., Ковалев О. Г., Шабанов Г. Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007; Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994; Он же. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999; Оганесян С. М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2005; Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2002; Остапенко Д. П. Система пенитенциарных учреждений в России в XIX – начале XX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001; Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004; Ушаков С.Н. Организационно-правовое обеспечение системы исполнения наказаний России: 1862–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005; Чесноков А.А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

² См.: Балала А.В. Развитие системы назначения и исполнения наказаний в России второй половины XIX - начала XX века: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2007; Иванников В.А. Исторический опыт реформирования тюремной системы Российской империи (1879-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Кузьмин С.И. Исполнение уголовных наказаний в России в конце XIX – начале XX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 9. № 10; Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. М., 1995; Печников А.П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 – октябрь 1917 гг.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002; Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России / под науч. ред. С.И. Кузьмина; Федер. служба исполн. наказаний, НИИ. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011; Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 - октябрь 1917 гг.): историческая хроника. М.: Щит-М, 2004; Рассказов Л.П., Лобова С.А. Историография пенитенциарной политики дореволюционной России // Общество и право. 2011. № 5; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Исправительные арестантские роты гражданского ведомства как вид лишения свободы в российском праве XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000; Соцкий Ю.Ф. Правовое регу-

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы комплексный анализ становления и развития пенитенциарных органов и учреждений имеет как познавательное, так и практическое значение, позволяет созидательно использовать накопленный отечественный опыт. Поэтому возросший интерес к пенитенциарной проблематике современных исследователей показывает их серьезное осмысление института исполнения наказаний в виде лишения свободы в деятельности государственных органов по борьбе с преступностью.

Современные авторы стремятся к объективной оценке истории пенитенциарной системы, отмечая как отрицательный, так и положительный опыт развития тюремной системы. Одновременно появляются работы, посвященные региональной специфике организации и деятельности пенитенциарной системы. Региональные исследования проводились как историками, так и правоведами. Среди исторических работ, посвященных исследованию пенитенциарной системы отдельных регионов, необходимо отметить диссертационные исследования авторов О.Н. Бортниковой, О.О. Гармса, С.В. Колосок, И.В. Никитиной, рассматривающие пенитенциарные системы Тобольской, Томской, Иркутской губерний и Дальнего Востока¹.

Из историко-правовых исследований следует выделить работы С.А. Лобовой, К.К. Кораблина, О.С. Мельниковой. Изучая историю формирования и развития пенитенциарной системы Кубани, С.А. Лобова анализирует ее деятельность, определяет кадровую политику как в российской пенитенциарной системе в целом, так и в частности на Кубани. Выявляя особенности пенитенциарных учреждений этого региона, автор заключает, что созданные губернские тюрьмы трансформировались в войсковые остроги под общим руководством всей системой Черноморским казачьим войском. Отрицательным фактором в деятельности пенитенциарной системы, по мнению автора, является то, что Кубанский областной тюремный комитет не учитывал геополитические особенности уездов, применяя разнополярные подходы к проблемам обеспече-

лирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России: дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 1998; Фумм А.М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи, конец XVIII - 70-е года XIX века: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2004; Яковлев С.П. Организационно-правовые формы трудоустройства лиц, осужденных к лишению свободы в дореволюционной России: XVII - начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Чебоксары, 2005.

¹ См.: Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998; Гармс О.О. Пенитенциарная система Томской губернии (1804 – 1861): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008; Колосок С.В. История пенитенциарной системы Иркутской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000; Никитина И.В. Формирование и развитие пенитенциарной системы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.

ния уездных тюрем, что отражалось на положении заключенных¹.

К.К. Кораблин в своем исследовании затрагивает меньший исторический период – вторую половину XIX – начало XX века, поскольку в свете экономического освоения Дальнего Востока на острове Сахалин каторга учреждается в 1869 г. Освещая историю образования каторги, он затрагивает организационно-правовые основы ее функционирования. Автор рассматривает труд каторжан, использующийся как для обеспечения жизнедеятельности каторги, так и при добыче полезных ископаемых, сельскохозяйственных работ, переработке рыбы, возведении мостов, пристаней и др.²

Более широкий период (XVII – 20-е гг. XX века) охватывает исследование О.С. Мельниковой, посвященное пенитенциарным учреждениям Нижегородской губернии. В нем анализируются проблемы, с которыми сталкивались пенитенциарные учреждения региона, и способы их решения. Рассматривая деятельность Нижегородского комитета помощи заключенным и освобожденным из мест заключения, автор приходит к выводу, что хотя его деятельность и была активной и оценивалась положительно, в то же время была недостаточно эффективной, поскольку охватывала небольшой круг лиц, освободившихся из мест лишения свободы³.

Появляются диссертации, исследующие процесс реформирования пенитенциарной системы в отдельных регионах России⁴, создания тюремных инспекций и выявления их специфики непосредственно в регионе⁵, деятельность попечительного о тюрьмах общества⁶ как, несомненно, важной организации в оказании помощи осужденным в их исправлении и улучшении условий содержания.

Эти исследования внесли ощутимый вклад в развитие историко-правовых направлений, освещающих формирование, эволюцию и функционирование пе-

¹ См.: Лобова С.А. Становление и развитие пенитенциарной системы Кубани в конце XVIII в. – 1920-е годы (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

² См.: Кораблин К.К. Пенитенциарная система России (формирование и механизм функционирования тюремного ведомства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

³ См.: Мельникова О.С. Нижегородские пенитенциарные учреждения в XVII – 20-х годах XX века: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

⁴ См.: Осипов М.В. Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010; Четвертакова И.В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.

⁵ См.: Славинский Н.В. Становление и развитие института тюремных инспекций Российской Империи и его специфика на Кубани: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

⁶ См.: Ботчаева М.К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX - начале XX вв. (на материалах Ставрополя и Кубани): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.

нитенциарных органов и учреждений Российской империи в дореволюционный период. При этом региональный аспект в деятельности уголовно-исполнительного механизма в развитии российского государства, еще не в полной мере исследованный сегодня, представляет обширное поле деятельности для современных исследователей.

Пенитенциарная система Казанской губернии, несмотря на ее значимость как в региональном, так и общероссийском контексте, внимание исследователей почти не привлекала. Одним из немногих исключений стали работы В.А. Горбунова, посвященные историко-педагогическим особенностям, тенденциям и закономерностям совершенствования системы исправления и нравственного воспитания арестантов Казанской губернии в XIX – начале XX вв. Им была выявлена специфика применения нравственного воздействия на арестантов в тюрьмах в целях их исправления на региональном уровне, предпринята попытка рассмотреть эти проблемы в общероссийском контексте¹.

В 2004 г. к 125-летию юбилею уголовно-исполнительной системы России вышло издание авторского коллектива «Внимание! Зона!: Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан». В этом издании содержатся материалы, обобщающие различные стороны деятельности пенитенциарной системы, раскрывающие исполнение наказания в виде лишения свободы на территории республики, начиная с периода его зарождения до XXI века. Много внимания уделяется руководящему персоналу пенитенциарных органов и учреждений в разные периоды их существования. Работа богата воспоминаниями персонала, а также иллюстрационным материалом.

Таким образом, в дореволюционный период в научной историографии пенитенциарной системы произошло смещение взглядов на цель наказания в виде лишения свободы. Авторы стали переходить от описательно организационного исследования к рассуждениям относительно природы и необходимой эволюции сути государственного принуждения за совершаемые преступления. Советский период историографии отличался политическим оттенком классовой

¹ См. напр.: Горбунов В.А. Пути становления и развития системы исправления и нравственного перевоспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Роль органов юстиции в становлении и укреплении институтов государственной власти: материалы Республиканской научно-практической конференции. Казань: ООО «Мастер Лайн», 2002; Горбунов В.А. История создания и развития исправительных органов и учреждений Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний: международная науч.-практическая конф. [посвящ. 130-летию УИС : материалы, часть 1] / редкол.: В.И. Селиверстов [и др.]. М.: НИИ ФСИН России, 2009. С. 216-219; Горбунов В.А. Реформа системы исправления и нравственного воспитания в местах лишения свободы в Казанской губернии в XIX в. // Государство и право. 2008. N 4. С. 100-102.

идеологии. Большое внимание уделялось политическим тюрьмам, в особенности ссылке и каторге в Сибири. На современном этапе развития пенитенциарной науки интерес к ней не только не угас, а получил еще и новое развитие. Появляются работы, комплексно рассматривающие пенитенциарную систему на протяжении всего времени ее существования, проводятся сравнения развития пенитенциарных органов и учреждений в дореволюционный и послереволюционный периоды, подчеркивая преемственность в ее совершенствовании. Кроме того, данный этап отличается обращением к развитию пенитенциарной системы в отдельных регионах.

§ 2. Развитие законодательства об исполнении наказаний в виде лишения свободы

Наказание как средство социального воздействия на человека возникло еще до появления писаных правовых источников. Наиболее ранним видом наказания была кровная месть. По мере развития социальных отношений, становления институтов государства устанавливались нормы, ограничивающие пределы мести, а затем и полностью ее запрещающие¹.

Состояние экономического развития государства того времени еще не позволяло строить и содержать специальные учреждения, предназначенные для исполнения наказания в виде лишения свободы. Поэтому тюрьмы, существовавшие на Руси с древности, служили лишь для содержания признанных виновными лиц до исполнения приговора. И только с нормативным закреплением наказания в виде лишения свободы в Судебнике 1550 г.² и дальнейшей его регламентацией в Соборном уложении 1649 г.³ тюремные учреждения находят свое настоящее предназначение.

Несмотря на то что к XVIII в. тюремное заключение нашло широкое применение, нормы, регламентирующие порядок и условия исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, отсутствовали.

В действующем до 1832 г. Соборном уложении были заложены основы управления тюремными делами. Целями тюремного заключения являлись: во-

¹ См.: Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 11.

² См.: Судебник 1550 года // Российское законодательство X - XX веков: в 9-ти томах. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–120.; Штамм С.И. Русская историография XIX века об источниках судебников 1497 и 1550 годов // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск: Изд-во Иркутс. ун-та, 1983. С. 106.

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. (далее – ПСЗ-1) СПб., 1830. Т. 1. № 1.

первых, наказание виновных в совершении преступления; во-вторых, устрашение населения; и, в-третьих, изоляция преступника от общества. М.Ф. Владимирский-Буданов выделяет еще и такие цели, как возмездие, имущественные выгоды, выделяя главный принцип наказания – лишение преступника средств повторять преступления, не применяя к нему бесповоротных казней¹.

При достижении указанных целей власть изощрялась в жестокостях, выставлявшихся напоказ. Однако, по мнению Д.А. Дриля, достигался совершенно противоположный результат – огрубение и ожесточение нравов, а вместе с тем и рост преступности².

Впервые в Соборном уложении конкретизированы сроки тюремного заключения – от трех дней до четырех лет. Кроме срочного тюремного заключения, в его нормах предусматривалось тюремное заключение на неопределенный срок, а также просматривается использование труда лиц, лишенных свободы.

Тюремное заключение как предварительная мера применялась в качестве «замены порук» и «до исполнения основного наказания». Причинами такого рода отсрочки являлись: 1) для покаяния; 2) до поимки сообщников преступника; 3) до момента рождения ребенка. Соответственно определялись сроки тюремного заключения в качестве предварительной меры: 6 недель, 6 месяцев или до момента рождения ребенка (максимально 9 месяцев)³.

Законодательная деятельность Петра I была направлена на усиление карательной политики в обеспечении защиты интересов господствующего класса. В 1715 г. он принимает первый военно-уголовный кодекс России. Артикул воинский с кратким толкованием был включен в качестве части второй в Воинский устав и состоял из 24 глав, разделенных на 209 артикулов. Третьей частью Воинского устава было Краткое изображение процессов или судебных тяжб⁴.

Основное внимание в Артикуле воинском уделялось военно-уголовному законодательству. Наряду с этим правовые нормы Артикула распространялись не только на армию, но и дворянство, имевшее большой политический вес в то время, а главное, они нашли свое отражение в государственной политике в области борьбы с преступностью. Многие составы преступлений, входящие в Артикул, были не связаны с военной службой, поэтому его нормы применялись и

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 416-418.

² См.: Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Шиповник, 1912. С. 82.

³ Нарышкина Н.И. Правовые и организационные основы функционирования мест содержания под стражей в России (исторический аспект) // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию уголовно-исполнительной системы России. Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 301-302.

⁴ ПСЗ-1. Т. 5. № 3006.

судами общей юрисдикции¹.

Артикул воинский вводил новые виды наказаний, а также расширял применение смертной казни². Виды и способы исполнения наказаний по Артикулу были направлены на реализацию основной цели наказания – устрашение (арт. 137 гл. 17.).

Однако условия и порядок содержания заключенных в Артикуле также не регламентировались, а отдавались на усмотрение тюремного начальства, что порождало произвол тюремной администрации.

Впервые Артикул воинский вводит такой вид наказания, как каторжные работы, который подразумевает под собой не только изоляцию преступника, но и использование его труда³. В некоторых случаях ссылка на каторгу заменяла смертную казнь.

Политика замены смертной казни исправительными работами была продолжена и в дальнейшем. 7 мая 1744 г. учреждается указ, предписывающий исполнение смертных приговоров приостановить и «до получения на то указов, экзекуции не чинить»⁴. С этого времени фактическое применение казни на Руси прекратилось. Все смертные приговоры стали предварительно докладываться императрице, которая ни одного из них не утверждала. В связи с этим в тюрьмах накопилось значительное число осужденных, ждущих окончательного решения своей участи. Ввиду такого положения Сенат обратился к императрице с предложением отправлять подлежащих смертной казни на каторжные работы, жестоко наказав их кнутом, вырезав ноздри и клеймив (на лбу В, на щеках О и Р). При этом чтобы осужденные были трудоспособны, предписывалось не отсекал им рук⁵. 29 марта 1753 г. последовала окончательная, без всяких ограничений, отмена смертной казни⁶.

Во второй половине XVIII в. Екатерина II выражает желание упорядочить законодательство и заявляет о своих широких реформаторских планах, в которые входило создание новых законодательных норм, содействовавших уста-

¹ См.: Аладьина Л.С., Ковалев О.Г., Шабанов Г.Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007. С. 47-48.

² См.: Исаев М.М. Наказание по Артикулу воинскому // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1995. № 1. С. 57; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 2-е изд., доп. и пересмотр. М.: Госюриздат, 1951. Т. 1. С. 45, 47.

³ См.: Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVII – начале XX в. : учеб. пособие. М.: Акад. МВД России, 1996. С. 27.

⁴ ПСЗ-1. Т.12. № 8944.

⁵ Пионтковский А. Смертная казнь в Европе // Ученые записки Казанского Университета. 1908. Кн. 6/7. С. 72-73.

⁶ ПСЗ-1. Т.13. № 10086.

новлению порядка и законности в государстве¹.

Ее неоценимым трудом в области политико-правовой мысли был Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения в 1767 г.² Наказ Екатерины основывался и практически воспроизводил смысл и порядок изложения книги Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях»³.

Под влиянием идей Просвещения Екатерина II выступила противницей пыток и смертной казни. Она установила коренное различие между подследственным содержанием и заключением под стражу в виде наказания. Основные направления карательной политики императрицы указывали на несколько иную цель наказания, заключающуюся теперь не в устрашении и возмездии, а в исправлении преступника. Однако «Наказ так и не стал основой нового уложения, Сенат старался всячески спрятать его от простого народа и рассылал только в высшие центральные учреждения». Да и в них он был доступен только высшим чинам, рядовым же работникам и тем более посторонним читать его не дозволялось. Несмотря на это, Наказ оказал благотворное действие на уголовную практику России, способствуя ее гуманизации⁴.

7 ноября 1775 г. Екатерина II издает закон «Учреждения для управления губерний»⁵, который вводит неизвестные ранее виды наказаний, например, заключение в рабочие и смирительные дома в виде наказания за ряд имущественных преступлений. В каждой губернии создавались Приказы общественного призрения, которые оказывали большое содействие этим учреждениям, являвшимися принудительно-воспитательными заведениями (ст. 378–393 гл. 25).

Закон предписывал создание Совестного суда для рассмотрения «гражданских дел в порядке примирительной процедуры и на основе принципа естественной справедливости»⁶. Если лицо, содержащееся в тюрьме в течение трех дней без допроса, написало жалобу на незаконный арест, то оно доставлялось в Совестный суд, который освобождал на поруки или подтверждал правильность ареста. Освобожденное Совестным судом лицо не подлежало повторному аре-

¹ Подробнее см.: Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

² Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. CLIV, 174 с.

³ См.: Зарудный С.И. Беккария о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X Наказа Екатерины II и с современными русскими законами. Материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. СПб., 1879. 196 с.

⁴ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 80.

⁵ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

⁶ Пискарева О.М. Меры пресечения в дореволюционной России. // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию Уголовно-исполнительной системы России. Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 366.

сту за то же деяние. При этом не рассматривались жалобы арестованных, обвинявшихся в оскорблении царской особы, убийстве, измене, разбое и воровстве (ст. 401 гл. 26).

Продолжая законотворческую деятельность в области уголовно-исполнительной политики, в 1787 г. Екатерина II пишет особый Устав для тюрем¹. В проекте Устава предусматривались нормы, регламентирующие режим отбывания наказания, раздельное содержание различных категорий заключенных и др. При его подготовке учитывался опыт организации тюрем в европейских странах, устанавливались основные требования к устройству тюремных зданий, определялись вопросы управления тюремными заведениями, а также режим в данных учреждениях.

Согласно проекту, тюрьмы делились на два основных вида: уголовную и гражданскую, которые создавались на уровне губерний и уездов. Уголовные тюрьмы, в свою очередь, делились на части: подстражную, приговорную и осужденную. Также проектом предусматривались пересыльные и каторжные тюрьмы. В проекте Устава о тюрьмах императрица вводила одно из важных требований: с заключенными обходиться «человеколюбиво», но при этом осуществлять за ними тотальный контроль, чтобы они ни себе и ни другим не причинили вреда².

Идеи, заложенные в проекте, так и не нашли в то время практического применения, потому что они были еще далеки от реальности, опережали время, и государство и общество еще не были готовы к таким преобразованиям. Хотя проект, к сожалению, так и не получил законодательного подтверждения, он стал основанием для развития уголовно-исполнительной политики и создания законодательства, получившего реальное воплощение в первой половине XIX в.

Вступивший на престол на рубеже XVIII–XIX вв. Павел I был ориентирован на проведение полномасштабной правовой реформы, важнейшей составной частью которой должна была стать кодификация законодательства³. В 1799 г. разрабатывается инструкция для офицера военного караула Петербургской тюрьмы, регламентирующая порядок приема арестантов в тюрьму, их содержание по роду преступлений и др.⁴ Проведенные Павлом I мероприятия заложили основы внутренней и внешней политики России в XIX в., в том числе и в пенитенциарной сфере. При этом был использован основной

¹ Проект о тюрьмах императрицы Екатерины великой // Тюремный вестник. 1896. № 11. С. 596–617.

² См.: Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II // Русская старина. СПб., 1873. Т. 8. № 7. С. 60–86.

³ Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Правовая реформа в России во второй половине XVIII века // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2. С. 88–92.

⁴ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Юриздат, 1951. С. 265–268.

метод проведения реформ – локальная апробация нововведения с последующим распространением позитивного образа на всю соответствующую сферу¹.

В первую очередь реформированию должны были быть подвергнуты пенитенциарные учреждения столиц, и в случае положительного эффекта этот опыт мог быть распространен на всю территорию России, что могло уже привести не к наличию совокупности отдельных пенитенциарных учреждений, а к созданию полноценной пенитенциарной системы.

Таким образом, в XVIII в. нормативно-правового акта, регламентирующего исполнение наказания в виде лишения свободы, не существовало, что крайне неблагоприятно сказывалось на деятельности пенитенциарных учреждений, особенно негативно данное положение отражалось непосредственно на заключенных.

Тюремные преобразования в Российской империи начались с Указа Александра I (1821 г.), предписывающего в губерниях строительство тюремных замков по особым планам. В Указе отмечалось раздельное содержание арестантов разных категорий, привлечения заключенных к труду, нравственно-религиозное воздействие на личность осужденного². Таким образом, цель наказания в виде лишения свободы, предложенная Екатериной II и заключающаяся в исправлении преступника, получила свое отражение в правовых актах Александра I. Однако отсутствие законодательства, регламентировавшего исполнение наказания в виде лишения свободы, а также существующее еще в тот период крепостное право, превращают тюрьму в орудие произвола³.

С принятием в 1822 г. Устава о ссыльных⁴ наказанием за преступные деяния по судебным приговорам определялись два вида ссылки: ссылки на каторжные работы и ссылки на поселение в предназначенные для этого местности. Ссыльные делятся на каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг (ст. 1).

Устав о ссыльных регламентирует различные вопросы, касающиеся ссылки, таких, как отправление и прием ссыльных, движение партий ссыльных, их имущества, режим в острогах, отдельные моменты их семейных отношений и др.⁵ Однако отсутствие норм об основных принципах исполнения наказания в виде ссылки, о его целях и других общих положениях в Уставе говорит о его

¹ Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Политико-правовая доктрина императора Павла I: теория и практика. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. С. 178, 226–362.

² ПСЗ-1. Т. 27. № 20728.

³ См.: Соцкий Ю.Ф. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России: дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 1998. С. 28.

⁴ Свод законов Российской империи (далее - СЗ РИ). СПб.: Общественная польза, 1900. Т. 14. С. 228.

⁵ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125.

несовершенстве¹.

В начале XIX в. места лишения свободы еще не представляли собой системы, что связано как с общим направлением развития правового регулирования пенитенциарной сферы, так и с отсутствием в российском уголовном праве норм, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы².

Пенитенциарная система России начала XIX в. нуждалась в нормативном акте, регулировавшем порядок и условия исполнения наказания в тюремных учреждениях. Таким актом становится Инструкция смотрителю губернского тюремного замка от 20 мая 1831 г.³, в которой определялись основные положения содержания заключенных в тюрьмах.

Инструкции стала первым правовым актом, регулирующим режим содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях. Инструкция устанавливала круглосуточный прием прибывающих арестантов и вводила для них обязательное медицинское освидетельствование, регламентировала вопросы вещевого обеспечения, организации внутреннего тюремного распорядка, обеспечения раздельного содержания некоторых категорий заключенных, правового положения церкви и ее представителей, порядка совершения религиозных обрядов и др.

В Инструкции предусматривалась возможность осуществления телесных наказаний силами самих арестантов. Однако в целях обеспечения безопасности лиц, предназначенных для осуществления телесных наказаний, они должны были содержаться изолированно от основной массы арестантов.

Инструкция характеризуется дальнейшей гуманизацией тюремного заключения. Она предписывала раздельное содержание заключенных женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних. Согласно ст. 205 Инструкции, смотритель должен был обходиться с заключенными «кротко и человеколюбиво», стараться приобрести их доверие располагающими при трудах разговорами, заботясь об их нуждах, при этом точно и твердо исполнять свои обязанности. А при назначении наказаний он должен применять разумность и справедливость.

Однако одновременно в соответствии с сословным строем российского общества Инструкция запрещала размещать в одних камерах чиновников и разночинцев с «чернью».

При этом в Инструкции отсутствовали нормы стимулирующего характе-

¹ См.: Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 24-39.

² Подробнее см.: Андрусенко О.В. Очерки по истории систематизации уголовного законодательства Российской империи первой половины XIX века: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2010. С. 65.

³ Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 57.

ра, а именно: меры поощрения арестантов за хорошее поведение и добросовестный труд, а также применение досрочного освобождения. Данное положение являлось существенным недостатком, препятствовавшим улучшению условий содержания при отбывании наказания в местах лишения свободы¹.

Действие Инструкции распространялось на территорию всей Российской империи, и, соответственно, ее нормы применялись в деятельности тюремных замков Казанской губернии.

В процессе формирования системы пенитенциарных учреждений в регионах России в 1830-х гг. создаются арестантские роты. Так, указом Николая I 10 июля 1837 г. утверждается Положение о Казанской арестантской роте гражданского ведомства².

На основании общероссийского законодательства издавались и региональные правовые акты. 16 августа 1837 г. Казанское губернское правление принимает «Уложение о постоянной повинности в г. Казани и об арестантской роте гражданского ведомства», согласно которому в ведение роты поступали только мужчины: преступники с небольшими сроками заключения (как правило, до двух лет), бродяги, крепостные, отправленные «на исправление» по воле помещиков, приговоренные к высылке в Сибирь³.

Наиболее распространенными правовыми актами управления являлись циркуляры - ведомственные правовые акты, являвшиеся директивными распоряжениями, содержащими определенные предписания подчиняющимся органам. В свою очередь Казанский губернский тюремный комитет издавал циркуляры по разъяснению и уточнению норм, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы по исполнению наказаний, а также для урегулирования организационных вопросов непосредственно в деятельности пенитенциарных учреждений Казанской губернии.

В период упрочнения абсолютизма происходит существенное развитие права. Издаются много законов, проводится работа по систематизации законодательства. Первым систематизированным нормативным актом об исполнении наказания в виде лишения свободы становится «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных». Закон принимается в 1832 г. Государственным Советом, а в 1842 г. в него вносятся дополнения.

Юрисдикция этого закона распространялась на лиц, относящихся к разным сословиям, причем для некоторых из них предусматривались определен-

¹ Подробнее см.: Рассказов Л.П., Упоров И.В. Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 г. как исток уголовно-исполнительного права России // Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 249.

² ПСЗ-2. Т. 12. № 10438.

³ Топоров А.А. Охранять, созидать и жить (к 170-летию ИК-2). Казань.: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. С. 11.

ные привилегии и льготы. Бытовые условия, питание дворян, чиновников и купцов первой и второй гильдий, обращение с ними отличались от условий для других арестантов¹.

Особенность Свода заключалась в том, что его положения указывали на преимущество ссылки, поскольку количество статей о ссыльных в нем было в четыре раза больше количества статей о содержащихся под стражей. Посредством ссылки государство видело возможность решения внутренних проблем².

В систему мест заключения по закону входили губернские и уездные тюремные замки, смирительные и рабочие дома, тюрьмы, содержащие заключенных каторжан, исправительные арестантские роты. В этих учреждениях господствовал суровый режим, продолжали широко применяться телесные наказания.

Таким образом, законодательство об исполнении наказаний отражало общие тенденции и закономерности развития Российского государства. Однако попытка систематизации пенитенциарного законодательства путем издания Устава о содержащихся под стражей была успешной только формально, поскольку отсутствовали соответствующие механизмы его реализации. Это обусловило ситуативный характер правового регулирования деятельности пенитенциарных учреждений, их зависимость от местных социокультурных и историко-правовых условий.

Приведенные выше правовые акты, регулировавшие исполнение наказаний в виде лишения свободы, имели свое действие на территории всей Российской империи и, соответственно, в пенитенциарных органах и учреждениях Казанской губернии. Проблемой всех субъектов российского государства в XVIII – начале XIX вв. являлось то, что подавляющая часть действующего нормативного материала была неизвестна государственным органам и чиновникам, мало того, некоторые из них вообще были недействующими. Многие законы не публиковались, а размножались путем переписывания.

С середины XIX в. данное положение стало меняться, поскольку государство было заинтересовано в квалифицированных кадрах тюремной системы, а для этого необходимо было своевременное обеспечение их действующим законодательством. Примером тому является высылка казанскому губернатору для Тюремного отделения Полного издания свода законов и продолжения к нему в количестве 90 книг³.

15 августа 1845 г. Николаем I было подписано Уложение о наказаниях

¹ См.: Аладьина Л.С. Уголовно-исполнительная политика Российского государства, вторая половина XVII в. – первая четверть XIX в.: дис. ... канд. юр. наук. М., 2003. 174 с.

² См.: Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVII – начале XX в. : учеб. пособие. М.: Акад. МВД России, 1996. С. 27.

³ Циркуляр ГТУ от 26 октября 1891 № 14973 // Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 209.

уголовных и исправительных¹, согласно ст. 2 которого за совершение преступлений и проступков виновные подвергались наказаниям «уголовным и исправительным». Государство по-прежнему преследовало разные цели в применении наказания, выражающиеся в устрашении преступника, исключении его из жизни общества. Наряду с этим государство всё более стремилось к перевоспитанию осужденных. Позже начинают развиваться такие институты, как условно-досрочное освобождение и амнистия².

Однако Н.Д. Сергеевский констатировал, «что ни Уложение 1845 г., ни XV том Свода законов, ни предшествовавшие им проекты не удовлетворяли насущным потребностям русской правовой жизни; они все оказывались неполными, не соответствующими структуре юридического быта и, так сказать, устарелыми уже в самый момент своего появления»³.

Переход России на новый путь развития в ходе проведения буржуазных реформ 1860–1870-х гг. сопровождался существенными изменениями правовой системы в целом и уголовного права в частности. Уже 17 апреля 1863 г. был подписан указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных»⁴, который отменил применение телесных наказаний, закрепив основным видом наказания лишение свободы⁵.

Наибольшие изменения в применении уголовных наказаний вносились в 1864 г. в ходе проведения судебной реформы⁶ и в связи с принятием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями⁷. При этом появление Устава внесло беспорядок в уголовное законодательство, поскольку «одновременное существование двух уголовных кодексов с некоторыми лишь различиями в основных понятиях о преступлении, о мере ответственности и т.п. отрицательно сказывалось на практике, особенно в применении их одними и теми же судами»⁸.

5 декабря 1866 г. принимается закон «Об исправительных приютах», который впервые осуществил правовое регулирование исполнения наказания несовершеннолетних осужденных. К учреждению приютов призывались государственные, общественные организации, частные лица, земства и духовенство, но

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 36.

² См.: Гришко А.Я. Амнистия и помилование: монография. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. С. 69-73.

³ Сергеевский Н.Д. Современные задачи уголовного законодательства в России. С.-Петербург: Тип. Правительствующего сената, 1883. С. 108.

⁴ ПСЗ-2. Т. 38. Отд. 1. № 39504.

⁵ См.: Гольденберг И.Г. Реформа телесных наказаний. СПб., 1897. С. 173.

⁶ См.: Латыпов М.М. Очерки истории судебной системы России и Казанской губернии (1864 – февраль 1917 гг.). Кн. 1. Казань, 2005. 184 с.

⁷ СЗ РИ. Т. 15. С. 203-234.

⁸ Таганцев Н.С. Русское уголовное право : в 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 381.

находиться они должны были в ведении МВД. Исправительные заведения в законе назывались «богоугодными и общепольными» и предназначались для совершивших преступления детей¹. Наиболее активно откликнулись на этот призыв частные лица, при этом деятельность открывающихся заведений была организована по-разному, так как у частных учредителей имелись разные взгляды и подходы к делу². Недостатком закона 1866 г. является отсутствие в нем системы воспитания, а также мер поощрений и дисциплинарных взысканий.

В целях устройства и содержания воспитательно-исправительных ремесленных приютов законодательством предусматривается создание специальных обществ. Так, 23 января 1873 г. Министром внутренних дел утверждается Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов³.

Существенным элементом проводившихся преобразований стала тюремная реформа, завершившаяся в 1879 г. В ходе нее было создано Главное тюремное управление (далее – ГТУ) Российской империи, задача которого состояла в упорядочивании пенитенциарной системы, приведении в порядок тюремных учреждений, обеспечении сносных условий содержания заключенных и исполнения наказания. 11 декабря 1879 г. принимается закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях»⁴, возложивший на ГТУ разработку программы строительства и реконструкции тюремных зданий, а также указывающий на необходимость введения одиночной системы содержания заключенных в тюрьмах.

Созданные в 1890 г. губернские тюремные инспекции становятся контролирующими органами над местными пенитенциарными учреждениями, издавая ведомственные правовые акты, имевшие свое действие на определенной территории. К примеру, в связи с имевшимся случаем невнесения в местное казначейство всего арестантского заработка за целый год и самовольного его расходования на тюремные хозяйственные нужды, не имеющие ничего общего с заработком, циркуляром Казанской губернской тюремной инспекции от 29 декабря 1907 г. № 6607 в Казанской губернии устанавливался следующий порядок денежной отчетности по арестантским заработкам: 1) через каждые две недели начальниками мест заключения представляются тюремному инспектору

¹ Ашин А.А. Правила об исправительных приютах 1866 г. и их назначение в становлении исправительных заведений для несовершеннолетних // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию Уголовно-исполнительной системы России. Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 248.

² См.: Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних в России (середина XIX – начало XX в.): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995; Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России. М., 1995. С. 10.

³ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ ПСЗ-2. Т. 54. № 60268.

ведомости о заработанных суммах по существующей форме; 2) ежемесячно в представляемых ведомостях об арестантском заработке начальниками мест заключения в особой графе показывается заработанная сумма, внесенная в местное казначейство с указанием номера квитанции; 3) производство работ в долг не допускается, поэтому все заработанные суммы, не полученные с заказчиков в течение отчетного месяца, должны быть получены в течение следующего месяца, а к 1 декабря все долговые работы должны быть закончены и с заказчиков получены все деньги; 4) в случае неисполнения устанавливаемого порядка отчетности по заработанным суммам они будут отнесены на счет начальников мест заключения, как в административном, так и в материальном отношении¹.

Кроме этого, тюремные инспекции были своего рода регуляторами в деятельности пенитенциарных учреждений на местном уровне, разъяснявшими положения основных правовых актов об исполнении наказания в виде лишения свободы. Так, 7 ноября 1907 г. Казанской губернской тюремной инспекцией давалось разъяснение по исчислению сроков содержания заключенных в соответствии с Уголовным уложением, утвержденным 22 марта 1903 г., в котором указывалось, что при исчислении сроков месяц считается в 30 дней, а день в 24 часа. При этом приводился пример: у осужденного к заключению в крепости на 7 месяцев и 7 дней, задержанного в 19.00 часов 15 октября 1907 г., срок заключения должен окончиться 20 мая 1908 г. в 19.00 часов, т.е. срок наказания в данном случае должен составлять 217 дней. 3 ноября 1907 г. инспекцией было предписано всем надзирателям и чинам администрации всех мест заключения принять к неуклонному исполнению «Инструкцию о порядке употребления оружия чинами тюремной администрации и стражи» от 5 сентября 1907 г., вывесив ее на видном месте².

В процессе развития уголовно-исполнительной системы важную роль в деятельности мест заключения имели циркуляры, правила и др. правовые акты управления ГТУ. К примеру, с введением системы дактилоскопии в Российской империи с 1 января 1907 г. ГТУ направило во все губернии и области Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков. При этом министр юстиции признал возможным отменить в актах особых присутствий и комиссий по освидетельствованию ссыльных, а также в статейных списках описание частей правого уха, носа, лба и челюстей (отношение ГТУ от 30 декабря 1906 г. № 32)³.

Из имеющихся в Минюсте сведений, отмечалось в распоряжении ГТУ от 21 декабря 1906 г. № 29, видно, что начальники мест заключения часто встречаются с трудностями при разрешении вопросов о приеме и освобождении лиц,

¹ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 161. Л. 18.

² НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 161. Л. 15-16.

³ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 45-46.

доставляемых для содержания под стражей, не находя в действующих распоряжениях по тюремной части точных указаний. Для восполнения этого пробела и предупреждения возможного при неправильном разрешении вопроса незаконного содержания под стражей заключенного ГТУ разработало Правила об условиях и порядке приема и освобождения арестантов¹.

При этом в циркуляре департамента полиции МВД от 22 декабря 1906 г. № 22750 указывалось, что доставленные в тюрьму политические арестанты по письменному распоряжению судебного следователя, жандармской власти или полиции могут приниматься без установленных документов. Но если по истечении 24 часов с момента приема копии постановления о взятии под стражу так и не получены, то начальник тюрьмы должен немедленно освободить заключенного. Поэтому МВД предписывало своевременно направлять начальникам тюрем постановления о взятии под стражу, с тем чтобы не могли уклониться от ответственности серьезные революционные деятели².

Циркуляром ГТУ от 20 июля 1907 г. давались разъяснения по содержанию заключенных согласно Правилам о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов 16 ноября 1904 г., а именно указывалось, что из числа содержащихся под стражей в особый разряд выделяются политические арестанты, находящиеся под следствием и судом. А при обращении судебного приговора к исполнению все арестанты являются одинаково отбывающими наказания и различаются только в зависимости от особенностей тюремного режима, соответствующего тому или другому виду лишения свободы. Здесь же давались разъяснения, какие из подследственных арестантов признаются политическими³.

Таким образом, можно констатировать, что на основании правовых актов ГТУ издавало циркуляры – ведомственные правовые акты, являвшиеся директивными распоряжениями, содержащими определенные предписания подчиняющимся органам. Регламентация деятельности пенитенциарной системы Казанской губернии проводилась путем издания циркулярных распоряжений Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, казанского губернатора, Тюремного отделения Казанского губернского правления и других органов по тюремной части, содержащих предписания по исполнению наказаний, связанных с лишением свободы.

В свою очередь Казанская губернская тюремная инспекция и Казанский губернский тюремный комитет издавали циркуляры по разъяснению и уточнению норм, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы, а также

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 30-38.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 7-8.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 83.

для урегулирования организационных вопросов непосредственно в деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии.

Значительным актом в истории тюремной системы периода самодержавия становится Общая тюремная инструкция, подписанная министром юстиции 28 декабря 1915 г. Инструкция предписывала всем чинам тюремной стражи обходиться с арестантами человеколюбиво, спокойно и справедливо. В то же время в ней акцентировалось требование от арестантов строгого соблюдения установленного порядка, при этом ни при каких условиях не должны были допускаться насильственные действия. Служебная деятельность должна нестись с добросовестным отношением к своим служебным обязанностям, порядочным поведением и образом жизни¹.

Позже, в 1917 г., Инструкция подверглась переработке в связи с несоответствием устанавливаемых инструкцией правил новым задачам тюремного дела революционной России. Для этого по губерниям был разослан циркуляр ГТУ от 27 апреля 1917 г. № 34 с требованием о предоставлении предложений по изменению Инструкции, с учетом местных условий и нового правопорядка².

Таким образом, в XVIII в. нормативно-правового акта, регламентирующего порядок и условия исполнения наказаний в виде лишения свободы, не существовало. Отсутствие норм, регулировавших механизм исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, крайне неблагоприятно сказывалось на деятельности пенитенциарных учреждений и порождало произвол со стороны тюремной администрации. Предпринимались попытки к принятию актов, направленных на улучшение системы исполнения наказаний, с учетом опыта организации тюрем в европейских странах. Однако эти попытки получили реальное воплощение только в XIX в.

В первой половине XIX в. принимаются Устав о ссыльных, Инструкция смотрителю тюремного замка, имевшая свое действие на территории всей Российской империи, и Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных, являвшийся первым систематизированным нормативным актом об исполнении наказания в местах лишения свободы. Во второй половине XIX в. принимается закон «Об исправительных приютах», впервые осуществивший правовое регулирование исполнения наказания несовершеннолетних осужденных. В целях совершенствования исполнения наказаний в виде лишения свободы в начале XX в. принимается Общая тюремная инструкция.

В целом исполнение наказаний в виде лишения свободы на территории

¹ См.: Детков М.Г. Реформы системы исполнения уголовных наказаний и их исполнение на различных этапах его функционирования // История уголовно-исполнительной системы России (к 130-летию образования УИС): сб. научных статей. М., 2009. С. 43.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1903. Л. 1-8.

Казанской губернии осуществлялось согласно российскому законодательству, на основании которого издавались региональные правовые акты, детализирующие отдельные вопросы деятельности пенитенциарных учреждений, не урегулированные общероссийскими законами. Регламентация деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии осуществлялась путем издания отдельных циркуляров, являвшихся директивными распоряжениями, содержащими определенные предписания по исполнению наказаний, связанных с лишением свободы.

§ 3. Структура и управление пенитенциарной системой России

Реализация наказания в виде заключения в тюрьму в Российской империи осуществлялась, прежде всего, путем создания государственных тюрем. И.Я. Фойницкий определяет тюрьму как «государственное сооружение, принудительно ограничивающее свободу передвижения заключенного определенным пространством»¹. Более широкое значение придавал тюрьме А.А. Пионтковский: «под тюрьмой разумеются все виды принудительного лишения свободы, начиная от каторжных работ и кончая простым арестом»². В тюрьмах содержались лица, обвиняемые в тяжких государственных преступлениях, а также те, кто не был осужден судами, а был отправлен в заключение персональными царскими указами.

Помещаемые в тюрьмы лица не различались на подсудимых и осужденных. Одиночное заключение было исключением, диктовавшимся необходимостью изолирования лиц, представляющих своим поведением опасность для остальных заключенных, а также особо «важных» арестантов³.

И.Я. Фойницкий описывал тюремное заключение как отбывание наказания в помещениях с наименьшими удобствами для жизни, а также с применением мучительных телесных страданий, сопровождающихся наложением оков, кандалов, приковыванием к стене. Тюремные сидельцы размещались на соломе, для больных отдельных помещений не было, здесь же они и умирали, а их трупы оставались лежать продолжительное время⁴.

Тюремное заключение отбывалось в специально построенных для этого помещениях, а также в монастырях. По своему устройству различались обыкновенные, каменные и земляные тюрьмы. Обыкновенными считались деревян-

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 306.

² Пионтковский А.А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение. Одесса, 1892. С. 4.

³ См.: Сергиевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887. С. 183 - 185.

⁴ См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 308.

ные тюрьмы, состоявшие из нескольких изб, огороженных заостренными крепкими кольями, откуда и пошло название острог. Каменные тюрьмы в литературе упоминаются редко, в древнее время каменные тюремные здания вообще не строились. Каменными тюрьмами называли специально отведенные помещения в каменных монастырях для заключения преступников¹.

Самыми суровыми по режиму были земляные тюрьмы, представляющие собой вырытые в земле ямы. Некоторые обкладывались бревенчатым срубом, сверху которого ставился еще один сруб, а между ними устанавливалось перекрытие с небольшим окном². Другие тюрьмы представляли собой земляную яму, обложенную кирпичом и покрытую дощатой крышей, в которой имелась дверь, запиравшаяся на замок. В это отверстие поднимали и опускали заключенных, через него же подавалась еда и особые судна для естественных нужд, очищавшиеся один раз в сутки. На полу стелилась солома³. Земляные тюрьмы предназначались для особо опасных преступников и просуществовали до 1724 г., когда по указу Петра I они были засыпаны.

Надзор за тюремными учреждениями на местах осуществлялся воеводами и губными старостами. Непосредственное управление тюрьмами вменялось в обязанность целовальникам и сторожам, жившим при тюрьмах. Их функциональные обязанности в основном сводились только к наблюдению за заключенными.

В период правления Петра I в законодательстве просматривается карательно-устрашительная функция наказания. Отсутствовало понятие индивидуализации уголовного наказания. Многие наказания были однородными: условия содержания в тюрьме приводили к смерти не только больных людей, но и здоровых, а это было равносильно смертной казни. Кроме того, из-за отсутствия элементарных правил и норм обращения с заключенными в тюрьмах царил произвол со стороны исполняющего наказание персонала⁴.

В 1775 г. создаются рабочие и смирительные дома, подчиненные Приказам общественного призрения в губерниях. Срок заключения в рабочих и в смирительных домах определялся как на определенное время, так и бессрочно. Позже заключение производилось только на определенный срок.

Рабочие дома предназначались для предоставления работы в основном людям «низкого состояния»: «...дабы работою доставить прокормление неимущим...» (ст. 390 гл. 25 Учреждения для управления губерний Всероссий-

¹ См.: Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского: монография. М.: Проспект, 2010. С. 302.

² См.: Лучинский Н.Ф. Курс практического тюремоведения. СПб., 1912. С. 94.

³ См.: Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы // Право. 1903. № 7. С. 436.

⁴ См.: Татулян М.А. Особенности уголовных наказаний в России в период царствования Петра I // История исполнения уголовных наказаний в России: сб. статей / под общ. ред. д-ра юрид. наук, канд. психол. наук, проф. О.Г. Ковалева. М.: НИИ ФСИН России, 2006. С. 42.

ской империи)¹. Кроме неимущих, сюда помещались и осужденные за преступления имущественного характера (кражи, грабежи, мошенничество, незаконная продажа спиртных напитков и др.) и административные проступки.

Указом 1781 г. предписывалось заключение в рабочий дом учинивших кражу с причинением ущерба менее 20 рублей и совершивших кражу четырежды, так как в первые три раза назначались телесные наказания. Способом исправления преступника являлся осуществляемый им труд, приносящий доход, средства которого шли на погашение всей суммы причиненного ущерба плюс начисления за содержание рабочего дома. При этом заключенный должен был самостоятельно погасить причиненный ущерб по иску, без чьей-либо помощи со стороны².

Руководство рабочим домом осуществлялось смотрителем, а непосредственно режим содержания контролировали надзиратели, подбиравшиеся из добросовестных и порядочных людей (ст. 390 гл. 25 Учреждения для управления губерний)³.

Основным отличием рабочих домов от тюрем было обязательное использование труда осужденных. Однако после того, как в тюрьмах начинается привлечение осужденных к труду, рабочие дома утрачивают свое значение. Существующие рабочие дома стали реорганизовывать в тюрьмы. В 1884 г. последние из них прекратили свое существование.

Цели смирительных домов были определены в Учреждениях для управления губерний и заключались в ограждении общества от дерзости, наглости, непочтительности и лицемерия и, соответственно, были необходимы для общего благочестия и спокойствия в семьях (ст. 391 гл. 25)⁴. Исходя из этого определялся субъектный состав лиц, подлежащих заключению в смирительные дома: дети, не повиновавшиеся родителям и считающиеся лентяями и бездельниками; лица, совершавшие безнравственные и позорящие поступки, проматывавшие свое состояние; женщины непристойного поведения и т.п.

Индивид, заключенный в смирительный дом, должен был содержаться за счет поместивших его лиц (помещиков, родителей, родственников). Если данное условие не соблюдалось, то заключенный из смирительного дома освобождался.

Как в рабочем, так и в смирительном доме все должны были трудиться. В Учреждениях для управления губерний предусматривалось, чтобы содержащиеся в рабочем доме лица все время своего содержания были заняты трудом, за исключением отведенного времени для сна и приема пищи. Ленивые заклю-

¹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

² См.: Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVII – начале XX в. : учеб. пособие. М.: Акад. МВД России, 1996. С. 36.

³ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

⁴ См.: ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

ченые принуждались к работе, а непослушные наказывались прутьями до трех ударов за один проступок. Кроме этого, их могли ограничить на три дня в еде, оставив только на хлебе и воде, а также поместить в темную камеру на неделю (ст. 391 гл. 25)¹.

Использование государством дешевого труда осужденных широко использовалось также при освоении новых территорий, вошедших в состав Российской империи в XVIII в. Прежде всего, это проявилось в расширении применения ссылки и каторги как разновидностей лишения свободы. Преимущественно каторжане использовались для добычи полезных ископаемых, на строительных работах, а при Петре I также в качестве гребцов на галерах. Труд ссыльных, в основном, применялся в сельском хозяйстве².

Н.Г. Фельдштейн обратил внимание на широкое использование государством труда каторжан для «грандиозных сооружений»³. 14 октября 1715 г. Петр I издает указ о неиспользовании каторжных в мелочных работах, приемлемыми являлись работы на одном месте по вбиванию свай и т.п.⁴

Каторжане и ссыльные были лишены личных, сословных и имущественных прав. Им не разрешалось иметь связи с местными жителями, быть свидетелями на суде, вести переписку⁵. Жены преступников могли вторично выйти замуж, а дети их считались свободными от родительской власти⁶. Помимо этого, при осуждении преступники лишались своего движимого и недвижимого имущества⁷. Только в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. отмечалось, что в случае осуждения «благородного» его наследство отдается законным наследникам (ст. 23)⁸. В 1802 г. положения о наследовании имущества осужденных дворян были распространены на купцов, мещан и на государственных крестьян⁹.

Наряду с традиционным вырыванием ноздрей и отрезанием ушей, во второй половине XVII – первой половине XVIII в. опасные преступники, пригово-

¹ См.: ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

² См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 321.

³ См.: Фельдштейн Г.С. Ссылка, очерки ее генезиса, значения, истории и ее современного положения. М., 1893. 191 с.

⁴ ПСЗ-1. Т. 5. № 2939.

⁵ Там же. Т. 8. № 5353; Т. 16. № 11678.

⁶ Там же. Т. 13. № 10086, 10087; Т. 17. № 12728; Т. 18. № 12934.

⁷ Там же. Т. 13. № 10101.

⁸ Там же. Т. 22. № 16187.

⁹ См.: Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII веке // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 7-8.

ривавшиеся к тюремному заключению или к каторге, клеймились¹. С 1870 г. было установлено, что ссыльных мужчин низших сословий, лишенных всех прав состояния, отправлять на этапы обязательно с выбритой правой половиной головы. В 1892 г. «из-за невозможности распознавания по внешнему виду арестантов каторжного разряда, бродяг и приговоренных на поселение при исполнении приговоров арестантам каторжного разряда по-прежнему брилась правая половина головы, а осужденные двух других категорий высылались с выбритой левой стороной головы»².

В XIX в. появляется массовая ссылка в Сибирь, которая рассматривалась как уголовное наказание за государственные и политические преступления³. Произвольная отправка в Сибирь без суда и только по одному подозрению в «неблагонадежности» была обычным явлением в последние годы царствования Александра II. С 1878 г. административная ссылка становится обычным явлением⁴.

Главной задачей уголовно-исполнительной политики при этом являлось использование работы осужденных для государственной пользы. В период с 1823 по 1861 гг. сосланных в Сибирь насчитывалось 289 514 человек, а ушедших с ними по своей воле жен и детей – 23 764 человека, в том числе сосланы на каторжные работы 39 601 мужчина и 4 330 женщин и на поселение – 207 604 мужчины и 37 979 женщин, т.е. ежегодно ссылалось 7 618 человек⁵.

Правительство неоднократно пыталось упорядочить ссылку и организовать поселение ссыльных, но все эти дорого стоившие попытки окончились полной неудачей. Вопрос об отмене ссылки рассматривался неоднократно на Международных тюремных конгрессах в 1846, 1847, 1857, 1872 гг. и др. 5 мая 1899 г. состоялось заседание Особого совещания, образованное по докладу министра юстиции, которое рассматривало вопросы об отмене или ограничении ссылки. Подробное рассмотрение указанных вопросов было возложено на образованную при Министерстве юстиции Комиссию по отмене ссылки⁶. 6 мая 1899

¹ См.: Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / В.С. Жеребин [и др.]; науч. ред. д-р социол. наук, проф. В.М. Морозов, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. В.С. Жеребин; под общ. ред. Ю.И. Калинина; ВЮИ Минюста России. Владимир, 2005. С. 87.

² Тюремный вестник. 1893. № 2. С. 28.

³ См.: Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: учеб. пос. Иркутск: Иркутский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1980. С. 8.

⁴ См.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2-х частях / пер. с англ. И.Н. Кашинцева. СПб., 1906. С. 85.

⁵ См. более подробно: Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3-х частях. 3-е изд. СПб., 1900. С. 27–139, 317.

⁶ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 - 1917 гг. СПб.: Наука, 1998. Т. 1: Высшие государственные учреждения. С. 80.

1899 г. ссылка в Сибирь была отменена¹.

Заметный сдвиг в пенитенциарной политике России, тесно связанный с настроением общества, произошел в начале XIX в. Нарастание противоречий между самодержавным строем и дворянством, а также получение опыта от политических и религиозных зарубежных организаций вызывали стремление определенной доли знатного сословия к достижению бескризисного развития общества. Это привело к созданию в 1819 г. Общества попечительного о тюрьмах.

Первоначально Общество исключительно занималось вопросами морально-нравственного исправления заключенных. Однако достаточно быстро его внимание переключилось на хозяйственные проблемы пенитенциарных учреждений². Таким образом, благотворительная общественная организация приобрела широкие полномочия в совершенно другой сфере деятельности. Причем финансирование реализации этой деятельности осуществлялось за счет бюджетных средств. По мнению И.Н. Федотовой, это позволяет говорить о том, что роль Общества попечительного о тюрьмах изначально отличалась от традиционного понимания благотворительности. С помощью этого института государство предполагало не только упорядочить управление пенитенциарными учреждениями, но и урегулировать хозяйственные проблемы уголовно-исполнительной системы³.

К 1825 г. сложилась разветвленная сеть тюремных учреждений, включавшая наряду с общеуголовными губернскими тюремными замками политические тюрьмы, в качестве которых использовались Петропавловская, Шлиссельбургская и ряд северных крепостей.

Крепости всегда были оплотом самовластия. В казематах крепостей часто томились, изнывали и гибли лучшие представители русского народа, борющиеся за его права и свободу. Осужденные содержались в одиночных камерах. В редких случаях переполнения тюрьмы их могли содержать по несколько человек, но довольно непродолжительное время. Арестанты обычно не знали, где они находятся, так как строго запрещалось сообщать им эти сведения, более того, караулу запрещалось что-либо о них рассказывать. Многие из осужденных разучивались говорить, забыв обыкновенные слова, некоторые лишались рассудка и сходили с ума, томясь в казематах продолжительное количество лет,

¹ См.: Гогель С.К. О замене ссылки в Сибирь другим наказанием. СПб., 1899. С. 3.

² См.: Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560-1880). СПб., 1880. С. 60.

³ См.: Федотова И.Н. Комитеты Общества попечительного о тюрьмах: задачи, состав, практическая деятельность (на материалах Владимирской губернии первой половины XIX в.) // Вестник ВЮИ ФСИН. 2006. № 1. С. 146–147.

«не видя человеческого лица, не слыша человеческого голоса»¹.

Столкнувшись с многочисленными децентрализованными органами политического розыска и отсутствием специальных учреждений для надзора за государственными преступниками, Николай I объединил их, создав единую систему борьбы с революционерами от их выявления до расправы с ними. Центральным органом в этой системе было III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, подчиненное лично монарху².

В XVIII–XIX вв. происходят изменения в структуре государственного аппарата, ведавшего вопросами реализации наказаний, связанных с лишением свободы. В Учреждениях для управления губерний 1775 г. была подробно регламентирована организация и деятельность судебной и пенитенциарной системы. Система управления тюрьмами становится более упорядоченной. Местное управление местами заключения возлагалось на губернские канцелярии, а общим управлением заведовал правительствующий Сенат. Согласно Учреждению, в каждой губернии должна быть устроена губернская тюрьма, а в каждом уезде – уездные тюрьмы, или, как их чаще называли, «тюремные замки»³.

В 1823 г. в пенитенциарной системе появляются военно-арестантские роты, предназначенные для совершивших преступления военнослужащих. Однако в 1825 г. вследствие революционно-освободительной борьбы России против царизма, закончившейся поражением декабристов, военно-арестантские роты начинают перевоплощаться в арестантские роты, предназначавшиеся и для гражданского населения. Главной причиной появления арестантских рот являлась необходимость сокращения расходов на перемещение ссылаемых в Сибирь ввиду их огромного и постоянно увеличивающегося количества.

В арестантские роты помещались и осужденные приговором суда, и крепостные крестьяне по воле помещика, а также беглые и бродяги. В целом в данное учреждение попадали лица из разных сословий. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. говорится об арестантских ротах как самостоятельном виде лишения свободы. По своей суровости арестантские роты занимали третье место после смертной казни и ссылки на каторжные работы. В арестантских ротах действовал военный режим в сочетании с принудительным трудом. Кроме этого, к арестантам применялись телесные наказания, а также во внесудебном порядке им можно было продлить срок наказания.

¹ См.: Пругавин А. Петропавловская крепость. Очерк первый. Декабристы. Ростов-н/Д., 1906. С. 11-12; Пругавин А. Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крепости. Ростов-н/Д., 1904. С. 12-13.

² См.: Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826 - 1856 гг.). Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1980. С. 3-6.

³ История государственного управления в России / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д., 1999. С. 138.

По-прежнему для решения прагматических задач государство стремится использовать труд арестантов, о чем свидетельствует такое обстоятельство, как нахождение арестантских рот в ведении строительных комитетов и комиссий¹. В 1870 г. арестантские роты переименовываются в исправительные арестантские отделения, просуществовавшие до 1917 г.

Управление тюрьмами в первой половине XIX в. было сосредоточено в разных ведомствах. Третье отделение императорской канцелярии заведовало политическими тюрьмами. Монастырские тюрьмы находились в ведении Святейшего правительствующего Синода, учрежденного в 1721 г. взамен патриаршества для управления Русской православной церковью и просуществовавшего до 1918 г.² Общеуголовными тюрьмами заведовал Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел. Общее управление исправительными арестантскими ротами осуществлялось Главным управлением путей сообщения и публичных зданий³. Смирительные и рабочие дома, находящиеся под попечением Приказа общественного призрения, были в ведении Департамента хозяйственной полиции.

В каждом губернском городе существовал местный губернский острог, во главе со смотрителем, надзирателями из солдат-инвалидов и караульной службой. В некоторых крупных городах создавались пересыльные тюрьмы. В Сибири складывается система каторжных тюрем, подчиненных генерал-губернаторам, а по пути к ним – этапы и полуэтапы. В тюрьмах строго сохранялось сословное деление. Во всех тюрьмах имелись особые камеры для «благородных» заключенных, для которых существовал более облегченный режим, без отправления на работу и телесных наказаний⁴.

В первой половине XIX в. у пенитенциарной системы еще не было возможности внедрять прогрессивные планы в полной мере. Это связано, во-первых, со слабым социально-экономическим положением государства; во-вторых, с недостаточно развитым государственным управлением основными сферами жизни; в-третьих, с отсутствием единой централизованной системы исполнения наказаний в виде лишения свободы; и, в-четвертых, с бессистем-

¹ См.: Рассказов Л.П., Упоров И.В. Исправительные арестантские роты гражданского ведомства как вид лишения свободы в российском праве XIX в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 184.

² Там же. С. 134.

³ Гибов В.В., Смирнов Л.Б. Пенитенциарные учреждения в системе МВД Российской Империи // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. Часть I. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. С. 61.

⁴ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. С. 177.

ным правовым регулированием исполнения таких наказаний, осуществлявшимся на основе правовых актов, издаваемых по отдельным вопросам уголовно-исполнительной политики.

Практика деятельности тюремных учреждений показывала, что существование тюрем не только не оказывало особого влияния на снижение преступности, но даже провоцировало стойкий рецидив. Отрицательной стороной тюремного содержания являлось и то, что организация его условий, к которым относятся труд, режим, дисциплина, не приводили к положительным результатам. Принуждение арестантов к труду ни к чему, кроме отупения и озлобления, не приводило, а об эффективном нравственном и религиозном воспитании нечего было и говорить в силу черствости и криминальной закоренелости натуры осужденных¹.

25 апреля 1821 г. был утвержден проект о плане устройства тюрем по всей империи, предполагавший строительство тюремных зданий в городах по общему плану². Но в 1823 г. из-за отсутствия средств, а также различия местных потребностей в тюремных помещениях в городах, в зависимости от их населения, было решено строить такие тюрьмы лишь в крупных городах. 5 ноября 1827 г. были утверждены планы тюрем теперь только для губернских городов, но вскоре также из-за недостатка средств и эти планы были изменены, а новые тюрьмы, построенные по этому плану, названы образцовыми. С 1830 г. средствами на строительство тюрем распоряжалось Министерство внутренних дел, а с 1842 г. по 1865 г. – Главное управление путей сообщения и публичных зданий, переименованное в 1864 г. в Главное управление путей сообщения³.

Кроме того необходимо отметить, что в первой половине XVIII в. начинает проявляться гуманное отношение к заключенным, проявляющееся в отмене жестоких наказаний и уважении его личности. В 1826 г. принимается закон об истреблении стульев с цепями и о воспрещении изобретать что-либо подобное, отменяется бритье голов заключенных в тюрьмах⁴.

Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражею и ссыльных 1832 г., предусматривалось несколько видов тюремного заключения: 1) военно-арестантские роты (применялись как для военных, так и для некоторых категорий гражданских лиц); 2) помещения на съезжих дворах и при управах благо-

¹ См.: Иванов А.А. Научно-гуманистическая мысль и становление западноевропейской системы в XVIII – первой половине XIX в. // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 33-36.

² См.: ПСЗ-1. Т. 37. № 28617.

³ См.: Корнева Н.М. Российское тюремное законодательство в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Русское общество и тюремная реформа XVIII - XXI вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. СПб.: СПб ИПК УИС МЮ РФ, 2004. С. 28.

⁴ ПСЗ-2. Т. 1. № 198.

чиния (камеры предварительного заключения при полицейских участках и управлениях); 3) смирительные и рабочие дома; 4) тюремные замки и остроги¹.

После принятия Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, где говорилось о создании приютов для малолетних от 10 до 17 лет, и Закона от 5 декабря 1866 г. «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» произошло формирование системы воспитательных учреждений для несовершеннолетних преступников. Так, в Уставе определялось, что несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет помещаются в приюты на определяемый мировым судьей срок, но не менее года и не дольше достижения ими восемнадцатилетнего возраста².

Согласно Закону 1866 г., исправительные заведения находились в ведении Министерства внутренних дел и предназначались для детей, совершивших преступления (ст. 2)³. Однако на практике в приютах содержались не только осужденные за преступления, но и нищие и бродяги⁴. В случаях, когда в губернии исправительные заведения отсутствовали, несовершеннолетние могли быть приговорены к тюремному заключению. В Законе подчеркивалось, что учреждать такие заведения могут земства, общества, духовные организации и частные лица.

Первые исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних были созданы в Нарве (1848 г.) и Ревеле (1850 г.). В 1864 г. в Санкт-Петербурге было открыто заведение, предназначенное для содержания преступивших закон девочек-подростков, а в 1865 г. в Москве была основана исправительная школа для малолетних преступников⁵. В 1875 г. был образован воспитательно-исправительный ремесленный приют в Казани. В дальнейшем появляется целый ряд исправительных заведений по Российской империи. В 1892 г. во всей России насчитывалось 20 таких заведений, в 1908 г. – 46⁶, а к 1910 г. – их было уже 49. Отмечено, что в приютах содержалось 20% от общего числа осужденных, а 80% несовершеннолетних, осуждаемых мировыми судами, для которых не было места в существующих приютах, направлялись в тюрьмы и

¹ Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России : учебник / под. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. С. 43-44.

² СЗ РИ. Т. 15. Ст. 6, 11. Гл.1.

³ ПСЗ-2. Т. 41. Отд. 2. № 43949.

⁴ НА РТ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 37. Л. 10, 31.

⁵ См.: Юдин Е.Г., Олейник И.И. История уголовно-исполнительной системы России: учеб. пособие. Иваново, 2003. С. 36-37.

⁶ См.: Михеенков Е.Г. Исторические аспекты становления системы отбывания наказаний несовершеннолетними преступниками в дореволюционной России // История уголовно-исполнительной системы в России: сб. науч. статей / сост. и ред. К.Н. Курков. М.: НИИ ФСИН России, 2007. Вып. 3. С. 112.

арестные помещения. Детская преступность неумолимо росла¹.

Интересен тот факт, что приюты, созданные в первые двадцать лет, прошедшие после судебной реформы 1864 г., были созданы исключительно на средства частных лиц или общественных организаций². Это говорило, на наш взгляд, об активной заботе общества о перевоспитании несовершеннолетних, что являлось качественным показателем участия в дальнейшей судьбе малолетних преступников.

Исправительные приюты, согласно Закону 1866 г., учреждались «не иначе, как отдельно для несовершеннолетних того или другого пола». Заведывание приютами вверялось только «лицам неопороченной нравственности и имеющим аттестат на право преподавания». Несовершеннолетние в приютах обучались: 1) закону Божьему по правилам того вероисповедания, к которому принадлежал несовершеннолетний; 2) чтению, письменности, основам арифметики и другим элементарным наукам; 3) земледельческим или ремесленным работам по усмотрению учредителей (ст. 6–8)³.

В случае побега из приюта сбежавшего снова возвращали в него, после чего несовершеннолетний содержался под особо строгим присмотром, отдельно от других, но такое наказание могло продолжаться не свыше одного месяца. Исправившимся несовершеннолетним назначенный им срок пребывания в приюте можно было сократить на одну треть. Но если кто из них после был замечен в «дурном поведении», то он снова возвращался в приют до истечения полного назначенного ему срока. Приют оказывал покровительство вышедшим из него несовершеннолетним, выражавшееся в оказании возможного содействия по обустройству их будущей жизни (ст. 9–11).

Таким образом, уголовно-исполнительная политика России в XIX в. была направлена на совершенствование деятельности пенитенциарной системы. В то же время в управлении пенитенциарными органами и учреждениями отсутствовала система и централизация, и соответственно, постоянный контроль за их деятельностью. Кроме этого, разные требования к обеспечению условий и порядку исполнения наказаний привели к дезорганизации тюремного дела⁴.

Следующим этапом на пути реформирования пенитенциарной системы

¹ См.: Давыдова Н.В. Условия содержания несовершеннолетних осужденных женского пола в истории России // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 5.

² См.: Бабушкин А.В., Невский В.В. Подросток и тюрьма: проблемы и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации. М., 2002. С. 16.

³ ПСЗ-2. Т. 41. Отд. 2. № 43949.

⁴ См.: Детков М.Г. Реформы системы исполнения уголовных наказаний и их исполнение на различных этапах его функционирования // История уголовно-исполнительной системы России (к 130-летию образования УИС): Сб. научных статей. М., 2009. С. 41.

России стали буржуазные реформы Александра II. Пытаясь в какой-то мере упорядочить правоприменительную деятельность, приблизить нормотворчество к реальной жизни, Министерство юстиции внесло предложения об установлении следующих видов исправительных наказаний: 1) заключение в исправительном доме; 2) заключение в смирительном доме; 3) арест или «простое лишение свободы»; 4) денежные взыскания; 5) выговоры, объявленные в публичном заседании суда¹.

Преобразование тюремной системы в России являлось одной из главных задач Министерства внутренних дел, поэтому усилия его были направлены как к улучшению системы мест заключения, так и к более правильной и рациональной организации системы тюремного надзора и быта заключенных.

В 1865 г. Государственный совет принял решение о замене в тюрьмах внутренних караульных постов вольнонаемными надзирателями, определяемыми губернским начальством. При этом указывалось, что на должности тюремных надзирателей предпочтительнее назначать благонадежных отставных нижних чинов, а при их недостатке – лиц всякого звания с правами действительной службы².

В целях преобразования пенитенциарной системы высшими должностными лицами проводились проверки мест заключений. Так, в 1867 г. директор Департамента полиции исполнительной действительный статский советник барон Велио проверил некоторые пенитенциарные учреждения империи, из них: 11 губернских тюремных замков, 25 уездных тюрем, 4 смирительно – рабочих дома, 9 арестантских рот и пересыльную часть в некоторых пунктах главных пересыльных трактов³.

В своем отчете он отметил нарушения правил по исполнению наказаний со стороны тюремной администрации, попечительных и тюремных комитетов и их отделений. Вместе с тем были выявлены нарушения законодательства и халатность некоторых губернских правлений по арестантским делам.

Порядок и организация тюремной деятельности везде были разными: разрешенное в одной тюрьме запрещалось в другой; в одной тюрьме заключенные получали пищу в достатке, в другой наполовину голодали; в одной – проступок против тюремных правил карался выговором, в другой влек за собой телесное наказание. Повсюду царил беспорядок и произвол, повсюду проявлялся недостаток общих правил.

Более того, смотрители тюремных замков, за немногими исключениями, были мало знакомы со своими обязанностями, при этом еще и выполняли их

¹ Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 38-39.

² ПСЗ-2. Т. 40. Отд. 1. № 42055.

³ НА РГ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 72. Л. 12-14.

недостаточно усердно. Количество наемных надзирателей не везде вводилось с действительной потребностью. Так, в Орловской губернской тюрьме было 7 надзирателей, в Курской – 18, а в Воронежской – 30, тогда как размеры и устройство этих тюрем были почти одинаковыми¹.

Немаловажным фактором, говорившим о неблагоприятном состоянии пенитенциарной системы, было то обстоятельство, что в состав губернских тюремных комитетов нередко входило большое число его членов (до 40), принимавших зачастую лишь формальное участие в работе комитета. Это происходило потому, что директорами комитета являлись люди, работающие в них по совместительству, да еще и на безвозмездной основе и, соответственно, безразличные к тюремному делу, а также члены комитетов, ограничивающиеся только взносами.

Постоянным спутником тюремного быта России являлось переполнение тюрем, достигающее ужасающих размеров. Особенно заметно переполнены были срочные тюрьмы, в которых сверх допустимого лимита содержалось до 37 % арестантов². Вследствие этого в тюрьмах присутствовали высокий уровень заболеваемости и смертности заключенных.

Отсутствие возможности разместить арестантов по роду преступлений, возрасту и полу в соответствии с требованиями закона создавало благоприятные условия для овладения преступным ремеслом и повышения преступной профессионализации³. Кроме этого, в некоторых тюрьмах устанавливалось внутреннее самоуправление, в которое тюремная администрация не вмешивалась. Оно формировалось из избираемых арестантов, следивших, в свою очередь, за недопущением беспорядков и получавших за свою работу дополнительную порцию с общего стола⁴. Неблагоприятным фактором в тюрьмах являлось безделье арестантов, происходящее из-за отсутствия мастерских и каких-либо занятий.

Видя огромные недостатки в управлении пенитенциарной системой, правительство было подведено к необходимости осуществления тюремной реформы.

Основными задачами реформирования тюремной системы было создание единой системы управления местами лишения свободы, повышение контроля над пенитенциарными учреждениями и их совершенствование.

Информация, поступающая из пенитенциарных учреждений, позволила подготовить Записку о преобразовании тюремной части в России. Записка состояла из пяти разделов: 1) очерк действующих законов; 2) предлагаемые меры правительства по улучшению тюрем; 3) настоящее положение тюрем; 4) пред-

¹ НА РГ. Ф 386. Оп. 1. Д. 71. Л. 6-7.

² См.: Юферов В.Н. Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. С. 6.

³ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и настоящее. М., 1990. С. 71.

⁴ См.: Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 - октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М.: Щит-М, 2004. С. 59.

ложения с мест об улучшении тюрем; 5) мнение МВД об устройстве тюрем¹.

Отмена крепостного права повлекла за собой обнищание части сельского населения и рост числа имущественных преступлений. Отсюда возникла необходимость расширения сети пенитенциарных учреждений. Для управления ими, а также для строительства новых объектов требовалось наличие единого административно-координирующего центра. В ходе подготовительной работы было предложено разделить все места заключения на предварительные и исполнительные². Предварительные места заключения предусматривались для изоляции подследственных арестантов, а также осужденных, приговор которых не вступил в законную силу. Исполнительными же считались все места заключения, предназначенные для осужденных арестантов³.

Параллельно ведомственная комиссия, председателем которой являлся министр внутренних дел А. Лобанов-Ростовский, приступила к разработке реформы мест заключения Санкт-Петербурга⁴. По мнению членов комиссии, срок наказания должен соответствовать виду пенитенциарного учреждения: осужденные на срок до 1 года лишения свободы подлежали направлению в арестные дома; на срок от 1 года до 5 лет - в смирительные дома; свыше 5 лет - в исправительные дома. При этом предлагалось использование таких средств воздействия на заключенных, как дисциплинарные меры, обязательный труд и нравственно-религиозное воспитание.

Окончательно выработку мер по преобразованию органов тюремного управления и передвижению арестантов завершила образованная в 1877 г. Комиссия по тюремным преобразованиям из членов Государственного совета под председательством статс-секретаря К.К. Грота. Комиссией были разработаны законопроекты по преобразованию тюремной части и пересмотрено частично (2 гл.) Уложение о наказаниях⁵. В итоге 27 февраля 1879 г. в составе МВД было создано Главное тюремное управление.

Помимо ГТУ, определенные функции по руководству тюремной системы возлагались и на Государственный совет. Право назначения, перемещения и увольнения начальников тюрем и их помощников, состоящих в должностях от

¹ См.: Егорова Е.В., Козлова О.О. Особенности ведения учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 43.

² См.: Городинец Ф.М. Места содержания под стражей в Российской империи // История государства и права. 2003. № 4. С. 24.

³ См.: Материалы Особой комиссии для рассмотрения проекта реформы и II главы 1 раздела Уложения (1877-1878 гг.). СПб., 1879. С. 6-8.

⁴ Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880. С. 641.

⁵ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. СПб.: Наука, 1998. Т. 1: Высшие государственные учреждения. С. 45.

XIV до VII класса, предоставлялось губернаторам¹.

Реформирование пенитенциарной системы в последние предреволюционные десятилетия приблизило ее к передовым странам в мире. В 1880 г. Россия по инициативе начальника ГТУ М.Н. Галкина-Враского становится членом Международной тюремной организации, задачей которой было устройство периодических тюремных конгрессов с целью объединения всех стран в стремлении улучшить постановку тюремного дела на основе применения передовых нововведений пенитенциарной науки².

Структура ГТУ состояла из пятнадцати делопроизводств, где работали 56 чиновников и немногим меньше служащих. Функции руководства и контроля за деятельностью губернских и уездных мест заключения исполняли тюремные отделения.

К концу 1879 г. в ведении ГТУ находились около 700 тюремных учреждений, в том числе: «84 губернских и 510 уездных тюремных замков, 32 дополнительных тюремных помещения, 33 исправительных тюрем и исправительных арестантских отделений, 11 смирительно-рабочих и 2 исправительных дома, 4 следственных и 12 пересыльных тюрем»³. В 1882 г. в ведении ГТУ уже находилось 767 учреждений гражданского ведомства⁴.

В конце XIX в. в связи с изменением условий развития общества ликвидируются долговые тюрьмы, смирительные и рабочие дома, арестантские роты. Но общее число тюрем не только не уменьшилось, а резко возросло⁵. Основное место в уголовно-исполнительной системе заняли центры, находившиеся в прямом подчинении ГТУ. В этот период в Российской империи было построено много новых тюрем. Так, с 1886 по 1902 гг. вновь введено 56 крупных тюрем, приобретено под тюрьмы 19 частных и преобразовано 28 зданий. Кроме того, построены 6 тюрем по системе одиночного заключения⁶. Преобладающим видом мест лишения свободы в пореформенной России стали губернские и уезд-

¹ См.: Юдин Е.Г., Олейник И.И. История уголовно-исполнительной системы России: учеб. пособие. Иваново, 2003. С. 44-45.

² См.: Зубов С.В. М.Н. Галкин-Враской – первый начальник Главного тюремного управления Российской империи (1879 - 1896 гг.). 2-е изд. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 26.

³ Лучинский Н.Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879-1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2. С. 301.

⁴ См.: Уголовно-исполнительная система. 130 лет / М.Г. Детков и др. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. С. 21.

⁵ См.: Пирогов П.П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX - начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве // История государства и права. 2003. № 3. С. 3.

⁶ См.: Гибов В.В., Смирнов Л.Б. Пенитенциарные учреждения в системе МВД Российской Империи // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. Ч. 1. С. 64.

ные тюрьмы. Уездные тюрьмы создавались на 2-3 уезда с количеством мест на 20-70 человек, а губернские – на 150-200 человек¹. К началу XX в. ГТУ распорядилось 895 тюрьмами, из них 718 – общего устройства, в которых содержалось чуть более 90 тысяч заключенных². С ликвидацией Третьего отделения в ведение Министерства внутренних дел попали политические тюрьмы (Петропавловская и Шлиссельбургские крепости).

Для улучшения организации тюремной службы и изменения порядка устройства управления и надзора в тюрьмах 15 июня 1887 г. Александр III вводит Особые правила об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи. Согласно Правилам, в местах лишения свободы к органам управления на низовом уровне были отнесены: начальники тюрем (заменившие смотрителей) и их помощники; тюремная стража, состоящая из старших и младших надзирателей; тюремные священники, дьяконы и псаломщики; врачи и фельдшеры. Основная же роль в управлении отводилась начальникам тюрем.

Правилами была отменена зависимость тюремных учреждений от организаций Общества попечительного о тюрьмах. Замещение должностей начальников тюрем и их помощников высших классов теперь осуществлялось распоряжением министра внутренних дел на основании ходатайства ГТУ, а должностей до VI класса - губернаторами. Назначение и увольнение тюремных надзирателей перешло к компетенции начальников тюрем, тогда как раньше это осуществлялось комитетами и отделениями Общества попечительного о тюрьмах. Также изменился порядок привлечения к судебной ответственности: должностные лица высших классов привлекались по постановлениям министра внутренних дел, а чиновники до VI класса – по постановлениям губернских правлений. Тюремные же надзиратели представлялись суду по постановлениям полицейских управлений³.

В целях совершенствования управления системой пенитенциарных органов и учреждений создается Совет по тюремным делам, в состав которого вводились царским указом высокопоставленные лица из различных ведомств. В ведении Совета находились такие вопросы, как пересылка арестантов, устройство тюрем, утверждение смет доходов и расходов, исправление заключенных, обобщение отчетности и др.⁴

¹ См.: Яковлева О. Участие Министерства юстиции Российской империи в проведении тюремной реформы // Преступление и наказание. 2011. № 2. С. 47.

² См.: Отчет Главного тюремного управления за 1900 год. СПб., 1902. С. 12.

³ См.: Петренко Н.И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 258-259.

⁴ См.: Юдин Е.Г., Олейник И.И. История уголовно-исполнительной системы России: учеб. пособие. Иваново, 2003. С. 40.

В марте этого же года на местах учреждаются губернские тюремные инспекции. Это были отдельные административные органы, через которые можно было контролировать процесс тюремной реформы на местах. Во главе их стояли губернские тюремные инспекторы, статус которых был достаточно высок.

Первые инспекции создаются 21 марта 1890 г. в губерниях: Виленской, Киевской, Пермской, Саратовской и Харьковской. 4 июня 1891 г. они вводятся в Екатеринославской, Казанской, Московской, Херсонской и Томской губерниях. 2 мая 1894 г. – в Варшавской губернии; 4 мая 1894 г. – в Воронежской, Лифляндской, Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях; 29 мая 1895 г. – в Ковенской, Костромской, Полтавской, Черниговской и Ярославской губерниях; 1 июня 1895 г. – в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях¹. В последующие годы рост инспекций не прекращался. Так, до 1907 г. общее их количество в российском государстве составляло 24, а с 1909 г. по 1912 г. было открыто еще 29 инспекций². Далее следовал еще ряд учреждений губернских тюремных инспекций, но их создание тормозилось недостаточностью средств, имеющихся у правительства. Однако целесообразность введения данного органа в губерниях была вполне очевидна, так как имелась назревшая необходимость постоянного контроля за пенитенциарными учреждениями³. В 1912 г. инспекции функционировали уже в 53 губерниях (из 64)⁴, а к 1913 г. в империи работало 56 тюремных инспекций⁵. При этом не все регионы быстро реагировали на проводимые реформы в пенитенциарной системе: на Кубани, например, тюремные инспекции были образованы только в 1915 г.⁶

После внесения изменений в Устав о содержащихся под стражей в 1890 г. в перечень мест содержания под стражей гражданского ведомства включались: пересыльные тюрьмы, каторжные тюрьмы, губернские, областные и уездные тюрьмы (тюремные замки), исправительные арестантские отделения, помещения для подвергаемых аресту, арестантские помещения при полиции⁷.

Последним шагом на пути реформирования тюремной системы России в

¹ ПСЗ-1. Т. 9. № 6653; Т. 10. № 7844; Т. 14. № 10597, 10568, Т. 16. № 11742, 11757.

² См.: Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906-1912). СПб., 1913. С. 118.

³ См.: Познышев С.В. Очерки тюремоведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1915. С. 260.

⁴ Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Приложение // Тюремный вестник. 1914. № 6/7. С. 5-7.

⁵ См.: Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. С. 133.

⁶ См.: Славинский Н.В. Становление и развитие института тюремных инспекций Российской империи и его специфика на Кубани: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2009. С. 13.

⁷ См.: Фролова О.В. Образование Главного тюремного управления в дореволюционной России // Русское общество и тюремная реформа 18-21 вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. СПб.: СПб ИПК УИС МЮ РФ, 2004. С. 36.

XIX в. стала передача ее в ведение Министерства юстиции в 1895 г. Однако в обществе этот шаг был расценен неоднозначно, в основном негативно, в том числе и со стороны видных юристов¹. Фактически ГТУ стало бесконтрольным. Жаловаться на инспекцию можно было только прокурору, а он был сослуживец по ведомству и часто кандидат в тюремные инспекторы².

На основании Указа от 13 декабря 1895 г. из ведения установлений Министерства внутренних дел было исключено три разряда дел: по заведыванию тюремными учреждениями гражданского ведомства, по заведыванию пересылкой арестантов и по исполнению судебных приговоров о наказаниях лишением свободы. Соответственно, круг деятельности губернского тюремного управления расширился³.

Главным начальствующим лицом всех мест заключения становился министр юстиции, а непосредственное заведывание ими по всей империи вверялось начальнику ГТУ, местное – губернаторам. Заведывание каторжными тюрьмами возлагалось на местных губернаторов, которым были предоставлены те же права, что и в Европейской России, а кроме этого, еще права и обязанности бывших экспедиций о ссыльных⁴.

Губернские тюремные инспекции также работали под руководством губернатора и находились в составе губернского правления. Губернский инспектор являлся членом общего присутствия данного правления. С 1895 г. губернские инспекторы стали назначаться министром юстиции, но сами инспекции продолжали оставаться в составе губернского присутствия.

В обязанности тюремного инспектора входило собирание сведений о порядке исполнения наказания в тюремных учреждениях, проведение ревизий тюремного хозяйства, прием заявлений от тюремной администрации, проверка делопроизводства, а также законности содержания арестантов в учреждении.

Основные функции тюремного инспектора в губерниях заключались в контроле и надзоре за местными карательными учреждениями и воспитательно-исправительными заведениями для несовершеннолетних; в наблюдении за исполнением правил, установленных законом о размещении арестантов и о способе их содержания; ходатайстве перед ГТУ о нуждах местных тюремных учрежде-

¹ См.: Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С.В. Степашина, П.В. Крашенинникова. М.: НОРМА, 1998. С. 22-23.

² См.: Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности главного тюремного управления // История государства и права. 2003. № 4. С. 53.

³ См.: Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности губернской тюремной инспекции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2. С. 28-29.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1915. Т. 2. С. 136.

ний, а также в организации работы по предупреждению побегов из тюрем, сохранению жизни надзирательного состава и др. Губернский инспектор должен был следить, чтобы соблюдались все правила относительно отчетности по арестантским работам. По сути, он являлся руководителем местной тюремной администрации. Ему подчинялась вся администрация тюрьмы, включая начальника. Должностные лица обязаны были оказывать ему уважение и точно исполнять его приказания. В отношении них он имел дисциплинарную власть: согласно ст. 69 Уложения о наказаниях, за упущения по службе он мог делать им словесно или письменно замечания или выговоры без внесения в послужной список¹.

Однако, несмотря на достаточно высокий статус, качественный состав губернских тюремных инспекторов оставлял желать лучшего. В период с 1896 г. по 1900 г. за нарушения своих служебных обязанностей (взятки, злоупотребление служебным положением) были уволены со службы 8 тюремных инспекторов и 1 помощник инспектора, более того, один приговорен судом к ссылке на жительство. Важным фактором профессиональных качеств тюремных инспекторов и их помощников являлся уровень образования, который был невысоким: 25% из них не имели высшего образования, а из секретарей инспекций дипломы об окончании высших учебных заведений имелись только у 20%².

Должности губернского инспектора и его помощников укомплектовывались в основном за счет чинов ГТУ, допускались случаи комплектования за счет чинов судебного ведомства и прокуратуры. Предусматривалась рокировка служащих между центром и местными органами ГТУ. Структура тюремной инспекции, как правило, состояла из трех делопроизводств: административного, хозяйственного и секретарского. В штат инспекции, кроме штатных чинов (обычно 7 единиц), входило 10 человек канцелярских чиновников и писцов³.

Губернская тюремная инспекция выступала в роли не только ревизора, но и функционера по выполнению распоряжений ГТУ, реализации тюремного законодательства. Одна из важнейших ее задач состояла в предотвращении и пресечении хищений и растрат в сфере хозяйственной деятельности тюрем⁴.

В 1902 г. в составе ГТУ формируется новое делопроизводство по организации арестантских работ. Тюменский приказ о ссыльных ликвидируется, и с 1904 г. ГТУ самостоятельно занимается распределением ссыльных в Сибири. В это же время создается Особый архив для хранения дел о ссыльных, функциони-

¹ См.: Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. С. 256, 257.

² См.: Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994. С. 105.

³ Детков М.Г. Указ. соч. С. 101.

⁴ См.: Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности губернской тюремной инспекции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2. С. 30-32.

рующий в составе ГТУ. В 1906 г. учреждается Центральное дактилоскопическое бюро, а в 1908 г. выделяется особое делопроизводство ГТУ, основной функцией которого стала разработка нормативных актов для пенитенциарной системы. Позднее, в 1912 г., делопроизводство ГТУ, кроме Главной инспекции по пересылке арестантов, было преобразовано в девять отделов (частей) по следующим направлениям деятельности: 1) по личному составу служащих тюремного ведомства; 2) по окладам содержания классных чинов тюремного ведомства, пенсиям, пособиям, канцелярским и хозяйственным средствам мест заключения и вопросам организации деятельности тюремной стражи; 3) распорядительная часть; 4) строительная часть; 5) хозяйственная часть; 6) арестантские работы; 7) счетная часть; 8) законодательная и статистическая часть; 9) по проведению воспитательной работы в исправительных заведениях и обществах патроната¹.

На 1 января 1905 г. всего в России в ведении гражданского ведомства, кроме арестантских помещений при полиции, состояли 1983 места заключения, в том числе: 1) каторжных тюрем (не считая временных помещений для арестантов, выводимых на дорожные и разные другие работы на далекие расстояния от тюрьмы) – 18; 2) исправительных арестантских отделений – 36; 3) тюрем в столицах и губернских и областных городах – 98; 4) уездных тюрем и однородных с ними тюремных учреждений – 626; 5) арестных домов – 714; 6) специальных следственных тюрем – 2; 7) пересыльных тюрем – 4; 8) этапов и полуэтапов – 495².

Кроме того, необходимо отметить, что на 1 января 1905 г. на территории России функционировали 43 приюта и 6 земледельческих колоний. Все эти воспитательные заведения были открыты на пожертвованные средства частных лиц. Однако постоянный рост численности осужденных несовершеннолетних не позволял всех направлять в эти учреждения из-за нехватки мест. В последующие годы эта тенденция сохранялась, что подтверждается следующими статистическими сведениями. В 1907 г. приговоренных к наказанию в виде лишения свободы было 3889 несовершеннолетних, что составляло 2,8% от общего количества осужденных, в 1908 г. эта цифра достигла 4628 человек, или 3,1%, в 1909 г. – 6137 человек, или 3,7%, в 1910 г. – 7483 человека, или 4,6% от общего количества осужденных к лишению свободы³.

¹ См.: Юдин Е.Г., Олейник И.И. История уголовно-исполнительной системы России: учеб. пособие. Иваново, 2003. С. 42-43.

² Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России за период с 1900 по 1905 год, составленный для VII Международного тюремного конгресса в Будапеште начальником Главного тюремного управления А.М. Стремоуховым. СПб., 1905. С.7.

³ См.: Гарнавский Е.Н. Движение числа несовершеннолетних осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10. С. 45.

В 1909 г. принимается Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних¹, согласно которому такие учреждения (приюты, колонии, особые помещения при тюрьмах) могли организовывать правительства, города, духовные учреждения, общественные организации и частные лица. В эти учреждения направлялись не только осужденные, обвиняемые и подсудимые несовершеннолетние, но и нищенствующие и бродяги, а также отдаваемые родителями для исправления. К началу 1917 г. в России функционировало 57 колоний и приютов, в которых содержалось 2570 воспитанников².

Таким образом, в начале XX в. сформировалась достаточно прогрессивная система исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников. Основные направления уголовно-исполнительной политики в отношении малолетних правонарушителей были направлены на гуманизацию условий отбывания ими наказаний.

Призывы к гуманности и соблюдению правил чести и человеколюбия имелись и в утвержденной министром юстиции в декабре 1915 г. Общей тюремной инструкции. Данное положение звучало лицемерно, поскольку в тюрьмах еще применялись наказания розгами и темным карцером. Тем не менее, в ней указывалось, что чины тюремной стражи должны строго требовать от арестантов соблюдения установленного порядка, при этом обходиться с ними спокойно и «человеколюбиво». Более того, употреблять нецензурные слова в любых случаях запрещалось³.

Кроме этого, в 1915 г. выпускается новое издание «Памятки тюремного надзирателя», служившее практическим пособием для чинов тюремной стражи при исполнении ими обязанностей своей службы⁴.

Во главе мест заключения стояла администрация, в состав которой входили: начальник тюрьмы, его помощники, тюремные священники, врачи, фельдшеры, тюремные надзиратели и иные чины тюремной стражи. Особое место в тюремной системе занимала служба охраны, состоявшая из двух служб: тюремной стражи из старших и младших надзирателей, обеспечивавших внутренний надзор и внешнюю охрану мест заключения, и конвойной стражи, состоящей из конвойных команд, осуществлявших различные виды конвоирования арестантов и оказывавших помощь тюремному руководству в прекращении

¹ СЗ РИ. Т. 14. Ст. 267.

² См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX - начала XXI века: учеб. для вузов / под. ред. А.И. Зубкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 208.

³ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М.: Госюриздат, 1948. Т. 3. С. 38.

⁴ НА РГ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 518. Л. 3.

беспорядков среди арестантов и производстве среди них обысков¹.

Таким образом, в XVIII – первой половине XIX вв. сложились основные организационные формы исполнения наказания в виде тюремного заключения, ссылки, каторги, смиренных и рабочих домов. Поскольку до середины XIX в. специализированных и подчиненных центральной исполнительной власти учреждений по управлению местами заключения и ссылки не существовало, пенитенциарные учреждения подчинялись различным ведомствам.

В результате проведения ряда организационно-правовых мероприятий в конце XIX в. была сформирована единая концепция исполнения уголовных наказаний, соответствовавшая общему направлению правительственной политики, а также создана централизованная структура управления тюремной системой во главе с Главным тюремным управлением.

Преобладающим видом мест лишения свободы в пореформенной России были губернские и уездные тюрьмы. Управление деятельностью пенитенциарных органов и учреждений в регионах Российской империи осуществлялось на централизованном общегосударственном и региональном (местном) уровнях. Связующим звеном между ГТУ и пенитенциарными учреждениями на местах становятся тюремные инспекции, осуществляющие контрольные и надзорные функции.

¹ См.: Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / под ред. С.В. Степашина, П.В. Крашенинникова. М.: НОРМА, 1998. С. 26.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

§ 1. Формирование и развитие пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии

С проведением в Российской империи в XVIII в. крупных административно-территориальных реформ, начатых Петром I, в 1708 г. страна была поделена на восемь губерний, одной из которых была Казанская губерния. В состав вновь созданной губернии вошли все Среднее Поволжье, Нижнее Поволжье и Приуралье. Татарское население искусственно было разделено по разным губерниям, в результате чего татары составляли всего около 40 % от общего населения Казанской губернии¹.

Тюремное заключение в XVIII в. назначалось как самостоятельное наказание и как мера охранительная. Последняя применялась к лицам, сидевшим «до розыску» или до представления поручителей, и к разного рода чинам, не исполняющим своих обязанностей. В 1712 г. Сенат угрожал казанскому губернатору, что «будет он, губернатор, посажен в тюрьму на неделю за невысылку денег из губернии»². В целях побуждения губернских начальств к доставлению ведомостей о доходах и расходах Указом от 24 марта 1719 г. предписывалось не представивших отчеты «сковать за ноги и на шею положить цепь и держать в Приказе покамест, пока вышеописанное исполнится», либо «держать при Сенате под караулом». Только с 1781 г. болезненные наказания во время предварительного ареста запрещались³.

В г. Казани действовавшие три тюрьмы, находившиеся на территории современного Кремля, к началу XVIII в. сформированы в «тюремный двор», огороженный забором из сосновых бревен высотой примерно пять метров. Внутри двора стояли 13 квадратных изб размером около десяти квадратных метров, покрытых камышом, в них размещалось по восемь заключенных. Тюремный двор закрывался прочной калиткой с железными цепями и висячим замком, вне двора располагались три караульные избы. В ночное время тюремный двор запирался, и охрана патрулировала стены снаружи⁴.

¹ См.: Алишев С.Х. Все по истории татарского народа. Казань: Раннур, 2010. С. 523.

² Развитие русского права в XVII – XVIII вв. / С.И. Штамм и др. М.: Наука, 1992. С. 210; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Т. II, ч. 2. № 749.

³ ПСЗ-1. Т. 7. № 4546; Там же. Т. 20. № 14275, п. 2.

⁴ См.: Внимание! Зона!: Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. Казань, 2004. С. 9.

Необходимо отметить, что тюрьмы предназначались для «изоляции от внешнего мира в охраняемом стражей здании и принудительного содержания лиц, подлежащих заключению по приговорам судов или по распоряжению административной власти»¹.

В начале XVIII в. количество лишаемых свободы существенно возрастает. Это происходит потому, что степень закрепощения крестьян достигает своего предела, вследствие чего активизируются антифеодальные волнения, что и приводит к усилению уголовных репрессий. В отличие от тюремного заключения ссылка и каторга занимают доминирующую позицию в системе организационных форм исполнения наказаний Российского государства.

В эпоху великих петровских преобразований государству требовалась в огромном количестве рабочая сила на строительство кораблей, крепостей, заводов, каналов. Принятый в 1715 г. Артикул воинский предусмотрел каторжные работы за достаточно широкий круг преступлений, поэтому стал широко применяться принудительный труд заключенных. В Казанском адмиралтействе, созданном в 1718 г., каторжники сколачивали плоты для отправки леса водным путем в Балтийское море².

30 мая 1764 г. Екатерина II подписала указ, определяющий порядок доставки в Сибирь ссыльных и каторжников. Этот указ только официально утвердил сложившийся на практике порядок³.

Со всей страны приговоренных к каторге и ссылке свозили в г. Казань и размещали в тюрьмах на территории Кремля. Затем их отправляли партиями по Сибирскому тракту пешком в кандалах. Из-за слабой охраны ссыльные часто бежали с дороги, продолжали совершать разные преступления (разбои, убийства, кражи). Проход конвойных партий был так обременителен для местных жителей, что многие из них, особенно удмурты и татары, переселялись подальше от дороги.

У стен современного Казанского кремля (в здании действующего в настоящее время онкологического диспансера) располагалась Казанская центральная пересыльная тюрьма (тюремный замок), рассчитанная на 250 человек и состоявшая из трех каменных корпусов мужских и одного особого женского отделений. Кроме 16 камер, она включала в себя 2 столовые, кухню, 2 карцера, цейхгауз, комнату свиданий, контору и дезинфекционную камеру. В отдельном

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 67. С. 352; НА РТ. Ф. 558. Оп. 1. С. 2.

² См.: Внимание! Зона!: Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. Казань, 2004. С. 10.

³ См.: Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начала XX в.). Новосибирск, 1975. С. 43.

корпусе размещалась баня¹.

В конце XVIII в. самодержавие, опасаясь новых выступлений народных масс, стало укреплять государственную власть на местах. Была проведена губернская реформа, установившая новое административно-территориальное деление. Согласно Учреждению о губерниях 1775 г., вся империя делилась на губернии, а губернии на уезды. В 1775 г. Казанская губерния состояла из 13 уездов: Казанского, Арского (в 1795 г. упразднен), Козьмодемьянского, Лаишевского, Мамадышского, Царевококшайского, Цивильского, Чебоксарского, Чистопольского, Спасского, Свияжского, Тетюшского, Ядринского. Тюремные замки должны были быть в каждой губернии и уездном городе.

В 1781 г. в г. Казани учреждается Казанский приказ общественного призрения, организовавший работу смирительного и рабочего домов, в которых все заключенные в них лица должны были трудиться. Исправительные заведения при Казанском приказе имели ограниченное количество мест, «рабочий и смирительный дома принимали до 40 человек в год»². Арестанты Казанского рабочего дома работали во дворце Казанского кремля: убирали мусор, нечистоты, занимались работами в придворном саду и очистке плаца в парадных местах³.

С начала XIX в. число ссыльных стало быстро возрастать. Пересыльные тюрьмы, в основном, были переполнены и в ужасном состоянии. Так, «в Казанской пересыльной тюрьме, рассчитанной на 250 человек, нередко помещалось до 400–600 человек и более»⁴.

В 1817 году на главнейших дорогах были построены этапы или станции для ссыльных, а к 1823 году учреждены приказы, известные под названием «экспедиций о ссыльных», в таких городах, как Казань, Пермь, Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск.

Казанская экспедиция о ссыльных играла важную роль в отправлении ссыльных. Казанская центральная пересыльная тюрьма стала одним из этапов, который проходило большинство арестантов по пути в Сибирь. Осужденные препровождались к местам заключения на пароходах и баржах по Волге и дальше вверх по Каме. Маршрут препровождения ссыльных в Сибирь пролегал через Казань, Пермь, Тобольск, где располагался центральный сборный пункт

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 36, 42.

² Казанская губерния: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Ген. штаба / сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 451.

³ НА РГ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 120.

ссылных в Сибирь, Томск, Енисей, Иркутск¹. Также имелся и сухопутный путь – по Сибирскому тракту, он шел из Москвы через Владимир, Муром, Арзамас в Казань, а дальше в Пермь.

Основными обязанностями Казанской экспедиции о ссылных был детальный учет и контроль осужденных, а также снабжение их необходимой одеждой и обувью в пути до Тобольска². Режим работы экспедиции на протяжении многих лет практически не изменялся. Как правило, один раз в четыре дня в Казань прибывали партии осужденных из Свияжска. Партии прибывали в Казань и отправлялись довольно часто (раз в два – три дня), как правило, партии сменялись по мере необходимости освобождения мест в тюрьме для вновь прибывших. Прибывшие проводили в Казанской пересыльной тюрьме два – три дня, за это время они получали положенные вещи и отправлялись дальше³.

Как правило, жены отказывались ехать с мужем к месту ссылки, однако нередки случаи, когда родственники ссылных выражали желание отправиться вслед за ними⁴. В случаях смерти ссылного в Сибири его жена из-за отсутствия собственных средств отправлялась на родину за казенный счет этапным порядком в распоряжение уездного полицейского управления⁵.

При смерти ссылных арестантов в г. Казани посылалось сообщение священнику церкви Казанского губернского тюремного замка с просьбой благословения отпеть тело умершего по христианскому обряду, далее составлялся приказ могильщикам о принятии тела и предании его земле. После в экспедицию о ссылных вместе с рапортом направлялись казенные вещи умершего арестанта⁶.

В конце XIX в. движение партий ссылных арестантов в Сибирь происходило через следующие сборные пункты: Москва – Нижний Новгород – Казань – Пермь – Тюмень – Томск (см. приложение 1). Из Казани в Пермь арестанты отправлялись на арестантских баржах каждую неделю по вторникам и раз в две недели по субботам⁷. Для оказания медицинской помощи на каждой барже должен был находиться врач, заведующий баржевым лазаретом, в подчинении

¹ См.: Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982. С. 115.

² НА РТ. Ф. 387. Оп. 21. Д. 7; Там же. Оп. 31. Д. 13. Л. 123.

³ Представление о гендерной и сословной численности ссылных дает партийный список от 3 января 1849 г., в котором указано количество следующих в работу мужчин – 5, женщин – 2; на поселение мужчин – 24; ссылающихся в Сибирскую губернию на жительство из привилегированного сословия – 6; женщин по суду – 6; по воле – 3 и малолетних 5. Всего 61.10 января было отправлено – 72 чел., 17 января – 76; 24 января – 56; 31 января – 47; 7 февраля – 54; 14 февраля – 40 и т.д. каждый понедельник. В год из экспедиции отправлялось около 5 тыс. ссылных (НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 760. Л. 18).

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 53. Л. 59, 63, 66, 72-74, 99, 116, 142.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 323.

⁶ НА РТ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 787. Л. 81-82. (Исх. книга КГТЗ за 1833 г.)

⁷ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 35. Л. 33-39.

которого находился фельдшер¹.

Количество ссыльных и пересыльных арестантов, содержащихся в Казанской центральной пересыльной тюрьме и уездных тюрьмах, уменьшалось в зимний период. Это было связано с тем, что переправлять осужденных водным путем можно было только в навигационный период (см. приложение 2). В пересыльной тюрьме содержались ссыльные на поселение, ссыльнокааторжные, административно-ссыльные и пересыльные арестанты (см. приложение 3).

По представлению министров юстиции и внутренних дел каждые три года Советом министров (до 2 апреля 1906 г. Комитетом министров) утверждались места для выдворения по приговорам крестьянских обществ порочных членов. Так, на 1907–1909 гг. из Казанской губернии высылались удаляемые лица на период с 30 ноября по 1 марта и с 30 апреля по 1 октября в Олонецкую губернию, а на март, апрель, октябрь, ноябрь – в Томскую губернию². В циркуляре ГТУ от 10 декабря 1907 г. № 40 указывалось, что для водворения приговоренных к ссылке на поселение во всех местностях Европейской и Азиатской России Советом министра назначена Иркутская губерния³.

До XIX в. в России несовершеннолетние, совершившие преступления, содержались совместно с взрослыми осужденными. Ситуация меняется в начале века, когда по указу Александра I начинается строительство тюремных замков во всех губерниях империи по особым планам и вводится раздельное содержание разных категорий преступников.

В 1820 г. Петербургский комитет Общества попечительного о тюрьмах постановил: «Арестованных малолетних правонарушителей отделить от взрослых, учить грамоте и легкой работе...»⁴. В г. Казани данное предписание было реализовано на практике в 1821 г. Флигель пересыльной тюрьмы был приспособлен для малолетних правонарушителей так, что они теперь уже отделялись от остальных арестантов. Члены тюремного комитета наблюдали за обучением несовершеннолетних арестантов, за их поведением, вникали в причины их ареста, изыскивали способы к освобождению тех из них, которых «заточили за малые вины»⁵.

В начале XIX в. принимается решение о строительстве нового тюремного замка в г. Казани. По плану 1823 г., хранившемуся в Государственном историческом музее в г. Москве, архитектор поставил своей задачей создать вместо острога за бревенчатым тыном каменный замок за каменными стенами с баш-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 34. Л. 25.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 88-89.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 134.

⁴ Альбицкий Е.И. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников. Саратов, 1893. С.3.

⁵ См.: Казанское попечительное общество. Казань, 1901. С. 79, 151.

нями¹. В целом за 1826–1827 гг. было вновь построено 25 тюрем и различных присутственных мест с местами при них для 14 арестантов².

Казанский тюремный замок в 1831 г., построенный на 250 человек, представлял собой каменное здание, которое было «устроено и содержалось во всех отношениях отлично»³. Однако такое состояние дел имелось далеко не во всех тюремных учреждениях. Так, при осмотре 30 апреля 1831 г. пересыльного тюремного замка казанским губернатором отмечено, что содержащиеся под стражей преступницы, «одержимые болезнями», размещены в двух холодных, сырых и «вредных для здоровья» помещениях. Губернатор полагал построить в этом тюремном замке больницу на 48 человек, в связи с чем министру внутренних дел были представлены план и смета ее строительства. Именным указом от 25 мая 1831 г. было объявлено о тендере на постройку тюремной больницы, строительство которой завершилось в 1834 г.⁴ В отдельном корпусе располагалась больница, в которую помещались больные арестанты всех мест заключения г. Казани и из уездных тюрем, при которых не было больниц.

Одновременно было принято решение о строительстве и исправлении тюремных замков в уездных городах Казанской губернии с существенным изменением не только внешних характеристик, но и внутреннего устройства камер. Также необходимо было отремонтировать 8 тюремных замков в городах Космодемьянске, Ядрине, Тетюшах, Чистополе, Мамадыше, Цивильске, Чебоксарах и Спаске, на что по смете было начислено 62286 руб. 14 коп.⁵

Руководство губернским тюремным замком возлагалось на смотрителя, охрана замка осуществлялась тюремной стражей, состоящей, в основном, из солдат гарнизонных частей. В тюремном замке содержались как осужденные, так и подследственные арестанты.

В тюремных учреждениях ежедневно велся учет арестантов, отражавшийся в дневных рапортах руководства (сколько прибыло, убыло и было в наличии каждый день). Из учета смотрителя Казанского гражданского замка на 1 января 1831 г. прослеживается следующее количество арестантов по категориям: из 145 арестантов – 9 чиновников, 1 священник, 1 дьякон, 109 разночинцев и 25 ссыльных. На 31 декабря 1831 г. содержался 131 арестант, из них: 7 чинов-

¹ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. 2-е изд., доп. и пересмотр. М.: Госюриздат, 1951. С. 301.

² См.: Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. II, кн. 2. Спб., 1826. С. 89, 149.

³ Состояние тюрем в 1831 году (по донесениям флигель-адъютанта Гогеля) // Тюремный вестник. 1903. № 3. С. 285.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 287. Л. 1, 7, 315.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 325. Л. 256, 581.

ников, 1 священник, 75 разночинцев и 48 ссыльных¹. За 1831 г. в Казанском тюремном замке содержался 531 арестант². На основании данных сведений можно констатировать, что переполненности камер не было. В тюремном замке, рассчитанном на 250 человек, содержалось, как правило, меньшее количество заключенных.

Для осуществления надзора за деятельностью тюремных администраций и улучшения финансирования тюрем путем сборов пожертвований в 1833 г. создается Казанский губернский тюремный комитет как попечительный о тюрьмах орган. Комитет осуществлял руководство тюремными отделениями в уездах и занимался хозяйственными и церковно-воспитательными делами в тюрьмах губернии, а также оказывал помощь в размещении детей, оставшихся без попечения родителей, осужденных к наказанию, связанному с лишением свободы.

Несовершеннолетние дети арестантов Казанского губернского замка и Центральной пересыльной тюрьмы на время нахождения их родителей в местах заключения помещались в случае необходимости в приют для малолетних арестантских детей за счет средств Губернского тюремного комитета и средств, получаемых из казны. Позже детей в возрасте до 4-х лет стали размещать в земский сиротский дом, а от 4-х до 12-ти лет в убежище Общества попечения о бедных и больных детях за плату в первый по 13 руб., а в последний по 8 руб. в месяц за каждого³.

Следующим шагом формирования системы пенитенциарных учреждений Казанской губернии стало утверждение Николаем I 10 июля 1837 г. Положения о Казанской арестантской роте гражданского ведомства⁴. В штат роты входили офицеры нижних чинов (с окладом жалования в рублях): командир роты (800), поручик (700), подпоручик (600), прапорщик (500), фельдфебель (72), 20 унтер-офицеров (24), 2 барабанщика (12), писарь (24), 2 цирюльника (12) и 200 арестантов. По указу императора арестантские роты были подчинены начальникам губерний и градоначальникам, а наблюдение же в хозяйственном отношении возложено на губернские правления и канцелярии градоначальников, с предоставлением им всех прав и обязанностей по заведыванию ротами, какие принадлежат Строительным комиссиям⁵.

В состав арестантской роты поступали: а) все арестанты, исключая важных преступников, содержащиеся в городских тюрьмах Казанской губернии, способные к работе: бродяги, подлежащие отсылке в Сибирь на поселение или от-

¹ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-123.

² НА РТ. Ф. 521 Оп. 1. Д. 2. Л. 1-57.

³ НА РТ. Ф.2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 272.

⁴ ПСЗ-2. Т. 22. № 10438.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 402. Л. 4, 25.

правлению в порты в горные и соляные заведения и на работы во владение Путь сообщения; б) люди, присылаемые в смиренный и рабочий дома от помещиков по приговорам обществ и судебных мест; в) арестанты, пересылаемые через Казань в Сибирь на поселение по маловажным преступлениям и за бродяжество, которые не были наказаны кнутом и владеют навыками мастерства¹.

16 августа 1837 г. Казанское губернское правление принимает «Уложение о постоянной повинности в г. Казани и об арестантской роте гражданского ведомства». Согласно ему, в ведение роты поступали только мужчины: преступники с небольшими сроками заключения (как правило, до двух лет), бродяги, крепостные, отправленные «на исправление» по воле помещиков, приговоренные к высылке в Сибирь.

Несмотря на то, что командир Казанской арестантской роты назначался по соглашению между казанским военным губернатором и инспекторским департаментом Военного министерства, рота находилась в полном распоряжении городского комитета по благоустройству. Позже назначения на все должности в пенитенциарных учреждениях осуществлялись тюремным инспектором Казанской губернии по представлению их руководителей².

В 1842–1845 гг. большое количество ссыльных оставлялось в самой Казани, поскольку для восстановления города после пожара 1842 г. необходимы были дополнительные рабочие руки, в качестве которых и использовали ссыльных. Количество заключенных Казанской арестантской роты резко возросло и благодаря этому город был практически отстроен заново³. В 1866 г. в роте содержалось – 3211 заключенных, в 1867 г. – 2924⁴.

На оставшихся в роте арестантов Экспедиция о ссыльных направляла статейные списки, на что получала уведомления об их получении⁵.

Для учета ссыльных в Казанской арестантской роте велась алфавитная книга по арестантам, отправляемым в Сибирь на поселение. Так называемый алфавит заводился на каждый год, в нем указывалось: фамилия, имя, отчество арестанта, из какой он губернии и № статейного списка, когда прибыл в Казань, свидетельство о снабжении одеждой, когда отправлен и № партийного списка⁶. Отдельно велась книга по пересыльным арестантам с номерами партий и указанием, по какому тракту они должны следовать (Симбирскому, Оренбургскому,

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 402. Л. 1.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 12. Л. 8, 9.

³ См.: Топоров А.А. Охранять, созидать и жить (к 170-летию ИК 2). Казань: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. С. 15-16.

⁴ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1405. Л. 613.

⁵ НА РТ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Там же. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1404.

⁶ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-322.

Московскому и др.)¹.

Таким образом, в ведении Казанского губернского тюремного комитета в 60-х гг. XIX в. находились следующие места заключения: гражданский тюремный замок; пересыльный этап; тюремная больница при пересыльном этапе; арестантские помещения при городской полиции и пяти частях; арестантская рота гражданского ведомства; приют для помещения малолетних арестантских детей. В ведомстве уездных отделений состояло 11 тюремных замков².

Поскольку централизация строительства тюрем требовала концентрации материальных ресурсов в руках государства, Положение о земских учреждениях 1864 г. предусмотрело изъятие тюремных расходов из числа губернских земских повинностей, отнеся их на счет государственных земских повинностей. Однако правительство не изменило порядок, в соответствии с которым содержание домов заключения для отбывания наказания в виде лишения свободы по приговорам мировых судей обеспечивалось за счет местных земских средств.

В связи с ликвидацией Приказов общественного призрения на основании циркуляра МВД от 10 января 1866 г. № 5 управление рабочими и смирительными домами передавалось в ведение губернских правлений и попечительных о тюрьмах комитетов в виде временной меры до преобразования системы тюремного заключения. Казанская губернская земская управа была заинтересована в скорейшей передаче домов и просила об этом в своем письме от 6 мая 1866 г. губернатора, т.к. при увеличенном числе арестантов Приказ общественного призрения, имея в штате пять вольнонаемных служащих, не мог осуществлять за рабочими и смирительными домами надлежащий надзор и поддерживать необходимый порядок. Вследствие этого возникали конфликты между заключенными. Так, например, 1 мая арестанты устроили драку, закончившуюся избиванием одного арестанта до полусмерти³.

Спустя год при осмотре пенитенциарных учреждений в ряде регионов России директор Департамента полиции исполнительной барон Велио пришел к выводу, что единственным учреждением, где содержащиеся заняты работами на рациональных основаниях, был Московский смирительно-рабочий дом. В остальных же смирительных и рабочих домах не старались в предоставлении арестантам постоянных занятий, что относилось и к Казанской губернии⁴.

Согласно постановлению Государственного совета 31 марта 1870 г. Казанская арестантская рота гражданского ведомства переименована в Казанское исправительное арестантское отделение с введением в нем гражданского

¹ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-258.

² НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

³ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 51. Л. 3, 40-42.

⁴ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 72. Л. 12-14.

управления и вольнонаемного надзора¹. К началу 1874 г. в исправительном отделении содержалось 209 арестантов по приговорам судебных мест, к 1875 г. – 396 арестантов².

Таким образом, в начале 70-х гг. XIX в. в г. Казани в ведении губернского тюремного комитета состояли следующие места заключения: гражданский тюремный замок; центральная пересыльная тюрьма; тюремная больница, состоящая при пересыльной тюрьме; смирительный и рабочий дома; арестантские помещения при Казанском городском полицейском управлении и всех 5 частей г. Казани; исправительное арестантское отделение. В ведении 11 уездных тюремных отделений состояло 11 тюремных замков³.

На основании циркуляра МВД от 17 сентября 1879 г. № 117 полицмейстер и уездные исправники обязывались ежедневно осматривать тюремные замки и осуществлять контроль за выполнением начальниками тюрем возложенных на них обязанностей⁴. Более того, циркуляром ГТУ от 29 ноября 1889 г. № 25 в тюремных учреждениях были введены особые книги для записи в них замечаний, делаемых при посещении тюрем. Однако, как показывала практика, тюрьмы посещались нерегулярно, за что виновные лица наказывались. О посещениях каждый начальник тюрьмы ежемесячно докладывал рапортом казанскому губернатору⁵, а с 1891 г. казанскому губерньскому тюремному инспектору⁶.

Российское законодательство во второй половине XIX в. предусматривает создание специальных мест лишения свободы для малолетних преступников. В целях устройства и содержания воспитательно-исправительного ремесленного приюта 23 января 1873 г. министром внутренних дел утверждается Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов⁷. Общество начало свою деятельность с незначительным капиталом – около 2000 руб. В первое время работа общества сопровождалась большим успехом, и к 1876 г. оно уже располагало капиталом в 20 000 руб.⁸ При достаточных средствах общество приступило к устройству приюта.

В целях пополнения своего бюджета общество устраивало костюмированные и литературно-музыкальные вечера. В пользу устройства исправительного ремесленного приюта для малолетних преступников в общество поступали пожертвования (например, в 1873 г. от 13 присяжных заседателей поступило

¹ ПСЗ-2. Т. 45. № 48206.

² НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

³ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 236.

⁴ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.

⁵ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1415. Л. 19.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 81 Л. 1-182; Там же. Д. 943. Л. 1-32.

⁷ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.; Там же. Д. 85. Л. 1.

⁸ НА РТ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

132 руб.)¹.

Указывая на пользу устройства воспитательного заведения, бывший прокурор Казанского окружного суда П.Я. Оптовцев говорил: «Здесь малолетние преступники найдут то, чего у них недостает, здесь они похоронят дурные противонаправленные инстинкты; здесь они получают разумное воспитание, усвоят честное направление; здесь они научатся работать, и работа эта обеспечит их будущее»².

Казанские власти быстро реагировали на изменения в уголовно-исполнительной политике и в сжатые сроки принимали меры по совершенствованию пенитенциарной системы. Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют открылся в 1875 г., тогда как в г. Калуге приют для малолетних преступников был открыт только в 1897 г.³

Казанский приют был рассчитан на 100 человек. Примерно две трети воспитанников направлялись в приюты по приговорам судов, около трети – по решениям общества. Деятельность приюта регламентировалась его Уставом, утвержденным 10 сентября 1874 г. Согласно Уставу, целью приюта было «из несовершеннолетних преступников и детей, которым грозит опасность впасть в преступления и пороки, образовать честных, знающих, трудолюбивых и опытных ремесленников»⁴. Данная цель должна была достигаться правильным религиозно-нравственным, умственным и физическим воспитанием. Поэтому при приюте устраивается церковь и больница. До этого воспитанники слушали церковную службу в ближайшей приходской церкви.

Непосредственное управление приютом вверялось смотрителю, который определялся советом Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Первым смотрителем приюта был И.А. Злобин, бывший воспитатель Петербургской колонии для малолетних преступников, «отличавшийся теплым отношением к делу и детям, спокойствием и крайней добросовестностью»⁵.

В конце XIX в. персонал Казанского исправительного приюта состоял из смотрителя, двух воспитателей, являвшихся и учителями, трех мастеров (сапожного, слесарного и столярного дела), кучера, дворника, кухарки, прачки и трех сторожей.

Воспитанники распределялись по отделениям, каждое из которых состоя-

¹ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 5 Л. 1,2, 10,22.

² Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов и его деятельность. Казань, 1875. С. 12.

³ См.: Четвертакова И.В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012. С. 25.

⁴ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

⁵ Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1873-1879 гг. Казань, 1880. С. 49.

ло под надзором особого воспитателя, живущего вместе с воспитанниками. Главными средствами в достижении целей Казанского приюта служили: личное влияние смотрителя и его помощников – воспитателей и священника; обучение по общеобразовательной программе; получение ремесленного образования и правильная трудовая жизнь в приюте¹.

Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют состоял из следующих зданий: «1) большого двухэтажного деревянного дома внутри двора, где помещались воспитанники с воспитателями, в нем же помещены две мастерские: столярная и слесарная; 2) заново отстроенный старый небольшой дом, на втором этаже которого находилась квартира смотрителя, внизу лазарет и кухня; 3) совершенно новые службы: ледник, каретник, конюшня, хлев и отдельно стояла баня»².

Советом общества отмечено, что почти с самого начала жизнедеятельности приюта его санитарно-гигиеническое состояние было крайне плохим: в саду приюта находилось болото, загнивающее летом; вторым обстоятельством было то, что приют стоял на улицах, покрывающихся при малейшем дожде непроходимой грязью, и третьим обстоятельством являлась теснота помещений и очень неудобное устройство самого здания приюта.

В целях улучшения психологического климата в коллективе воспитанников смотрителем приюта высказано мнение о привлечении в общество иноверцев – мусульман, т.к. «большое внимание к приюту местного татарского общества может благотворно отозваться на нравственном исправлении магометанских мальчиков»³.

Большое внимание уделялось труду и получению специальности. Особенно хорошо в приюте были устроены мастерские, приносящие удовлетворительный доход⁴. Участвуя в сельскохозяйственных выставках, приют неоднократно получал похвальные грамоты и медали.

Тем не менее, пороки и нравственные предрасположения несовершеннолетних часто шли вразрез с требованиями правильной трудовой жизни приюта. Обыкновенными проступками со стороны воспитанников были ругань, ссоры и ленивое или небрежное исполнение тех или иных работ. В 1912 г. были совершены проступки: против нравственности – 5, грубость служащим – 5, кража и покушение на нее – 5, курение – 22, обман и ложь – 8, дурное отношение к товарищам – 4, лень и небрежность – 9, драка – 14, шалости и беспорядки – 14,

¹ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-7, 40-41.

² Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1873-1879 гг. Казань, 1880. С. 60, 152-154.

³ Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1880 г. Казань: Губернская типография, 1881. С. 1-26.

⁴ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-9.

жестокость – 4, умышленная порча предметов – 3¹. Недоработки приюта сразу освещались в средствах массовой информации².

В конце XIX в. действовавший губернский тюремный замок переименован в Казанскую губернскую тюрьму. В тюрьме, состоявшей из четырех каменных зданий, обнесенных каменной оградой, арестанты содержались в пяти отделениях.

Первое и второе отделения, находившиеся в двухэтажном здании, размещали 21 камеру, в отделениях имелись столовая и теплые ретирады. Во всех камерах тюрьмы были установлены складные на шарнирах нары с болтами, с помощью которых днем они запирались на замок вместе с постельными принадлежностями. Третье отделение, располагавшееся в трехэтажном корпусе, состояло из одиночных камер для 9 политических арестантов на первых двух этажах и цейхгауза с новыми арестантскими вещами на третьем. Четвертое отделение состояло из одной общей камеры для 80 срочных арестантов. Здание отделения было соединено башенной постройкой со столярной мастерской, в верхней ее части помещалось долговое отделение, а внизу – два темных карцера. Рядом находилось здание, разделенное на две половины, в одной из них помещалась кузница, а в другой – механическо-ручная мельница с приводом для размола ржи. Параллельно с этим зданием находилось здание, на втором этаже которого размещались мастерские: портняжная, сапожная, пакетная и др., а на первом баня и прачечная. Пятое женское отделение находилось на особом дворе и состояло из одноэтажного здания с четырьмя камерами, имеющего также цейхгауз с доносочными арестантскими вещами, теплый ретирад и карцер.

Кроме того, «вдоль ограды располагались постройки, размещавшие столовую четвертого отделения, кухню, цейхгауз с собственной арестантской одеждой и пекарню. Контора тюрьмы, комната свиданий и караульная находились в подъезде, над которым построена церковь во имя Св. Троицы»³.

Администрация губернской тюрьмы состояла из начальника и двух помощников: хозяйственного и административного, надзор из 21 надзирателя, двое из которых старшие. Начальнику тюрьмы принадлежала административная власть. Он ведал общими вопросами хозяйства, надзора и внутреннего порядка, а также руководил арестантскими работами. Хозяйственный помощник заведовал хозяйственной частью и мастерскими. Административный помощник заведовал полицейской частью, контролировал соблюдение режима, наблюдал

¹ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 85. Л. 10-11.

² См.: Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1883 г. Казань: Типография Губернского правления, 1884. С. 7.

³ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 23-24.

за поведением и исполнением служебных обязанностей надзирателей. Из младших надзирателей «10 исполняли обязанности постовых надзирателей, 2 привратника, 1 в конторе и для рассылки по городу, 3 в мастерских, 1 у ворот женского отделения, 1 у мастерских, 1 выводной для хозяйственных работ и 2 надзирательницы при женском отделении, дежурившие поочередно»¹.

К 1 января 1900 г. в тюрьме содержалось 246 арестантов, из них мужчин 222 и женщин 24, а к 1 января 1901 г. – 228 арестантов. В течение 1900 г. на арестантов за совершенные ими проступки налагались дисциплинарные взыскания: подвергнуто аресту в карцере мужчин – 92 и женщин – 3; без горячей пищи мужчин – 151 и женщин – 8; содержание в одиночной камере с лишением горячей пищи: мужчин – 3 и женщин – 2².

Учреждением, находящимся в подчинении тюремного ведомства, становится и земский арестный дом. Он предназначался для лиц, осужденных к аресту по приговорам мировых судей, городских судей и земских начальников. В связи с тем, что таких лиц было много, для них в 1881 г. создается специальное тюремное учреждение.

Казанский арестный дом находился рядом с исправительным арестантским отделением и содержался на средства Губернской земской управы. Персонал арестного дома состоял из начальника и пяти надзирателей. Арестованные работали на земляных работах вместе с заключенными исправительного отделения³.

В уездах Казанской губернии лица, приговоренные к аресту, размещались в земских арестных помещениях, находящихся, практически все, в плохом состоянии, за исключением Козьмодемьянского. Для улучшения состояния земских арестных помещений необходимы были средства. В целом «потребность в затратах на возведение арестных домов в девяти уездах (кроме Казанского, Чебоксарского и Чистопольского) выражалась в сумме 135000 руб.⁴» «В 1895 г. на строительство арестного дома в г. Чистополе выделено 14657 руб.» Из-за отказа в выделении земли для земского арестного дома в г. Арске строительство нового помещения было отложено⁵. Позже появилась необходимость строительства

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 34.

² Там же. С. 25.

³ См.: Внимание! Зона! : Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. Казань, 2004. С. 30.

⁴ Доклад Казанской губернской земской управы Губернскому земскому собранию. Казань: Типография Губернского правления, 1895. С. 1-8.

⁵ Доклад Уездной земской управы XXX очередному Казанскому уездному земскому собранию. Казань, 1894. С. 1-2.

«нового земского арестного дома на 25 человек в г. Спасске»¹.

21 октября 1893 г. в г. Казани при тюремном отделении было открыто антропометрическое бюро, за состоянием которого наблюдал профессор Императорского казанского университета статский советник А.М. Фортунатов и безвозмездно производил измерения арестантов². В бюро проводились следующие измерения: рост, длина рук, размеры уха, головы, длины локтя, пальцев, ступни, а также особых примет осужденных. Антропометрическая система регистрации преступников в России была введена в 1890 г. в Санкт-Петербурге, к 1897 г. было открыто еще 12 бюро. Таким образом, Казанская губерния одна из первых переняла этот положительный опыт и внедрила его на практике. Кроме того, с введением с 1907 г. системы дактилоскопии в России уже 20 января этого же года начальником С.-Петербургской тюрьмы были высланы казанскому губернатору дактилоскопические приборы, впоследствии успешно использовавшиеся в тюрьмах Казанской губернии³.

В XIX в. тюрьма становится обязательной принадлежностью каждого административного центра уезда. В этот период в Казанской губернии отстраиваются новые тюрьмы во многих уездных городах. Так, Свяжская уездная тюрьма была построена в 1835–1838 гг., Лаишевская – в 1841 г., Чистопольская – в 1855–1856 гг., Мамадышская – в 1871 г., Чебоксарская – в 1887 г., Тетюшская – 1889 г., Цивильская – в 1891 г.⁴ В других уездах существовавшие тюрьмы ремонтировались по мере необходимости.

Как в губернском городе, так и в уездных городах Казанской губернии периодически проводились ревизии мест лишения свободы, в ходе которых выявлялось состояние тюремных учреждений, их достоинства и недостатки⁵. По результатам одной из них, проведенной в 1900 г., мы можем судить о состоянии уездных тюрем губернии⁶.

Здания уездных тюрем были кирпичными или каменными, огороженными каменной стеной. Пять (Чистопольская, Мамадышская, Тетюшская, Цивильская, Лаишевская, где третий этаж достраивался в 1890-х гг.) из одиннадцати уездных тюрем имели трехэтажные здания, две (Спасская и Свяжская) двухэтажные, а остальные одноэтажные здания. В зданиях располагались каме-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 50. Л. 118.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 1.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 47.

⁴ См.: Внимание! Зона! : Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. Казань, 2004. С. 34-36.

⁵ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 128; Там же. Д. 1434. Л. 68-79.

⁶ См.: Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 68-115.

ры арестантов, кухня, цейхгауз, столовая, комнаты для надзирателей, тюремная контора, карцеры, камеры для больных арестантов. В некоторых тюрьмах в самой большой камере устраивались церкви (молельни), в г. Мамадыше в 1900 г. построена часовня, имелись библиотеки. Отводились помещения и для квартир тюремной администрации.

Самой благоустроенной в Казанской губернии считалась тюрьма в г. Спасске, она была единственной тюрьмой, имевшей теплые туалеты для арестантов. Персонал Тетюшской тюрьмы признан самым толковым по сравнению с другими уездными тюрьмами, однако один надзиратель был уволен незадолго до ревизии за распитие спиртных напитков совместно с арестантами.

При тюрьмах имелись огороды, удовлетворяющие потребности арестантского хозяйства и служащие значительным подспорьем при крайне маленьких денежных средствах местного тюремного отделения. Однако привлечение к труду в уездных тюрьмах было минимальным, т.к. найти заказы почти не удалось. В Мамадышской тюрьме имелись сапожная и столярные мастерские, но и они пустовали из-за отсутствия работ.

Самый главный недостаток всех уездных тюрем, отмеченный в ходе ревизии, это способ освещения. Практически все тюрьмы освещались железными лампочками, которые ставились на деревянные подставки и представляли громадную опасность в пожарном отношении, особенно в камерах с деревянными полами¹.

Во многих тюрьмах в камерах устанавливались прикрученные к полу нары. А в Чебоксарской тюрьме использовались подъемные нары, совершенно не отвечавшие своему назначению. Нары, рассчитанные на 5 человек, представляли одну сплошную нару, которую из-за непомерной тяжести совершенно невозможно было поднять кверху на день, т.к. требовались усилия 5–6 человек, а в камере иногда содержались только 2–3 заключенных². Поскольку нары не поднимались, у арестантов имелась возможность держать под нарами тряпки, мусор, грязные онучи и др., что приводило к антисанитарным условиям.

Таким образом, как сами уезды различались по размерам и составу населения, так и уездные тюрьмы выглядели и функционировали по-разному. Многогое зависело от добросовестности и инициативности тюремного начальства. К примеру, до 1900 г. «при начальниках Чебоксарской уездной тюрьмы Южикове и Сычугове делопроизводство велось хаотично и небрежно, работы арестантов организовывались очень плохо – заработок доходил до 10 руб. в месяц, тогда как при Малове, назначенном с 1900 г., при том же количестве арестантов зара-

¹ См.: Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 91.

² Там же. С. 94.

боток доходил до 100 руб. в месяц»¹.

Итак, в систему пенитенциарных учреждений Казанской губернии после реформы 1879 г. входили: губернская тюрьма, центральная пересыльная тюрьма, исправительное арестантское отделение, земский арестный дом, воспитательно-исправительный ремесленный приют и одиннадцать уездных тюрем². До 1890 года каждое из этих учреждений непосредственно подчинялось ГТУ. После появились губернские тюремные инспекции, которые контролировали деятельность всех мест заключения в губерниях и являлись местными органами ГТУ.

Казанская тюремная инспекция была создана на основании решений Государственного совета от 21 марта 1890 г. и 3 августа 1891 г. Личный состав инспекции состоял «из губернского тюремного инспектора, его помощника, секретаря и канцелярии, состоящей из делопроизводителей и их помощников»³. Руководство тюремным отделением теперь перешло от вице-губернатора к губернскому тюремному инспектору⁴. На его имя подавались прошения или докладные записки с просьбами о назначении на должности тюремных смотрителей и иные должности (тюремного писца и др.) Казанского губернского тюремного отделения при губернском правлении⁵.

Тюремное отделение и канцелярия тюремного инспектора размещались в здании присутственных мест при губернском правлении и занимали всего три комнаты: кабинеты инспектора, его помощника и в третьем располагалась канцелярия.

К 1 января 1900 г. «в местах заключения Казанской губернии содержалось 880 арестантов, в течение года прибыло 23500, убыло 23467, к 1 января 1901 г. осталось 913 арестантов. В том числе: по судебным приговорам на срок – 2406, подследственных и по уголовным делам – 678, пересыльных – 5498, ссыльных – 180 и содержащихся при полиции – 15618». Количество арестантов в среднем было следующим: «в Казанской губернской тюрьме – 230; в Казанской центральной пересыльной тюрьме – 30; в Казанском исправительном арестантском отделении – 141. В уездных тюрьмах: Ядринской – 35; Цивильской – 58; Царевококшайской – 20; Мамадышской – 35; Чистопольской – 77; Чебоксарской – 22; Спасской – 30; Свияжской – 31; Козмодемьянской – 28;

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 94-98.

² НА РТ. Ф.2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 258.

³ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 1-2.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 9. Л. 1-14.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 12. Л. 8, 9.

Лаишевской и Тетюшской – 34»¹.

Таким образом, формирование и развитие пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии хотя и шло в соответствии с общими тенденциями развития пенитенциарной системы России, но имело определенные особенности, связанные с этническим и религиозным составом населения губернии. К началу XX в. на территории Казанской губернии складывается пенитенциарная система, представляющая собой совокупность губернских и уездных пенитенциарных учреждений и являющаяся составной частью пенитенциарной системы России. Деятельность этой системы была поставлена в строгие нормативные рамки, определяемые имперским законодательством. Ежегодные отчеты о состоянии пенитенциарных учреждений губернии показывают, что и практическая деятельность тюремных заведений в должной мере соответствовала требованиям законодательства.

Тем не менее, Казанская губерния являлась одной из первых в числе регионов Российской империи, перенимавших положительный опыт по совершенствованию пенитенциарной системы и внедрявших его на практике.

§ 2. Порядок и условия отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии

В XVIII в. в пенитенциарной системе еще не существовало единого порядка отбывания наказаний в виде лишения свободы, как и единого вида мест заключения. Задача тюремных учреждений, как правило, сводилась, в основном, к охране арестантов от побегов. Для предотвращения побегов использовались ножные и ручные кандалы. Заключение содержались совместно независимо от их пола, возраста и рода преступления. Этому важному средству обеспечения в тюрьмах порядка не уделялось совсем никакого внимания, как и содержанию арестантских камер в течение дня и ночи запертыми. В связи с тем что на питание арестантов государственных средств выделялось слишком мало и их не хватало даже на реализацию минимальных потребностей, заключенные выводились под стражей в город для прошения милостыни. Вне стен тюрьмы основной задачей конвойной команды оставалась также охрана арестантов. Отсутствие общих правил порядка и условий отбывания наказаний в местах лишения свободы приводило к произволу со стороны персонала тюремных учреждений.

Можно констатировать, что в XVIII в. внутренний распорядок в тюремных замках не был урегулирован, хотя еще в середине века в ряде

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 146-148.

проектов, подготовленных Екатериной II, впервые была предпринята попытка нормативного закрепления как организации и деятельности пенитенциарных учреждений, так и должностных обязанностей лиц, осуществляющих эту деятельность. Однако эти проекты так и остались на бумаге, и на практике данная сфера регулировалась отдельными нормативными актами, изданными по различным поводам и не представлявшими собой системы.

В целях проверки деятельности пенитенциарных учреждений законом от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» вводилась обязанность губернского прокурора посещать тюрьмы. Устанавливалось время их посещения – «один раз в неделю по пятницам после обеда»¹.

При посещении Казанской губернской тюрьмы в 1832 г. Николай I был поражен осведомленностью местного губернского прокурора Г.И. Солнцева о положении каждого заключенного в тюрьме. Прокурор стал перекликать арестантов без списка по именам и рассказывать, кто на какой срок и за что осужден. При этом император сверился со списком и не нашел ни одного противоречия². Данный факт свидетельствует о качественном выполнении прокурором обязанностей в части проверок деятельности пенитенциарных учреждений.

Дисциплина среди осужденных в пенитенциарных учреждениях России оставляла желать лучшего и требовала введения специальных мер по ее соблюдению. Арестанты часто находились в состоянии опьянения, дрались, буйствовали, играли в карты и кости по ночам. Вино доставали втайне от начальников, и «никаких средств усмотреть за ними не было»³. Поэтому в начале XIX в. дается распоряжение о запрещении арестантам использовать деньги, а для разрешения затруднений в этом деле комитет устроил кружки, в которых и хранились средства арестантов. От данной меры была огромная польза, заключавшаяся в том, что по выходу из тюрьмы арестанты получали свои деньги на руки и были обеспечены на первое время минимальными потребностями.

Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г.⁴ предусматривала раздельное содержание лиц мужского и женского пола (ст. 33). Несовершеннолетние арестанты должны были помещаться в особые камеры, при этом также разделялись по полу (ст. 34). Таким образом, содержание преступ-

¹ Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Гл. 27. Ст. 405. Ч. 13.

² См.: Внимание! Зона!: Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. Казань, 2004. С. 13.

³ Отчет Посетительного комитета тюремного общества, от 20 декабря 1819 до 1821 года. Санкт Петербург: Типография Департамента народного просвещения, 1821. С. 15-17.

⁴ Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903.

ников в тюремном замке должно было различаться «по роду и важности их преступлений», по социальной и гендерной принадлежности, по возрасту и т.д. (ст. 32–35, 40).

Осужденным к лишению свободы в тюремном учреждении запрещалось курить, выражаться нецензурными словами, играть в различные игры: карты, шашки, кости, а также играть на музыкальных инструментах (ст. 47–50). За совершенные проступки арестантов наказывали. Так, в 1888 г. арестанта Казанского исправительного арестантского отделения Юсупова за продолжительный отказ от работы и сделанный им подкоп для совершения побега заковали в ножные кандалы сроком на четыре месяца¹.

В тюремном замке устанавливался внутренний распорядок дня для заключенных, включающий в себя определенное время подъема, туалета, принятия пищи, мероприятий религиозного характера (ст. 51).

Заключенным было запрещено хранить при себе деньги, кредитные билеты, часы, табакерки, золотые или серебряные перстни, кольца, печатки (ст. 13). Поэтому при поступлении арестанта в тюремный замок запрещенные предметы у них отбирались, описывались и передавались на хранение смотрителю пенитенциарного учреждения (ст. 15).

Арестантов необходимо было приобщать к труду с целью «склонения» их к нравственному исправлению, привычке трудиться, чтобы после освобождения они были полезными себе и семье (ст. 237).

Раз в неделю предусматривалось мытье заключенных в бане (ст. 53). Однако при некоторых тюремных учреждениях Казанской губернии не имелось бань, вследствие этого арестанты через каждые две недели отправлялись мыться, к примеру, из Ядринской уездной тюрьмы в артельную солдатскую баню с платой в артель по 50 коп. за каждую, что в течение года составило 12 руб.² Из Лаишевской тюрьмы арестанты отправлялись мыться в торговую баню с платой по 2 коп. с каждого человека³.

Содержащимся в тюремном замке арестантам платье, белье и прочее должно было меняться на чистое: одеяла и наволочки через два месяца; онучи один раз в месяц; простыни и наволочки верхние два раза в месяц; рубашки, чулки и прочее белье один раз в неделю; постилку в подушках новую через четыре месяца, летнее платье, войлоки, на которых они спят, по надобности (ст. 55). За «войлоками» полагалось наблюдать и чаще освежать их на воздухе (ст. 57). Помещения предписывалось проветривать ежедневно (ст. 58); подметать их каждое утро, протирать окна же не реже двух раз в неделю (ст. 59). Полы и

¹ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 142. Л. 1-3.

² НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 46.

³ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 65.

нары в камерах должны выкрашиваться масляной краской и подвергаться влажной уборке, как и коридор с лестницами, каждую неделю, стены же должны выбеливаться один раз в год (ст. 60). Тюремную посуду требовалось содержать в чистоте (ст.62). Кроме этого, в тюремном замке предписывалось строго следить за порядком в комнатах и чистотой (ст. 65).

Заключенным запрещалось иметь чернила, бумагу, карандаши и т.п. Они не имели право на осуществление почтовой связи (ст. 41). В камерах были строго запрещены азартные игры и прочие развлечения, в т.ч. чтение книг (ст. 45–47, 221), употребление нецензурной брани и драки (ст. 48–50). При нахождении в камере заключенные не имели права на уединение (ст. 223).

Питание заключенных осуществлялось едой, приготовленной на тюремной кухне (ст. 199, 200) из продуктов, приобретенных на средства, полученные из казны или от меценатов (ст. 196). Было строго запрещено получать еду и питье от родственников или приобретать на стороне на собственные средства (ст. 197). Пища заключенных должна была быть «умеренной, хорошего качества» (ст. 201) и строго определенного количества: 1) для чиновных лиц – черный хлеб (в сутки 2,5 фунта); щи или суп с говядиной, а в постные дни – каша со сметками; квас; в праздники в обед давалась кусковая говядина; 2) для людей простого состояния – черный хлеб (в сутки 2,5 фунта); щи или похлебка, в которые можно класть картофель, горох, крупу и немного сала, а в постные дни сметки или постное масло; квас; во время тяжелых работ, в праздничные и торжественные дни пищу разрешалось немного улучшать. Однако указанный рацион составлял лишь минимум. Эконом тюремного замка должен был использовать в приготовлении пищи также продукты, которые имелись от подаяний (ст. 203–204).

Поступление арестанта в тюрьму предполагало соблюдение определенной процедуры. После рассмотрения документов на арестанта и приема его у стражи, доставившей его в тюрьму, он немедленно отправлялся в особую комнату, где принимал горячую ванну, затем ему подстригали волосы, в случае необходимости брели бороду и выдавали чистую арестантскую одежду взамен собственной, поступающей в цейхгауз. Оборудование же всех необходимых приспособлений для этого обходилось всего в несколько сот рублей¹.

На каждого осужденного Тюремным отделением Казанского губернского правления заводилось дело, в которое подшивался приговор, направленный прокурором Казанского окружного или иного суда, рапорта начальников тюрем о принятии осужденного или его отправке в другое тюремное учреждение, све-

¹ См.: Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. С. 70.

дения на арестанта, описание его примет, статейный список и др.¹

До XIX в. деятельность официальных властей по ведению учета арестантов не носила систематического характера. Это объясняется, в первую очередь, тем, что тюремное заключение не являлось основным в системе уголовных наказаний. Первые мероприятия по организации учетно-распределительной деятельности начались с 1801 г., когда А.Н. Радищевым был представлен проект «О законоположении» в созданную императором «Комиссию по выработке законов»².

Впервые была намечена система изучения ряда вопросов, вошедших в дальнейшем в круг проблем уголовно-исполнительной статистики. Для заполнения уголовных ведомостей нужны были следующие сведения: «1) сколько и где в год бывает людей под стражей; 2) сколько и где осуждено; 3) сколько назначено в ссылку; 4) какое и где в тюрьмах содержание; 5) осужденные с судьящимися в одном ли месте содержатся или в разных»³. Это были первые шаги по организации статистических учетов в УИС. Несколько позднее, примерно во второй половине XIX в., начали появляться исторические обзоры о состоянии дел в пенитенциарной системе⁴. Официальные печатные материалы о тюрьмах состояли из «циркуляров МВД, отчетов министра юстиции, сведений о местах заключения, которые собирались без определенной периодичности и далеко не со всех отчетных единиц»⁵.

Единая отчетность предполагалась по одиннадцати формам, которые представлялись губернскими тюремными комитетами, а те, в свою очередь, обобщали отчеты, полученные в рукописной форме из уездных тюремных отделений. Однако необходимо отметить, что встречались нарушения указанного порядка, выразившиеся в составлении статистических ведомостей по старым формам и их доставлении позже назначенного срока⁶.

Пенитенциарные учреждения Казанской губернии использовались не только как места отбывания наказания в виде лишения свободы, но и как пересылочные тюрьмы на одном из этапов движения ссыльных в Сибирь. Поэтому необходимо коснуться организационно-правовых вопросов сибирской ссылки в контексте ее значения для развития пенитенциарной системы Казанской губернии. По данным С.В. Кодана, с начала XIX в. рост численности ссыльных неук-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 492. Л. 1-15.

² Егорова Е.В., Козлова О.О. Особенности ведения учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 39.

³ Министерство внутренних дел: страницы истории (1802-2002). СПб., 2001. С. 142.

⁴ См.: Юферов В.Н. Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. С. 6.

⁵ Егорова Е.В., Козлова О.О. Особенности ведения учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С. 42.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 2. Л. 4.

лонно растет. Так, «в 1803 г. насчитывалось 2 291 ссыльный, тогда как с 1807 по 1822 гг. это количество увеличивалось на 11 000–12 000 в каждый год»¹.

Ссылка довольно подробно регламентировалась принятым в 1822 г. Уставом о ссыльных². В места заключения ссыльные отправлялись различными способами: на пароходах и баржах, по железной дороге и пеше-этапным трактом, а те, кто не мог по здоровью идти пешком, перевозились на подводах (ст. 15 - 19). В дорогу осужденные независимо от пола снабжались одинаковой одеждой (ст. 29, 31). В целях предупреждения побегов, а также для распознавания ссыльных, на одежде (на спине) нашивались четырехугольные лоскутки отличного от одежды цвета: один – для поселенцев и два – для каторжников. Ссыльнопоселенцам-мужчинам, лишенным всех прав состояния, брилась половина головы (ст. 337). Кроме этого, в списках указывалось, кто из ссыльных должен следовать в оковах (ст. 26). На практике большинство ссыльных заковывали в кандалы или в легкие ручные металлические прутья (вместо них могли использоваться наручники). Обычно ссыльные пребывали в оковах только во время пути, по прибытии к месту назначения они снимались. Это правило не распространялось на осужденных за убийства и другие тяжкие преступления, а также совершивших преступления во время пути, содержащихся в них постоянно.

На главных маршрутах движения ссыльных находились этапы, состоящие из пеших и конных команд внутренней стражи (ст. 63). Как правило, из каждой губернии ссыльные отправлялись один раз в неделю, а день отправления определялся Губернским правлением (ст. 41). При нахождении в партии женщин, следовавших без мужей, они отправлялись отдельно по истечении двух дней после отправления мужчин (ст. 41). При отпадении имеющиеся у ссыльных деньги изымались, а им выдавались квитанции (ст. 48). В пути ссыльным разрешалось жениться, только не на осужденных женщинах и при их согласии (ст. 101). Из числа ссыльных каждой партии Экспедицией о ссыльных назначался староста, который отвечал за все беспорядки во время пути (ст. 274).

В период этапирования партии ссыльных останавливались в губернских городах, но не могли там задерживаться дольше шести недель (ст. 135). При остановке ссыльных для общественных и частных работ без разрешения высшего начальства виновные несли ответственность, равную укрывательству беглых (ст. 127). Ссыльные, которые по состоянию здоровья не могли следовать, оставались в городах. При этом решение принималось после освидетельствования их состояния специальной комиссией, состоящей в уездах из городничего, уездного судьи, стряпчего, местного врача и городской головы, а в губернском

¹ Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982. С. 111.

² СЗ РИ. СПб.: Общественная польза, 1900. Т. 14. С. 228.

городе – из всех членов врачебной управы (ст. 103). Больные ссыльные помещались в больницу местного тюремного замка, а после выздоровления продолжали свой путь (ст. 107).

Тобольский приказ о ссыльных распределял ссыльных по сибирским губерниям. Ссыльные, не способные по здоровью к работам, помещались в благотворительные заведения (ст. 250).

Некоторые арестанты симулировали болезни с целью совершения побега из больницы. Так, один из арестантов Казанской пересыльной тюрьмы М. Абдуллин в связи с болезнью обратился к администрации с просьбой поместить его в больницу, а после следовать в Астрахань за собственный счет без конвоя. После оказания ему медицинской помощи он был отправлен к месту назначения обычным порядком под конвоем¹.

Согласно ведомости о числе ссыльных и пересыльных арестантов, отправленных из Казанской экспедиции о ссыльных, с 1853 по 1862 гг. всего было отправлено 93 995 арестантов, из них из привилегированного сословия в Сибирь на житье: мужчин – 1 058, женщин – 228, малолетних – 224; в работу: мужчин – 6 059, женщин – 924; на поселение: мужчин – 50 681, женщин по суду – 12 675, по воле – 992, малолетних – 9 459; по воле помещиков из Казанской губернии: мужчин – 136, женщин – 105, малолетних – 121; пересыльных: мужчин – 8 777, женщин – 1 354, малолетних – 1 270.

В 1851 г. отправленных было 6 116 арестантов, в 1852 г. – 7 625, в 1853 – 8 293, в 1854 – 9 133, в 1855 – 11 185, в 1856 – 8 646, в 1857 г. – 9 529, в 1858 г. – 9 197, в 1859 г. – 9 973, в 1860 г. – 10 257, в 1861 г. – 10 158, в 1862 г. – 10 207². Таким образом, из г. Казани в среднем отправлялось около 10 000 арестантов в год.

Циркуляром ГТУ МВД от 25 июля 1889 г. № 17 было установлено, чтобы собственные деньги распределенных в Сибирские губернии ссыльных отправлялись в Тюменский приказ о ссыльных или до направления в путь осужденного или же одновременно с ним, однако многими учреждениями этот порядок не исполнялся, вследствие чего ссыльные, прибыв в места назначения и не получая там долго своих денег, лишались возможности обзавестись своевременно хозяйством и обращались не только с просьбами в Приказ, но и с жалобами высшему начальству³.

При помещении арестантов в Центральную пересыльную тюрьму Казанское губернское правление требовало от начальника тюрьмы снимать с них фо-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 931. Л. 1-9.

² НА РТ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 18. Л. 71а.

³ Циркуляр ГТУ от 24 ноября 1891 г. № 17 // НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 5. Л. 60.

тографические карточки в 3-х экземплярах и представлять в правление¹.

При отправлении арестантов в тюремное учреждение с ними направлялся статейный список². По принятии арестанта начальник конвоя расписывался в записке об одежде и обуви арестанта в том, что указанные в ней вещи действительно находятся на принятом им арестанте. В случае побега арестантов губернское правление размещало в печати сыскную статью о бежавших с указанием их примет³.

Поскольку побеги являлись одним из факторов, характеризующих пени-тенциарную преступность, администрация мест заключения прикладывала большие усилия по их искоренению. Тем не менее, побеги совершались практически во все периоды существования тюремных учреждений Казанской губернии, а во второй половине XIX в. они становятся самым распространенным видом преступления⁴. Совершались побеги при ссылке арестантов на поселение в другие местности, при пересылке их из одной тюрьмы в другую, а также при проведении арестантских работ за пределами тюремного учреждения⁵. Бежавших арестантов чаще всего находили и возвращали обратно в места заключения, после чего они приговаривались к более тяжкому виду наказания⁶.

При размещении арестантов по камерам соблюдался установленный законом порядок разделения их по роду преступлений, полу и возрасту⁷. В отношении размещения по роду преступлений в некоторых тюрьмах этот порядок нарушался из-за недостаточности помещений. При размещении арестантов по полу тоже были недостатки. Так, например, в выписке из рапорта инспектора ГТУ статского советника Шумахера указывалось, что женское отделение Чистопольской уездной тюрьмы не имеет не только отдельного двора, но даже особого входа и помещается в конце мужского коридора, хотя и отделено от него глухой дверью. Женское отделение Лаишевской уездной тюрьмы имеет особый двор, но ворота сняты, и поэтому разобщения нет, тем более что на женском дворе есть отхожие места, которыми пользуются пересыльные мужчины. Поэтому им было предписано при переустройстве тюрьмы более обособлено расположить женские отделения⁸.

В конце XIX в. прослеживается увеличение численности заключенных, в

¹ НА РТ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 389. Л. 1-65.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 13.

³ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1405. Л. 120-123, 186.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 3, 5, 8, 75; НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 159. Л. 1-41.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 75; НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 132. Л. 1-10.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 54.

⁷ См.: Циркуляр Министра юстиции г.г. губернаторам от 21 декабря 1906 года за № 29, об условиях и порядке приема и освобождения арестантов // Тюремный вестник. 1907. № 1. С. 29-37.

⁸ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 128.

1872 г. в Казанском тюремном замке содержались на начало года 391, к концу года 439 арестантов. И если в 1832 г. при содержащихся 131 осужденном в тюрьме оставалось достаточно места для принятия еще 100 человек, то в 1872 г. прослеживается теснота и переполненность камер (см. приложение 4). В тюрьме содержались осужденные за различные виды преступлений, наибольшее количество арестантов были осуждены за кражу, бродяжество, грабеж и мошенничество (см. приложение 5).

Таким образом, можно констатировать, что пенитенциарные учреждения Казанской губернии, как и в целом по России¹, характеризовались плохими условиями содержания заключенных, в отличие от менее развитых губерний. Например, в Калужской губернии тюрьмы находились в благополучном состоянии, поскольку рост населения и преступности были сравнительно ниже. Кроме того, за неимением соответствующих пенитенциарных учреждений, некоторые категории осужденных отправлялись для отбывания наказания в другие регионы².

Заболевшие арестанты всех мест заключения г. Казани поступали на лечение в Казанскую тюремную больницу, содержащуюся на средства Губернского тюремного комитета, находящуюся при Казанской центральной пересыльной тюрьме³. Больница была устроена на 40 кроватей мужских и 18 женских. В соответствии с Табелью платы, установленной Министерством внутренних дел по согласованию с Министерством финансов, на содержание арестантов в тюремных больницах в 1893 г. в Казанской губернии на эти цели должно было выделяться 66,5 коп. в день, на погребение – 23 коп.⁴ В случае необходимости губернским тюремным комитетам было разрешено увеличивать расходы на лечение арестантов⁵.

При осмотре мест заключения Казани в 1892 г. инспектором ГТУ Броуном было отмечено, что тюремная больница находится в образцовом состоянии⁶.

¹ См.: Печников А.П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 – октябрь 1917 гг.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 16-17; Колосок С.В. История пенитенциарной системы Иркутской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 21-22; Мельникова О.С. Нижегородские пенитенциарные учреждения в XVII – 20-х годах XX века: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 8.

² См.: Четвертакова И.В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012. С. 10.

³ НА РТ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-12.

⁴ См.: Табель платы, установленной на 1893 г. за призрение в больницах, подведомственных Приказам Общественного призрения и земским учреждениям нижних воинских чинов и за погребение умерших // Тюремный вестник. 1893. № 5. С. 183.

⁵ Мнение Государственного Совета от 15 января 1896 г. «Об изменении размера производимой тюремным комитетам платы из казны за содержание и лечение арестантов» // Тюремный вестник. 1896. № 4. С. 209.

⁶ См.: Тюремный вестник. 1893. № 11. С. 438.

Финансирование медицинского и прочего служебного персонала в Казанской тюремной больнице осуществлялось совместно из государственного бюджета и бюджета Губернского тюремного комитета¹ (см. приложение б).

Врач тюрьмы был обязан ежедневно осматривать находящихся в тюрьме арестантов и давать распоряжение о помещении подлежащих лечению в больницу, а остальным арестантам оказывать медицинскую помощь на месте (ст. 181 - 184 Инструкции смотрителю тюремного замка). На практике данное правило соблюдалось не всегда. Так, врач тюремной больницы г. Мандельштам тюрьму почти не посещал, последний раз он был приглашен для оказания медицинской помощи политическому арестанту 14 августа 1899 г., т.е. более года назад, осмотр больных проводился только фельдшером тюремной больницы. Поэтому для оказания медицинской помощи в самой тюрьме был приглашен казанский городской врач г. Котельников².

Кроме того, отсутствие акушерки в больнице вызывало существенную проблему с оказанием помощи роженицам, а также постоянным осмотром осужденных женщин, что приводило к развитию различных болезней. Необходимость была и в повивальной бабке³.

Отрицательным фактором являлись и периодические вспышки эпидемий брюшного тифа, холеры, туберкулеза⁴, причем они захватывали, в основном, уездные города. В 1891 г. эпидемия брюшного тифа охватила Ядринский и Цивильский уезды: только в октябре в первом уезде заболел 621 житель города, умерли 64 человека; во втором – заболели 707 жителей, умерли 69 человек⁵. В 1892 г. занесенная из Персии холера не обошла стороной и Казанскую губернию, в результате чего в пенитенциарных учреждениях «заболели 16 и умерли 8 арестантов»⁶.

В целях предотвращения серьезных заболеваний ГТУ по соглашению с Медицинским департаментом вырабатывались правила санитарных мероприятий и способов предупреждения эпидемии. Инструкция по дезинфекции тюремных помещений, постельных принадлежностей и вещей арестантов была разослана по губерниям для применения на местах⁷.

В 1892 г. в Казанской тюремной больнице проходили лечение 1178 чело-

¹ См.: Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 151-153.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 14-19.

³ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 495. Л. 1-196.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 14. Л. 53-54.

⁶ Тюремный вестник. 1893. № 1. С. 27-31.

⁷ НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 447. Л. 24-25.

век, из которых умерли 65¹. В 1900 г. в Казанской тюремной больнице лечились 668 человек, 12 из которых умерли². Таким образом, можно сделать вывод, что содержание арестантов как в тюрьме в целом, так и в тюремной больнице существенно улучшилось, что привело к сокращению числа больных и умерших.

Согласно циркуляру ГТУ от 8 апреля 1910 г. № 28, все прибывшие в места заключения арестанты подвергались медицинскому осмотру с целью определения заболевших туберкулезом. В целях обособления больных туберкулезом арестантов ГТУ в октябре 1913 г. распорядилось устроить для содержания таких арестантов особые здания³.

Осужденные часто писали прошения о переводе их из одной тюрьмы в другую. Мотивом таких прошений была, в основном, большая удаленность тюрьмы от места жительства их родственников, а при переводе их в ближайшую по территории тюрьму родственники могли чаще их навещать. Тем более что родственники приносили им пищу, а казенного довольствия было недостаточно⁴. но⁴.

По общему правилу, после подачи осужденным прошения о переводе его в тюрьму другой губернии оно направлялось в уездное полицейское управление той местности, где находилась тюрьма, в которую просился перевестись арестант. В управлении проводилась проверка о действительном проживании в указанной местности родственников, и о результатах проверки рапортом докладывалось в тюремное отделение Казанского губернского правления, после чего губернатор давал свою резолюцию и сообщал об этом в ГТУ, которое, всесторонне рассмотрев вопрос, направляло предписание о переводе арестанта или об оставлении прошения без последствий⁵. При положительном результате арестанта отправляли этапным порядком вместе с партийным списком. При этом циркуляром Тюремного отделения Казанского губернского правления от 19 сентября 1894 г. № 5051 предписано начальникам всех уездных тюрем Казанской губернии при переводе арестантов из тюрем по требованию судебных мест и лиц для содержания во вверенную ему тюрьму высылать на этих арестантов письменные сведения по месту перевода⁶.

На территории Казанской губернии данная процедура была проще и после проверки полицейским управлением вопрос о переводе арестанта решался Тюремным отделением Казанского губернского правления. Обычно прошения

¹ См.: Тюремный вестник. 1893. № 11. С. 439.

² См.: Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 155.

³ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 495. Л. 1-196.

⁴ НА РГ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 91. Л. 42; Там же. Д. 53. Л. 160.

⁵ НА РГ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 89. Л. 1-7; Там же. Д. 88. Л. 1-5.

⁶ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 302.

удовлетворялись, если в тюрьме, в которую просился перевестись осужденный, имелось достаточно мест. Однако при проверках нередко выяснялось, что сведения арестантов были недостоверными. Например, арестантка Петухова А.К., осужденная 18 сентября 1899 г. на 8 месяцев за кражу белья в г. Казани, содержащаяся в Чистопольской уездной тюрьме, просилась перевести ее в Спасскую уездную тюрьму, поближе к родной тетке и сестре, однако при проверке родственников ее в г. Спасске и Спасском затоне не оказалось, соответственно, в удовлетворении прошения было отказано¹. Отказы были и ввиду непродолжительности срока отбывания наказания, и из-за недостатка вольных рабочих, если срочный арестант был хорошего поведения². Некоторые из осужденных, которых к вольным работам не допускали, просились перевестись в губернскую тюрьму для работы в мастерских, но из-за отсутствия мест их прошения оставались без удовлетворения³.

Подавались и коллективные прошения о переводе в другое тюремное учреждение. Основанием для этого являлась национальная принадлежность. Так, осужденные мусульмане Царевококшайской уездной тюрьмы в 1900 г. просили перевести их в Казанскую губернскую тюрьму, мотивируя это тем, что в ноябре начинался тридцатидневный пост – ураза и необходимо было совершать ежедневные обряды по магометанскому закону, что в существующих условиях содержания делать было невозможно из-за совместного содержания в камерах вместе с православными. В период соблюдения уразы необходимо было в ночное время читать молитвы и употреблять пищу, что нарушало права осужденных других конфессий и затрудняло несение службы сотрудниками тюрьмы. Несмотря на все доводы и хорошее поведение этих осужденных, в удовлетворении прошения им было отказано с формулировкой «из-за отсутствия уважительных причин»⁴.

На арестантов, отправляемых по распоряжению Казанского городского полицейского управления в губернское полицейское управление Казанской губернии, составлялся открытый лист, в котором указывалась причины пересылки, и, как правило, она заключалась в «безписьменности для фактического удостоверения личности»⁵.

С целью пробуждения и развития в лицах, отбывающих наказание в виде лишения свободы, самоисправления посредством возможного сокращения срока наказания при хорошем поведении во время содержания в пенитенциарном уч-

¹ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 91. Л. 29, 59-61.

² НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 91. Л. 114-116.

³ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 91. Л. 527, 528.

⁴ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 91. Л. 458-460.

⁵ НА РТ. Ф. 893. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 25, 30.

реждении 22 июня 1909 г. был утвержден закон «Об условно досрочном освобождении». Его действие распространялось на приговоренных к заключению в тюрьме и в исправительном арестантском отделении, если отбытый ими срок составляет не менее 3/4 от срока наказания по приговору суда, при этом они должны были находиться в пенитенциарном учреждении не менее шести месяцев, без зачета в этот срок времени проведения под стражей. Кроме того, их поведение во время заключения должно было давать достаточные основания для предположения, что после освобождения их образ жизни будет добропорядочным. В законе указывались категории осужденных, к которым не применялось условно-досрочное освобождение: это были заключенные, осужденные за конокрадство, и те, которые после отбытия наказания в виде срочного лишения свободы подлежали по закону водворению в Якутскую область и ссылке на поселение¹.

В Казанской губернии на основании данного закона за время с 1 ноября 1909 г. по 1 марта 1910 г. было условно-досрочно освобождено 76 арестантов. Из них 1) приговоренных к заключению в исправительное арестантское отделение: на срок от 8 мес. до 1 года – 3; от 1 года до 2 лет – 38; от 2 до 3 лет – 9; от 3 до 4 лет – 6; 2) приговоренных к заключению в тюрьму на срок: от 8 мес. до 1 года – 14; от 1 года до 1,5 лет – 2; от 1,5 лет до 2 лет – 1; от 2 до 3 лет – 3².

В период с 1909 по 1915 гг. количество условно-досрочно освобождённых составляло в Казанском исправительном арестантском отделении 831 чел.; в Казанской губернской тюрьме – 223 чел.; в уездных тюрьмах: Козмодемьянской – 53 чел.; в Свияжской – 30 чел.; в Спасской – 56 чел.; в Тетюшской – 24 чел.; в Цивильской – 6; в Чебоксарской – 55 чел.; в Чистопольской – 72 чел.; в Лаишевской, Царевококшайской, Ядринской – 0 чел. Рассматривая количество освободившихся по годам, видим, что число арестантов из года в год колебалось в ту или иную сторону³.

В первом квартале 1911 г. большое количество арестантов из разных мест заключений направлялось на строительство Амурской железной дороги. Так, из Казанской пересыльной тюрьмы было направлено 17 арестантов каторжного разряда, из Казанского исправительного арестантского отделения - 16 арестантов каторжного разряда и 3 арестанта, осужденные в исправительные арестантские отделения, в апреле отправлено еще 7 арестантов. В связи с этим было предложено привлечь на должности младших надзирателей арестантских команд некоторых из чинов стражи других тюремных учреждений империи. Из Казанской губернии отправилось 9 надзирателей: 3 Свияжской уездной тюрьмы, 3 Казанского исправительного арестантского отделения, 2 Казанской гу-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 323. Л. 1-5.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 323. Л. 57.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 939.

бернской тюрьмы, 1 Лаишевской уездной тюрьмы¹.

Прием пищи осуществлялся непосредственно в камерах или прилегающих к ним коридорах. Кухни и пекарни располагались преимущественно на первых этажах. Ретирады (туалеты), как правило, находились отдельно на улице. Чистка нечистот из выгребных ям и отхожих мест, а также домовых труб производились трудом арестантов за плату².

Богослужение заключенные должны были осуществлять в молитвенных комнатах или особых церквях. Однако церкви создавались либо в строящихся новых тюрьмах, либо при наличии существенного числа частных пожертвований целевого назначения³. Из мест заключений в Казанской губернии имели свои церкви: Казанская, Спасская (сооружена в 1885 г.), Тетюшская (1889 г.), Козмодемьянская, Чистопольская и Лаишевская (1897 г.) тюрьмы и Казанское исправительное арестантское отделение (1893 г.)⁴. В пересыльной тюрьме имелась часовня.

В целях нравственного воздействия на заключенных тюремными священниками в церквях произносились проповеди и поучения, а также независимо от всего с арестантами велись беседы религиозного характера. В тюрьмах, не имеющих церквей, циркуляром ГТУ МВД от 24 января 1891 г. № 3 было разрешено выводить арестантов в приходские церкви с согласия местного причта. Однако данная мера не распространялась на следственных, подсудимых, политических и каторжных арестантов⁵.

После организации в 1788 г. Мусульманского духовного собрания на территории Казанской губернии началось строительство мечетей. К концу XVIII в. в Казанской губернии было около 250 мечетей, в 1833 г. – 688, а в 1866 г. их было уже 729⁶. Согласно ведомостям о магометанских приходах, подаваемых уездными полицейскими управлениями в Казанское губернское правление, в 1886 г. в г. Казани имелось 13 мечетей, в уездах: Чистопольском – 80, в Цивильском – 10, в Царевококшайском – 41, в Чебоксарском – 2, в Лаишевском – 82, в Казанском – 181, в Тетюшском – 110, в Свияжском – 34 и в Мамадышском – 163 мечети⁷.

¹ НА РТ. 2.Ф. 12. Д. 1798. Л. 1-60, 78.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 142.

³ См.: Циркуляр Министра юстиции г.г. губернаторам от 21 декабря 1906 года за № 29, об условиях и порядке приема и освобождения арестантов // Тюремный вестник. 1907. № 1. С. 29-37.

⁴ НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 447. Л. 29-41, 45-52.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 5. Л. 7.

⁶ См.: Малов Е. О татарских мечетях в России. Казань, 1867. С. 51, 71-73.

⁷ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 3. Л. 1-315.

Несмотря на это, в тюремных учреждениях своих мечетей пока не было, а исполнение исламских религиозных молитв осуществлялось приходящим в пенитенциарные учреждения муллой. Для проведения магометанских обрядов в тюрьмах мусульманам необходимы были специальные условия. Так, арестант Г. Камальдинов, содержащийся в Цивильской уездной тюрьме, просил Казанское губернское правление выделить кумган и таз для исповедания, т.к. «без этого нельзя молиться богу и приходится нам на дворе мыться, а этого в законе не показано». Молиться по магометанской вере приходилось пять раз в день, причем ночью в 11 часов и на заре в 2 часа¹. По возможности администрация старалась удовлетворить потребности арестантов, но это не всегда удавалось.

В конце 1901 г. с разрешения губернатора в Казанском исправительном арестантском отделении были введены для арестантов воскресные чтения образовательного характера с пояснением текста прочитанного «туманными картинками» посредством «волшебного фонаря», иногда после чтения демонстрировался граммофон. Чтения и демонстрации производились студентами Казанской духовной академии. Кроме того, в праздничные дни после обеда с 11 до 13 часов начальником отделения и его помощником читались книги духовно-исторического и беллетристическо-бытового содержания, программы чтений предварительно представлялись на утверждение тюремной инспекции². «Туманные картины» показывались также в Спасской и Лаишевской уездных тюрьмах после чтения книг Священного Писания и духовно-нравственного содержания³.

Хотя на рубеже XIX–XX вв. остро встал вопрос о том, что тюремное заключение должно служить не только для изоляции преступника, но и его нравственного исправления, недостаток помещений в тюрьмах Казанской губернии не позволял организовать эту деятельность в полном объеме. В то же время необходимо отметить, что работа в этом направлении велась, в частности, большое внимание нравственному облику человека уделялось в проповедях. Этому же служил фонд литературы, имевшийся в тюремных библиотеках⁴. В тюрьмах Казанской губернии на средства местного тюремного отделения выписывались журналы «Воскресенье» и «Паломник», первый читался арестантами охотнее. Самое большое количество книг в 1892 г. для чтения арестантам имелось в Мамадышской уездной тюрьме (211 наименований)⁵.

¹ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 53. Л. 192.

² Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1902. С. 16.

³ НА РГ Ф.2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 283-284.

⁴ См.: Рябчиков А. Первые шаги по пути умственного и нравственного развития заключенных Казанского исправительного арестантского отделения // Тюремный вестник. 1906. № 1. С. 71–74.

ний)¹.

Заботясь не только о содержании, но и внешнем виде арестантов, труд которых использовался на внешних работах, а следовательно, был на виду у общества, ГТУ приняло циркуляр от 6 июня 1900 г.², в котором детально регламентировалась одежда заключенных. Арестантская одежда должна была быть пошита из серого шинельного сукна, которое изготовлялось из доброкачественной овечьей шерсти натурального цвета.

Ассортимент и количество материала, расходуемого на пошив арестантской одежды, регламентировались ведомостью министра внутренних дел от 14 октября 1887 г.³ Мужская одежда состояла из рубашки, галстука, подштанников, портянок, летнего и зимнего бушлата, летних и зимних брюк, летней и зимней шапки, наушников, рукавиц суконных, онучей, сапог, полушубка из дубленой овчины. Хотя одежда и обувь производилась на местах, ГТУ рассылало эскизы и образцы с целью унификации внешнего облика арестантов по всей России⁴.

Рядом циркуляров ГТУ от 27.09.1887 г. № 18, от 17.07.1890 г. № 17, от 15.03.1895 г. № 3 у арестантов, не используемых на внешних работах, сапоги заменялись лыковыми лаптями⁵. Согласно циркуляру от 31 мая 1892 г.⁶, доводилось расписание ношения летней и зимней одежды до регионов. Так, в Казанской губернии летний сезон устанавливался с 1 июня по 1 сентября.

Циркуляром ГТУ от 3 сентября 1881 г.⁷ предписывалось периодическое проведение в помещениях, где содержались арестанты, обысков и осмотров с целью конфискации посторонних вещей. Однако не всегда обысковая работа приводила к выявлению запрещенных для хранения предметов. Вследствие этого невыявленные запрещенные предметы использовались для совершения преступлений, в том числе и на почве употребления спиртных напитков арестантами⁸. Это подтверждается тем, что в Тетюшской уездной тюрьме в июле 1898 г. было выявлено, что у одного из арестантов имеется ключ от женской камеры, куда он частенько наведывался, при этом у него было найдено большое

¹ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 16. Л. 28-34.

² Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 302-303.

³ Там же. С. 304.

⁴ См.: Циркулярные распоряжения // Тюремный вестник. 1893. № 4. С. 127-128.

⁵ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 35. Л. 26.

⁶ Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 302-303.

⁷ Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 246-249.

⁸ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 59. Л. 1-8.

количество денег, спрятанных в плинтус камеры¹. Данные факты свидетельствовали о слабой организации охраны в учреждении и небрежно производимых обысках камер и арестантов².

Перечень предметов, разрешенных для хранения осужденными, нашел юридическое закрепление в Общей тюремной инструкции 1915 г. Приведем этот перечень: образец или крестик, Евангелие, Библия, молитвенник, учебники, книги для чтения, письменные принадлежности, материалы дела, продукты, неметаллические зубная и платяная щетки, расческа, карманное зеркало, мыло, зубной порошок, иголки, нитки, сапожный крем, чайник, кружка или стакан, чайная и столовая ложки, деревянные или костяные вилка или ножик, разрешенные врачом дезинфицирующие и лекарственные средства. Иные предметы заключенный мог иметь лишь с разрешения начальника пенитенциарного учреждения, однако при условии невозможности их использования для насилия и побега.

В тюрьмах Казанской губернии нередко происходили беспорядки на почве межличностных конфликтов между заключенными из-за нежелания подчиняться законным требованиям стражи³. Это приводило к порче тюремного имущества. Так, 18 февраля 1897 г. в Казанской пересыльной тюрьме арестант, отказываясь производить хозяйственные работы, без всякой причины колотил в дверь, сломав ее. За это он был наказан двухнедельным арестом в светлый карцер, а за исправление двери с него были удержаны 63 коп.⁴ В Свияжской уездной тюрьме трое арестантов, отказавшись нести воду на кухню без всякого повода и ругаясь с надзирателями, били рамы и стекла, призывая к тем же действиям других арестантов⁵. В Козмодемьянской тюрьме поводом для беспорядков стало то, что старший надзиратель при разделе подаяний часть их брал в свою пользу. Однако при проведении служебной проверки данные сведения не подтвердились⁶. В Цивильской уездной тюрьме уездный исправник после учиненных в ней беспорядков предложил приковывать буйствующих арестантов к полу, на что казанским губернатором было указано, что такая мера, носящая характер истязаний, не только не может быть допустима, но и ходатайство об этом не может иметь места⁷.

Сведения о происшествиях в тюрьмах Казанской губернии доносились в

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 60. Л. 17-18.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 127. Л. 10.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 124. Л. 16; Там же. Д. 79. Л. 1-20; Там же. Д. 125. Л. 10-16; Там же. Д. 146. Л. 1-29; Там же. Д. 147. Л. 1-7; Там же. Д. 123. Л. 1-61.; Там же. Д. 148. Л. 1-40.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 53. Л. 54.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1619. Л. 1-8.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 146. Л. 1-29.

⁷ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 126. Л. 25.

ГТУ. Так, в Казанской губернской тюрьме 30 января 1912 г. произошло самоубийство следственного арестанта П.Г. Софронова, повесившегося на двух связанных полотенцах. Сделав из них петлю, он укрепил свободный конец за скобу нар на высоте двух аршин от пола и, просунув голову в петлю, опустился на колени, не коснувшись ими пола. Все эти действия были проделаны очень тихо ночью, когда другие арестанты спали. При выяснении обстоятельств самоубийства было установлено, что П.Г. Софронов неприязненных отношений с надзором, администрацией, сокамерниками не имел, признаков душевного расстройства не проявлял и главный тюремный инспектор пришел к выводу, что данный факт наступил под влиянием страха перед наказанием и угрызением совести в совершенном преступлении¹.

После появившейся заметки в газете «Камско-Волжская речь» от 3 мая 1912 г. за № 99, освещавшей нанесение оскорбления в виде удара по лицу без всякого повода политической арестантке губернской тюрьмы В.К. Адамской, ГТУ потребовало разобраться в данном деле. В ходе проведения служебной проверки тюремным инспектором выяснено, что арестантка, выведившаяся на прогулку, проходя мимо одной из камер, где производилась стрижка осужденного, хотела зайти в нее, на что надзиратель заградил рукой ей вход и, взяв за плечи, повернул, но не ударял ее. В результате в ближайшем номере газеты было помещено опровержение с указанием результатов расследования и пометкой, что указанная заметка является вымышленной².

За совершение проступков арестанты подвергались дисциплинарным взысканиям. Так, 19 июня 1888 г. за продолжительный отказ от работы и сделанный подкоп для совершения побега арестанта Казанского исправительного арестантского отделения Юсупова заковали в ножные кандалы сроком на четыре месяца³. К арестантам применялись различные виды дисциплинарных взысканий. К примеру, в 1902 г. в Ядринской уездной тюрьме подвергались строгому аресту 5 арестантов, оставлены на хлебе и воде без перевода в карцер 3 арестанта. В Чистопольской тюрьме подвергались: лишению горячей пищи – 38 арестантов, лишению переписки и свидания с родственниками – 8, заключению в карцер – 5 и заключению в оковы в предупреждение побега – 2 арестанта, всего дисциплинарные наказания применялись 126 раз⁴.

По окончании отбывания наказания арестанту выдавалось свидетельство Казанского губернского правления на свободный проход до места жительства, с тем чтобы он по прибытии явился в местное полицейское управление, впослед-

¹ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 421. Л. 1-11.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 421. Л. 12-22.

³ НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 142. Л. 1-3.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 142, 159.

ствии осуществляющее за ним надзор¹.

Таким образом, в XVIII в. в пенитенциарных учреждениях внутренний распорядок еще не был урегулирован, его регламентация находит свое отражение в XIX в. Развитие правового регулирования порядка и условий отбывания наказаний в виде лишения свободы в XIX – начале XX вв. в России шло в направлении детализации и максимальной организации режима с целью создания условий, способствовавших не только изоляции преступника от общества, но и его исправлению. Если в начале XIX в. основное внимание уделялось организационно-правовым вопросам службы надзора, то после буржуазных реформ Александра II, прежде всего, судебной и тюремной, наряду с вопросами надзора, большая роль как в нормативных документах, так и в практической деятельности отводилась условиям содержания арестантов, в т.ч. их продовольственному, медицинскому, экипировочному и религиозно-нравственному обеспечению.

Характерными признаками пенитенциарных учреждений Казанской губернии, как и в целом по Российской империи, были плохие условия содержания заключенных, в отличие от менее развитых губерний, где рост населения и преступности были сравнительно ниже.

Условия содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии к концу XIX – началу XX вв. имели тенденцию к улучшению, много внимания уделялось вопросам нравственно-воспитательного характера, а также трудового устройства, что в целом благоприятно сказывалось на состоянии режима и дисциплины в местах лишения свободы.

В целях нравственного воздействия на заключенных тюремными священниками в церквях произносились проповеди и поучения, велись с арестантами и беседы религиозного характера, а именно: объяснения Священного Писания, праздников, молитв, событий из Священной Истории Ветхого и Нового завета, жизни и подвигов особо чтимых святых и прочее. Все чтения происходили в присутствии начальников тюрем и с их разрешения. В некоторых тюрьмах Казанской губернии воскресные чтения образовательного характера проходили с пояснением текста прочитанного «туманными картинками». Администрация мест заключений создавала условия для совершения религиозных обрядов как православных, так и мусульман. Для совершения магометанских обрядов заключенным по возможности выдавались кумган и таз. Чтение исламских религиозных молитв осуществлялось приходящим в пенитенциарные учреждения муллой. При этом в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии отмечено отсутствие конфликтов на религиозной почве.

¹ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1405. Л. 111.

§ 3. Кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии

В XVIII в. российское государство практически не уделяло необходимого внимания кадровому, материально-техническому и финансовому обеспечению деятельности пенитенциарной системы. У государства не было достаточных финансовых возможностей строить новые тюремные помещения, содержать тюремный персонал и самих заключенных.

Финансирование деятельности существующих пенитенциарных учреждений не обеспечивало в полном объеме их нужд. На питание осужденного администрация могла потратить всего 2 алтына в день¹. Этих денег не хватало даже на удовлетворение минимальных потребностей, и поэтому проблема пропитания заключенных в тот период стояла очень остро.

Выходом из сложившегося положения было получение продуктов питания от родственников либо за счет прошения милостыни, для сбора которой заключенные выводились в город под присмотром стражи. При этом в указе от 23 декабря 1736 г. предписывалось, чтобы «особо питанных в окровавленной одежде для прошения милостыни не пускать»². После возвращения в тюрьму собранное подаяние делилось между всеми заключенными. Целью данной процедуры, в первую очередь, являлось улучшение материального положения арестантов. Вместе с тем мы согласны с В.Б. Романовской, что данная процедура являлась, с одной стороны, проявлением милосердия со стороны населения, а с другой – она имела воспитательное значение для самого арестанта, усмиряя его гордыню³.

С 1720 г. было официально установлено правило, в соответствии с которым кормление колодников, содержащихся за долги, осуществлялось за счет челобитчиков, т.е. истцов по гражданским делам⁴. А если последние отказывались от содержания подсудимых, указом 1722 г. предписывалось: «А буде кто из челобитчиков платить не станет, и его к тому принуждать; а буде не похочет, то объявля вышнему над собою суду, оных выпустить»⁵. Указом 1736 г. «колодников по челобитчиковым делам» запрещалось отпускать на связке для прошения милостыни, поэтому кормить их приходилось только челобитчикам, а тем, кто отказывался их кормить, приходилось возвращать в казну вдвое больше денег, чем выделялось на питание государством.

Недостаточное и несвоевременное финансирование значительно затруд-

¹ ПСЗ-1. Т. 1. № 328.

² ПСЗ-1. Т. 9. № 7132.

³ См.: Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX в. Н. Новгород, 1996. С. 13.

⁴ ПСЗ-1. Т. 6. № 3685.

⁵ ПСЗ-1. Т. 6. № 3940.

няло развитие пенитенциарных учреждений Казанской губернии. Однако государство в силу объективных и субъективных причин было не в состоянии увеличивать финансирование пенитенциарной системы.

Только ближе к середине XVIII в. всем лицам, содержащимся в тюрьмах, было определено казенное продовольствие, однако из чего оно должно было состоять, определено не было¹. Больным арестантам сумма кормовых денег назначалась в увеличенном размере.

Наряду с этим, в XVIII в. в практику вводятся принудительные работы, и поскольку они были оплачиваемы, у заключенных появляется дополнительный источник дохода². У осужденных имелась возможность к положенному пайку дополнительно приобрести продукты питания.

Таким образом, в XVIII в. арестанты были вынуждены обеспечивать свое существование практически самостоятельно, т.к. государственное финансирование было незначительным для нормального обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений.

Следует отметить, что в XVIII – начале XIX вв. численность штатов тюремного ведомства и материальное обеспечение сотрудников устанавливалось для каждого места заключения.

Руководство тюремными замками возлагалось на смотрителей. Помимо руководства, к основным штатным должностям пенитенциарной системы относились и чины тюремной стражи, осуществлявшие выполнение основной задачи тюрьмы – изоляцию преступников и пресечение их побегов, чем и определялось их преобладание в структуре тюремных должностей. Однако, по выражению А.П. Саломона, «надзиратель в 1830-е гг. представлял собой жалкое зрелище, ничем не отличаясь от арестантов. Денежное содержание его составляло 8 руб. в месяц при собственной пище и одежде»³.

Таким образом, материально-бытовое обеспечение нижних тюремных чинов было крайне недостаточным, а поэтому они не пользовались авторитетом как у тюремных смотрителей, так и у арестантов.

В целях контроля за финансовыми средствами в каждом пенитенциарном учреждении Казанской губернии имелись журналы прихода и расхода денежных средств. Для улучшения материального обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений привлекались благотворительные средства. Так, в 1828 г. в описи смотрителя Казанского гражданского тюремного замка указы-

¹ См.: Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560-1880). СПб., 1880. С. 6-7.

² ПСЗ-1. Т. 13. № 9571.

³ Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 7.

вается на поступление и расходование подаваний: поступило в учреждение: свеч – 36 фунтов, ладана – 33 фунта и денежных средств – 94, 88 руб., из них было израсходовано 94 руб. В 1829 г., кроме свеч и ладана, приход составил 152, 57 руб. После расходов осталось 109,17 руб. В 1830 г. поступило 423,88 руб., осталось 108 руб. В 1831 г. поступило 322,53 руб., осталось 307,83 руб. В 1832 г. поступило 329,43 руб., израсходовано 327 руб. В 1833 г. поступило 39,13 руб.¹ Приведенные статистические сведения свидетельствуют о том, что размер подаваний был нестабильным и мог меняться из года в год как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Подаяния покрывали только малую частицу тех расходов, которые требовались для полноценной деятельности пенитенциарных учреждений. Финансового обеспечения, выделяемого из государственной казны, было недостаточно.

С учреждением в 1833 г. Казанского тюремного комитета попечительного о тюрьмах общества его усилия, помимо других целей, были направлены на улучшение материально-бытового обеспечения мест лишения свободы. Комитет вел документацию о поступлении и расходовании денежных средств, получаемых из Казанской градской думы на содержание тюремного замка, лечение больных арестантов и др.² Согласно смете расходов, приводящейся в журнале комитета 16 марта 1849 г., имеющиеся денежные средства использовались на питание арестантов, лечение больных и погребение умерших арестантов, содержание пересыльного этапа, Казанского гражданского тюремного замка и самого комитета³.

На заседаниях регулярно заслушивался директор комитета, ответственный за обеспечение арестантов, содержащихся в Казанском гражданском тюремном замке, продовольствием. К докладу прилагался отчет о расходовании средств с предъявлением чеков на продукты. Обсуждались также меры по обеспечению контингента продовольствием на будущее время.

Капитал комитета и уездных отделений к 1 января 1861 г. составил 28472 руб. В течение 1861 г. поступило 34285 руб., было израсходовано 37563 руб., и к 1 января 1862 г. осталось 25193 руб. Денежные средства расходовались на: 1) жалование, пособия и награды смотрителям и др. должностным лицам тюрем; на содержание канцелярии и канцелярские расходы; 2) страхование принадлежащего Губернскому тюремному комитету здания; 3) одежду, белье, обувь, постели, мытье арестантов в банях и стирку белья; 4) улучшение тюрем,

¹ НА РТ. Ф. 521 Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 8, 14, 19, 21, 29.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 929. Л. 1-13.

³ См.: Казаченок В.В. Деятельность Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3(20). С. 177-178.

ремонт в них, обзаведение необходимыми вещами и уборку помещений; 5) улучшение пищи арестантам в уездных отделениях; 6) отопление тюрем при недостатке выделяемых сумм и другие мелочные расходы¹.

Почти в каждом отчете попечительного о тюрьмах общества содержалась информация о нехватке бюджетных средств, выделяемых на продовольственное обеспечение заключенных. Данное положение объяснялось двумя причинами: недофинансирование казной данной статьи расходов в некоторых городах; «дороговизна продовольственных припасов» вследствие «значительного повышения цен». Поэтому имеющиеся недостачи покрывались с помощью капиталов комитетов и отделений Общества или за счет частных пожертвований. Имеются также сведения об улучшении пищи арестантов, «в особенности в праздничные и торжественные дни» за счет средств благотворителей, но в чем это выражалось, не уточняется².

Потребности пенитенциарных учреждений росли, и в 1872 г. в Казанской губернии израсходовано на осуществление их деятельности 47207,76 руб., из них Губернским комитетом казенных денежных средств – 22168,92 руб., частных – 2495,67 руб.; 11 уездными отделениями казенных – 20233,74 руб., частных – 2309,43 руб.³ Кроме того, в тюремных учреждениях приветствовалось подавание продуктами (см. приложение 7).

Финансовое обеспечение Казанского воспитательно-исправительного приюта осуществлялось из различных источников: 1) из денежных средств, отпускаемых тюремным комитетом на содержание помещенных в нем несовершеннолетних преступников; 2) из платы, поступающей от родителей питомцев; 3) из доходов от хозяйства приюта и его мастерских; 4) из пожертвований в пользу приюта деньгами и вещами; 5) из сборов от концертов, спектаклей и т.п.; 6) из средств, отпускаемых на содержание приюта Казанским обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов⁴.

Несмотря на достаточно широкий круг источников финансирования, материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности приюта не всегда было удовлетворительным. Вследствие плохого состояния материальных средств в 1884 г. была устроена лотерея в пользу Казанского приюта, для реализации которой собирались пожертвования от любых лиц. Кроме этого, при самом розыгрыше сочувствие публики выражалось не только в успешной продаже билетов, но и в представлении значительного количества премий и по-

¹ НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-14.

² Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1861 год. СПб., 1862. С. 7.

³ НА РГ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 261.

⁴ НА РГ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 11. Л.11.

жертвований, так что общая сумма составила 4207,73 руб.¹

Из казны выделялось недостаточно средств для содержания приюта: на каждого содержащегося в приюте несовершеннолетнего выдавалось 11 руб. в год, хотя фактические затраты на каждого воспитанника составляли 33 руб. в год. Поэтому недостающие средства покрывались за счет других источников².

В целом сметное исчисление на содержание пенитенциарных учреждений Казанской губернии, а именно: исправительное арестантское отделение, центральную пересыльную тюрьму, губернскую тюрьму, 11 уездных тюрем - выглядело следующим образом:

«§ 2 ст. 1 п. «а» – начальникам тюрем и их помощникам (жалование, столовые и др. выплаты), ст. 1 п. «б» – содержание церквей, больниц, канцелярий, ст. 2 п. «а» – оклады старшим и младшим надзирателям, ст. 2 п. «б» – обмундирование надзирателей;

§ 4. ст. 3 – отопление и освещение, ст. 4. – содержание помещений в чистоте и уплата повинностей (оценочные сборы);

§ 5. ст. 1. – продовольствие (здоровых арестантов), ст. 2 – одежда и обувь арестантов, ст. 3 – содержание и лечение больных и погребение умерших арестантов, ст. 5. – мелочные расходы по арестантской части (заготовление кандалов, заковка и расковка арестантов, заготовление бланков для арестантских билетов, прочие мелочные расходы);

по § 5 производились расходы и на содержащихся при полиции, Казанской окружной лечебницы, Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, на починку старой арестантской одежды для всей губернии³».

Денежные расходы на жалование и другие предметы для рабочего и смиренного домов направлялись из Казанского губернского комитета и контролировались Обществом попечительным о тюрьмах⁴.

Арестанты всех пенитенциарных учреждений Казанской губернии снабжались одеждой, обувью и постельными принадлежностями, произведенными в тюремных мастерских г. Казани, под наблюдением Казанского губернского тюремного комитета. Необходимое количество материалов для изготовления указанных вещей частично высылалось из ГТУ, частично изготавливалось в мастерских Казанского исправительного арестантского отделения, а частично приобреталось у местных торговцев⁵.

Продовольствие арестантов доставлялось Казанским губернским тюрем-

¹ НА РТ. Ф. 493. Оп. 1. Д.12. Л. 1-50.

² НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-3, 5, 15; Там же. Ф. 493. Оп. 1. Д. 37. Л. 28, 37; Там же. Д. 35. Л. 37.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 28. Л. 57-59.

⁴ НА РТ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-77.

⁵ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 263-265.

ным комитетом и его отделениями на получаемые из казны кормовые деньги, но некоторые отделения освобождали себя от этого труда, и кормовые деньги выдавали на руки арестантам в нарушение ст. 130 т. 14 Устава о содержащихся под стражей¹.

При проверке одной из тюрем казанским губернатором в 1895 г. замечено, что арестанты в сопровождении тюремных надзирателей ходят на базар для закупки продовольственных продуктов. Этот факт, отметил губернатор, является «нарушением правил о содержащихся под стражею и может повлечь за собою нежелательные последствия. Арестанты довольствуются из общего котла, и кормовые деньги на руки для приобретения пищи им выдаваться не должны»².

Во всех тюремных учреждениях с 1 ноября 1892 г. вводился однообразный порядок продовольствия арестантов. Содержание каждого арестанта в среднем по бюджету страны обходилось в 6 с небольшим копеек в сутки. Принимая во внимание, что ужина они не имели, а на обед в обыденные дни им давалась одна похлебка и только в праздники к ней добавлялась каша, то обеспечение питанием нельзя признать удовлетворительным.

Суточная стоимость продовольственного пайка на одного арестанта в российском государстве в разных местностях было неодинакова и составляла от 4 копеек в г. Минусинске Енисейской губернии до 45 копеек в Колымском округе Якутской губернии. В Казани оно составляло 8 копеек, как и в других городах Казанской губернии, за исключением Козмодемьянска, Спасска, Тетюш, Цивильска, Чебоксар, Чистополя, где суточное назначение продовольствия составляло 7 копеек³.

Отпускаемых денежных средств хватало только на завтрак и обед, поэтому вечером осужденные ужин не получали. В связи с таким положением тюремное отделение Казанского губернского правления решило активизировать приток пожертвований и выдать каждому директору тюремного отделения талонную книжку для сбора пожертвований деньгами и припасами⁴. Результатом этого стало увеличение стоимости суточного довольствия арестантов тюремных учреждений Казанской губернии к 1893 г. в среднем до 10,6 копеек⁵.

Таким образом, с введением в 1892 г. однообразного порядка тюремного продовольствия суточная норма питания на одного заключенного в Казанской

¹ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 72. Л. 12-14.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 43. Л. 135, 143.

³ НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-6.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 27,28.

⁵ Табель о деньгах на продовольствие арестантов, содержащихся в местах заключения гражданского ведомства, на 1893 год // Тюремный вестник. 1893. № 1. С. 9 (В Казани, Свияжке, Чебоксарах, Цивильске, Козьмодемьянске, Лаишеве, Тетюшах на одного арестанта полагалось 11 коп., в Ядринске, Царевококшайске, Мамадыше, Чистополе, Спасске – 10 коп.)

губернии хотя и незначительно, но все же превышала норму по бюджетному финансированию.

По существующим правилам (циркуляр ГТУ от 21 января 1887 г. № 3 и прим. к ст. 185 Общей тюремной инструкции 1915 г.), заключенным в постные дни недели, а также в течение установленных церковью постов полагалась постная пища. Отступления от этого положения допускались лишь в отдельных случаях по требованию врача для больных и слабых заключенных, нуждающихся в усиленном питании¹.

Особенностью пенитенциарных учреждений Казанской губернии являлось содержание в них осужденных разных конфессий и национальностей. Так, в Лаишевской уездной тюрьме в декабре 1891 г. из 60 осужденных содержалось 48 русских и 22 татарина, в Свияжской из 53 арестантов – 40 русских, 10 татар, 2 чуваша, 1 черемис². В 1902 г. в Мамадышской уездной тюрьме содержалось 186 русских, 148 татар, 13 чувашей, в Чистопольской уездной тюрьме – 409 русских, 231 татарин, 18 чувашей и 3 цыгана³.

Согласно циркулярному распоряжению МВД от 8 декабря 1889 г. № 26, по религиозным праздникам приготовление пищи для иноверцев производилось из продуктов, жертвуемых для этого их единоверцами. В связи с большим количеством в Казанской губернии мусульманского населения начальник ГТУ Галкин-Враской был озабочен таким положением, о чем и высказался в конфиденциальном письме казанскому губернатору (от 28.03.1895 г. № 4817). Тот ответил, «что однообразный порядок продовольствия арестантов во всех тюремных учреждениях г. Казани соблюдается, и лишь в чтимые религиозные празднества иноверцев продовольствие для них готовится особо из продуктов, жертвуемых для сего единоверцами их, причем никакого ропота со стороны заключенных при введении этого порядка не было» (от 11.04.1895 г. № 2061)⁴.

Следует отметить, что в результате анализа архивных материалов не выявлено ни одного случая конфликта между осужденными на религиозной почве, что создало благоприятное впечатление о национальной политике в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии.

Более того, в 1897 г. учреждается Общество пособия бедным мусульманам г. Казани, целью которого являлось оказание помощи в улучшении материального и нравственного состояния бедных мусульман без различия пола, возраста, званий и состояний⁵. Не оставались без внимания и нуждающиеся арестанты.

¹ НА РТ Ф. 2 Оп. 12. Д. 754. Л. 12.

² НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 16. Л. 36.

³ НА РТ. Ф.2. Оп. 12. Д. 111. Л. 159.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 35. Л. 29, 31.

⁵ См.: Устав Общества пособия бедным мусульманам гор. Казани. Казань, 1903. С.3-7.

Все места заключения Казанской губернии были расположены в казенных зданиях, ремонтируемых по мере надобности за счет денежных средств, отпускаемых ежегодно из казны в распоряжение губернского начальства по сметам Министерства по тюремной части.

На ремонт мест заключения Казанской губернии в 1889 г. было выделено по тюремной смете 4100 руб., из них израсходовано на ремонт зданий: Казанского исправительного арестантского отделения – 225 руб.; Казанской центральной пересыльной тюрьмы с тюремной больницей – 900 руб.; Казанской губернской тюрьмы – 920 руб.; уездных мест заключений – 1760 руб., распределенные по тюрьмам в следующих размерах: Спасской – 209 руб., Козмодемьянской, Тетюшской, Мамадышской, Чистопольской – 200 руб. каждой, Свияжской – 168 руб., Царевококшайской – 132 руб., Цивильской – 150 руб., Лаишевской – 120 руб., Ядринской – 91 руб., Чебоксарской – 90 руб.¹

На указанные средства ремонтные работы производились преимущественно по исправлению и переделке печей, исправлению ветхих частей крыш, стен зданий и оград, побелке, ремонту полов, оконных рам и дверей и др. необходимые работы для поддержания зданий в исправности. Однако выделяемые средства не покрывали всех потребностей пенитенциарных учреждений.

Несмотря на неплохой доход от арестантского труда, денежных средств на содержание тюремных учреждений до начала XX в. было недостаточно. Дело даже доходило до того, что отсутствие средств у попечительства Казанского исправительного арестантского отделения не позволяло пользоваться проведенным несколько лет тому назад водопроводом, т.к. он был не вполне оборудован и открытие кранов повлекло бы за собой, помимо расходов на оборудование и ремонт (водопровод не действовал несколько лет и успел испортиться), постоянные мелочные поправки и уплату за водомер до 40 руб. Поэтому отделение пользовалось водой для пищи и питья из находящейся вблизи водопроводной будки, на что расходовалось в течение года лишь до 30 руб. На остальные нужды (для бани, стирки белья и пр.) вода бралась из имеющегося при отделении колодца².

За период с 1900 по 1902 гг. просматривается увеличение денежных средств на содержание заключенных. Так, «в 1900 г. на продовольствие и водоснабжение было израсходовано 2750 руб., в 1901 г. – 3716 руб., в 1902 г. – 4578 руб.; на лечение больных и продовольствие их в тюремной больнице в 1900 г. –

¹ НА РТ. Ф.2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 258-260.

² См.: Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1902. С. 18.

1173 руб., в 1901 г. – 1145 руб., в 1902 г. – 1965 руб.»¹ Содержание одного арестанта исправительного отделения в 1900 г. обошлось в 115,20 руб. Вычитая сумму заработков в доход казны и отделения, а также экономический капитал, оставшийся от продовольственного пайка и освещения, экономию от дров и экономической муки – 39,42 руб., содержание каждого арестанта обошлось в 75,78 руб. Кроме того, пожертвований деньгами, вещами и продуктами поступило на сумму: в Казанскую губернскую тюрьму – 2978,63 руб.; в Казанскую центральную пересыльную тюрьму – 517, 13 руб.; в Казанское исправительное арестантское отделение – 341, 53 руб. По тюремным отделениям: Свияжскому – 299 руб., Лаишевскому – 302 руб., Тетюшскому – 309 руб., Чистопольскому – 777 руб., Ядринскому – 0 руб., Цивильскому – 96 руб., Царевококшайскому – 325 руб., Чебоксарскому – 434 руб., Спасскому – 328 руб., Козмодемьянскому – 419 руб. и Мамадышскому – незначительные пожертвования продуктами².

Из данных сведений следует, что места заключения располагали разными суммами пожертвований, причем Ядринский уезд характеризовался почти полным отсутствием благотворительности из-за равнодушия местного общества, которая в других тюрьмах серьезно облегчала жизнь арестантов.

Выделяемые пенитенциарному учреждению деньги аккумулировались в кассе учреждения. Но в связи с происходящими случаями ограбления казенных касс циркуляром ГТУ от 11 мая 1907 г. № 8 предписывалось все денежные средства держать в банковских учреждениях, а в случае их отсутствия – в казначействе города, открывать текущие счета. На этом основании циркуляром Казанской губернской тюремной инспекции от 24 мая 1907 г. № 2428 было предписано немедленно открыть в местном казначействе текущий счет Чистопольской уездной тюрьмы и вносить на этот счет все получаемые по ассигновкам суммы. При этом в кассе тюрьмы не должно оставаться более 150 рублей для расчета с арестантами и на те расходы, оплату которых трудно производить чеками³.

В 1909 г. принимается Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних⁴, согласно которому воспитательно-исправительные учреждения могли организовывать правительства, города, духовные учреждения, общественные организации и частные лица.

¹ Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1900 год. Казань: Типография Губернского правления, 1901. С. 28-29; Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1902. С. 25; Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1902 год. Казань: Лито-типография Л.П. Антонова, 1903. С. 26.

² Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 22, 162.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 65.

⁴ СЗ РИ. Т. 14. Ст. 267.

С введением нового Положения средства приюта увеличились вдвое и состояли из средств, отпускаемых из казны на продовольствие, одежду, белье, обувь и постельные принадлежности, а также средств, отпускаемых губернским земством из штрафных сумм на устройство мест заключения. Для улучшения состояния приюта (согласно ст. 16) совет казанского общества обращался к казанскому губернскому собранию с ходатайством о безвозвратном пособии на ремонт и расширение помещений приюта в 1909 г. в размере 700 руб. и в 1910-1911 гг. 3150 руб., данные суммы были выданы совету¹.

Хорошим подспорьем финансовой деятельности являлись арестантские работы. В 1911 г. построена новая слесарная мастерская, на постройку которой ушло 3221, 58 руб. Однако по сравнению с предыдущими периодами доход от мастерских уменьшился. Так, в указанном году от мастерских было выручено только 1144,6 руб., от садоводства, лесоводства, скотоводства и огородничества – 123,23 руб., от аренды земель, угодий строений и проч. – 1500 руб. В итоге доход приюта составил 2767,29 руб. В 1912 г. была открыта портняжная мастерская².

Тенденция увеличения размера довольствия заключенных сохраняется и позднее. Так, на довольствие одного арестанта в Свияжской уездной тюрьме тратилось в 1909 г. в основном 2 руб. 48 коп. в месяц, однако на двух срочных арестантов было потрачено по 6 руб. 20 коп., а одного следственного – 4 руб. 65 коп.³ В 1908 г. также по 2 руб. 48 коп. в месяц, на одного срочного арестанта – 6 руб. 20 коп.⁴ Однако немногим позже тенденция увеличения размера довольствия арестантов сошла к нулю. Так, в 1912 г. на продовольствие местных арестантов по числу проведенных 2019 суток за январь месяц, полагая по 6 коп. в сутки, израсходована сумма в 121 руб. 14 коп. В целом за месяц довольствие арестанта составляло 1 руб. 86 коп. Тем не менее, на продовольствие пересыльных арестантов расходовалось по 10 коп. в сутки⁵. Необходимо отметить, что питание арестантов становится немного разнообразнее (см. приложение 8).

Таким образом, несмотря на то, что финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности пенитенциарных учреждений Казанской губернии в XIX – начале XX вв. увеличивало свои размеры, для нормального функционирования деятельности пенитенциарной системы и улучшения условий содержания заключенных этого было недостаточно.

В конце XIX в. осуществляется перестройка системы тюремных органов и,

¹ НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 85 Л. 2.

² НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 85. Л. 5-8, 27.

³ НА РТ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-8.

⁴ НА РТ. Ф. 697. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-16.

⁵ НА РТ. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-7.

соответственно, изменяется ее кадровый состав¹. Управление местами заключения г. Казани осуществляется в соответствии с общероссийскими правилами. Состав администрации тюремных учреждений был идентичен для всех мест заключения и состоял из начальника и его помощника (см. приложение 9). Различия были только в количестве тюремной стражи и обслуживающего персонала.

Всего по Казанской губернии в штатах состояло 155 человек, на оклады которых расходовалось 23 410 руб. в год, из них было 15 старших надзирателей и 136 младших². Между тем не всегда штатные должности комплектовались полностью. Согласно ведомости, в 1870 г. в Казанской арестантской роте по штату положено/состояло нижних чинов: унтер-офицеров – 21/17, барабанщиков – 2/-, писарей – 1/-, цирюльников – 2/2³.

Тюремная стража Казанской губернской тюрьмы состояла из двух старших надзирателей (один из них при тюремной больнице), пятнадцати младших надзирателей и двух надзирательниц.

Согласно ведомости о деньгах 1895 г., в тюрьмах г. Казани (Казанской губернской тюрьме и Центральной пересыльной тюрьме) старшие надзиратели получали штатное жалованье из казны в размере 240 руб. в год, младшие надзиратели – 180 руб. в год. Кроме этого, они получали так называемое добавочное содержание за выслугу лет (5 лет, 10 лет, 15 лет). При выслуге 15 лет добавочное содержание у старшего надзирателя составляло 240 руб. в год, при выслуге 10 лет – 160 руб., при выслуге 5 лет – 80 руб. соответственно. У младших надзирателей добавочное содержание рассчитывалось аналогично исходя из штатного жалованья⁴.

Надзор Казанского исправительного отделения состоял из 17 надзирателей: 1 старший с окладом 240 руб., 1 младший 1 разряда с окладом 200 руб. и 15 младших 2 разряда с окладом 180 руб.⁵ Начальник отделения наблюдал и делал распоряжения по всем частям управления: хозяйства, надзора и внутреннего порядка, руководил арестантскими работами. Помощник заведовал полицейской частью в отделении, следил за чистотой и порядком, за приготовлением пищи арестантам, а также за работами в мастерских с ведением надлежащей отчетности. Старший надзиратель, помимо наблюдения за общим порядком в отделении и за исправным несением службы младших надзирателей, заведовал цейхгаузом доносочных и собственных арестантских вещей. Из двух хозяйственных надзирателей один заведовал хозяйством и имел на хранении съестные

¹ НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 134. Л. 20.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1430. Л. 37.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1405. Л. 46.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 37. Л. 6, 55-66.

⁵ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1430. Л. 12.

припасы, а другой – мастерскими. Среди шести постовых надзирателей один состоял при конторе, один – привратник, четыре выводных для внешних работ и два запасных¹.

По получаемым счетам отпускались денежные средства авансом на расходы по служебным разъездам тюремного инспектора из § 9 ст. 2 тюремной сметы. Кредит для удовлетворения путевыми пособиями чинов тюремного ведомства при служебных разъездах в 1900 г. состоял из 395,12 руб.²

Кадровый состав уездных тюрем был аналогичен губернскому. Как правило, администрация уездной тюрьмы состояла из начальника и надзирателей, число которых зависело от численности заключенных и колебалось от 6 до 15. В наиболее крупных уездных тюрьмах в помощь начальнику назначался помощник (например, в Чистополе и Лаишево).

В уездных тюрьмах размер жалования тюремной стражи был немного ниже: старший надзиратель получал 180 руб. в год, младший – 120 руб. Добавочное содержание также исходило из суммы жалования и количества выслуженных лет. Старший надзиратель при выслуге 5 лет получал добавочного содержания – 60 руб., при выслуге 10 лет – 120 руб., а при выслуге 15 лет – 180 руб. Аналогично рассчитывалось добавочное содержание младшего надзирателя: за 5 лет – 40 руб., 10 лет – 80 руб., 15 лет – 120 руб.³ Расход денежных средств на жалование смотрителю и надзирателям тюремного замка отражался в специальной книге № 3 уездного тюремного отделения.⁴

Начальнику уездной тюрьмы принадлежала административная власть. Он ведал общими вопросами хозяйства, надзора и внутреннего порядка, а также руководил арестантскими работами. Учитывая, что в уездных тюрьмах старший надзиратель в отсутствие начальника тюрьмы является его заместителем и что лицо, несущее эти обязанности, должно быть трезвого и безупречного поведения, опытное, исполнительное и вполне заслуживающее доверия своего непосредственного начальства, тюремное отделение распорядилось замещать вакантные должности старших надзирателей с «большой осмотрительностью» и преимущественно из лиц персонала тюремной стражи, заслуживающих доверия⁵.

На практике, при отсутствии начальника уездной тюрьмы его обязанности, как правило, исполнял полицейский чиновник. Так, в феврале 1892 г. исполнение обязанностей начальника Мамадышской уездной тюрьмы было воз-

¹ Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1900 год. Казань: Типография Губернского правления, 1901. С. 25-26, 35.

² НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 82. Л. 9.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1447. Л. 1-107.

⁴ НА РТ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-26.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 70.

ложено на регистратора Полицейского управления П.П. Бенедиктова¹.

В случаях болезни, отпуска, вступления в законный брак и иных причин на имя вышестоящего начальника подавался рапорт об освобождении от службы по конкретной причине². При уходе в отпуск («увольнение») выдавалось отпускное удостоверение («паспорт»), в котором указывались должность, звание, фамилия, имя, отчество, с какого числа, количество дней и место проведения отпуска³.

Надзиратели при исполнении служебных обязанностей обеспечивались форменной одеждой. Циркуляром ГТУ от 12 августа 1893 г. № 10 нижним чином во время состояния на службе в учреждениях гражданского ведомства было разрешено носить на форменной одежде наружные отличия, полученные им за сверхсрочную службу⁴.

По архивным документам мы можем судить о вещевом довольствии, полагающемся служащим Казанского исправительного арестантского отделения по состоянию на 1895 г. В ведомости содержится перечень (в скобках указаны сроки служения вещей) вещей, которые были необходимы для служебной деятельности: фуражек суконных (3), курток суконных (3), брюк суконных (2), рукавиц кожаных (1), варег шерстяных (1), портянок суконных (2), лыковых лаптей (24 пары 1 на человека) (1), рубах холщовых (по 3 рубахи на 1 чел.) (1), галстуков суконных (1), курток равенбуковых (2), брюк равенбуковых (1), наволочек холщовых (1), сапог кожаных (-), полушубков (3)⁵.

В теплое время года носилась летняя форма одежды. С 1907 г. циркуляром ГТУ от 1 июня 1907 г. предписывалось руководствоваться новым описанием летней формы одежды для военных чинов, утвержденным императором 20 марта 1907 г.⁶

При исполнении своих служебных обязанностей надзирателям выдавалось оружие, использовавшееся в соответствии с инструкцией о порядке обращения надзирателей мест заключения с револьверами, направленной 26 января 1885 г. Казанским губернским правлением в Казанский губернский тюремный комитет. В инструкции указывалось, что надзиратели, находящиеся на постах внутри тюремных помещений, а также при сопровождении арестантов по городу или на работы вооружаются револьверами. Надзиратели должны были уметь пользоваться револьверами, запасные патроны к револьверам хранились под замком в конторе места заключения и выдавались по мере действительной необходимости. Револьверы могли применяться только в следующих случаях: 1)

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 932. Л. 2,3,7, 48.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 36. Л. 8, 19, 25, 26; Там же. Д. 47. Л. 52.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 36. Л. 36.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1430. Л. 179.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 28. Л. 41-43.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 59-62.

для запугивания охраняемого лица; 2) для защиты самого себя; и 3) против арестанта, совершающего побег¹.

Однако анализ архивных материалов показал особую значимость проблемы применения оружия в отношении заключенных со стороны персонала пенитенциарных учреждений. Если до XIX в. законодательство не устанавливало ограничений в применении оружия, то после проведения тюремной реформы 1879 г., претворявшей гуманные принципы в процессе исполнения наказаний, применение оружия чинами тюремного ведомства стало исключительно крайней мерой, к которой надо было прибегать лишь в случае особой опасности. На практике же все было иначе. К примеру, в Чистопольской уездной тюрьме в апреле 1904 г., когда двое арестантов стали шуметь в камере и стучать в дверь, начальник тюрьмы произвел выстрел из револьвера в окно двери камеры, после чего арестанты успокоились. Из данного случая видно, что необходимости в применении оружия не было. Более того, о таких случаях необходимо было немедленно извещать губернатора и тюремного инспектора, ставя в известность также и местного исправника².

В тюремных учреждениях предусматривалось несколько категорий надзирателей. К обязанностям «наружного надзирателя» относилась охрана тюрем, в т.ч. и от передачи сообщений и передач с «воли». «Выводные надзиратели» должны были сопровождать заключенных на прогулках, во время мытья в бане, обучения в школе и т.д. «Хозяйственные надзиратели» наблюдали за арестантами при производстве внутренних работ.

Как отмечалось ранее, численность штатного состава администрации мест заключения в большей степени зависела от количества мест заключения и числа заключенных. Вопросы об увеличении численности тюремной стражи обсуждались на заседаниях Казанского губернского комитета и уездных отделений Общества попечительного о тюрьмах. Например, в журнале заседаний Чистопольского уездного отделения Общества попечительного о тюрьмах (1887–1896 гг.) говорилось о необходимости увеличения числа младших тюремных надзирателей на 15 человек и увеличения им содержания со 120 руб. до 150 руб. в год³. Также выносились ходатайства об увеличении денежных средств на канцелярские нужды.

Благодаря настойчивым прошениям казанского губернатора, циркуляром ГТУ от 18 января 1895 № 719 в тюрьмах Казанской губернии добавлены: в Казанской губернской тюрьме один младший надзиратель с окладом в 180 руб. и

¹ НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 97. Л. 7,8.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 147. Л. 1-7.

³ НА РТ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

275 руб. в год на канцелярию тюрьмы; в Спасской уездной тюрьме один младший надзиратель с окладом в 150 руб., одна надзирательница с окладом в 120 руб. и 25 руб. в год на расходы по канцелярии тюрьмы; в Чистопольской уездной тюрьме 180 руб. в год на канцелярию¹.

Наряду с этим ГТУ ставились вопросы о сокращении численности состава тюремной стражи. К примеру, циркуляром от 24 апреля 1917 г. предписывалось выяснить наличие возможности сокращения состава стражи в местах заключения Казанской губернии. Несмотря на уменьшение численности заключенных, такой возможности в пенитенциарных учреждениях губернии не было, на что давались аргументированные ответы².

Параллельно с ростом чинов тюремной стражи в Казанской губернии прогрессирует их материальное положение. Месячное жалование начальника уездной тюрьмы, например в Мамадыше, в 1916 г. составляло 24 руб. 25 коп., помимо этого, выплачивались столовые 24 руб. 25 коп. и канцелярские деньги (в январе сумма составляла – 8 руб., в феврале – 15 руб.), в совокупности в год выходило более 700 руб. У старшего надзирателя жалование составляло 300 руб. в год, у младшего надзирателя – 240 руб., но без остальных выплат³.

Несмотря на повышение денежного содержания тюремным чинам, в целом материальное положение, особенно надзирательского состава, признавалось не совсем благополучным, что создавало проблемы с комплектованием тюрем. Поэтому губернские власти по мере возможности пытались своими силами облегчить материальное положение тюремной администрации посредством предоставления казенной квартиры. Губернские и уездные пенитенциарные учреждения должны были обязательно включать в себя: жилые помещения для управленческого персонала; помещения, предназначенные для потребностей административной тюрьмы; собственно арестантские камеры; хозяйственные помещения и больницу.

Проведенное исследование показало, что в губернских тюремных учреждениях была достаточно высокая обеспеченность казенными квартирами, тогда как в уездных тюрьмах проблема обеспечения сотрудников жилыми помещениями стояла остро. Всего в Казанской губернии в 1908 г. общее количество чинов тюремной стражи, пользующихся казенными квартирами, составляло 171, из них в губернском городе Казани 78 чинов⁴.

В архивных документах отмечалось, что в отдельных случаях тюремные служащие использовали казенные квартиры для извлечения доходов. В частно-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 35. Л. 5-6.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1904. Л. 1-21.

³ НА РТ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-6.

⁴ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 317.

сти, при проверке мест заключения в 1914 г. было выявлено, что некоторые чины тюремной администрации и надзора содержат в занимаемых ими казенных помещениях своих родственников как квартирантов, а иногда и посторонних лиц, что приводило к лишним расходам казны на отопление, воду и содержание зданий. С целью пресечения подобной практики 5 января 1915 г. ГТУ издало циркуляр № 2 с требованием размещения в казенных квартирах лишь родственников, нуждающихся в материальной помощи тюремных служащих, а из посторонних лиц – только «состоящих в услужении». Исключение из установленного порядка могло быть допущено только с разрешения губернаторов, начальников областей и градоначальников или тюремного инспектора¹.

Одной из главных проблем обеспечения эффективности работы пенитенциарных учреждений не только Казанской губернии, но и России в целом, было отсутствие специально подготовленных кадров для службы в тюремном ведомстве. По результатам ревизии уездных тюрем Казанской губернии губернским тюремным инспектором в 1900 г. было отмечено, что в некоторых тюрьмах старшими надзирателями служат малознающие и совершенно неопытные в тюремной службе люди. Данные факты отмечались не только в отношении чинов тюремной стражи, но и руководящего состава пенитенциарных учреждений. Так, в 1867 г. казанский губернатор, делая доклад в губернском правлении, отметил, что смотритель Цивильского тюремного замка «не знает и не понимает своих обязанностей и по умственным своим способностям никогда и не будет их знать»².

Принятые в январе 1888 г. Общие узаконения об исполнении тюремными надзирателями их служебных обязанностей³ предписывали в пенитенциарном учреждении вводить надзор, позволяющий надзирателям контролировать все тюремные помещения и содержащихся в них арестантов. Для «правильности» службы надзирателей закреплялась норма о постоянной запертости всех камер⁴.

Персонал тюремных учреждений к своим служебным обязанностям не всегда относился добросовестно. «В Казанском исправительном арестантском отделении из числа надзирателей в 1901 г. один был уволен за пьянство с лишением залоговых денег, подвергнуты штрафу: за пьянство – 8 надзирателей; за небрежное отношение к службе – 3; за ссоры между собой – 3; за пронос

¹ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 518. Л. 1.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 70; Там же. Ф. 386. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.

³ Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 176-195.

⁴ Циркулярное отношение г.г. губернаторам начальника Главного тюремного управления, 2 ноября 1902 г. № 9, о точном соблюдении правил о порядке содержания арестантов в местах заключения // Тюремный вестник. 1902. № 10. С. 677.

водки арестантам – 1 надзиратель»¹. «В 1902 г. уволены за небрежное отношение к службе 3 надзирателя, подвергнуты штрафу за пьянство – 6, за небрежное отношение к службе – 1 и строгому выговору за небрежное отношение к службе 4 надзирателя»².

Для улучшения качества прохождения службы тюремной стражи уфимским полицмейстером Макаровским, ранее проходившим службу в должности смотрителя тюремного замка и знавшим все ее тонкости, в 1890 г. был изобретен аппарат для проверки бдительности тюремных надзирателей и лиц, обязанных контролировать их при обходах тюрьмы. За изобретение аппарата комитетом Казанской научно-промышленной выставки ему была присуждена серебряная медаль. По результатам осмотра мест заключения г. Казани инспектор ГТУ статский советник Шумахер в своем рапорте указал на желательность выписки изобретенного контрольного аппарата для проверки службы надзирателей³.

Во время несения дежурства тюремными надзирателями наклеивались контрольные ленты в специально отведенную для этого книгу, в которой указывались номер поста, дата и фамилии надзирателей⁴.

Деятельность тюремных служащих, тесно связанная с рядом хозяйственных операций, всегда привлекала к себе зоркое внимание общества и печати. В целях предупреждения нареканий, стремясь поставить на должную высоту служебную честь и достоинство чинов ведомства, начальник ГТУ запретил решать какие-либо хозяйственные вопросы по личным нуждам в пенитенциарном учреждении, вплоть до покупки хлеба в тюремной пекарне и овощей с тюремных огородов⁵.

В целях улучшения качественного состава кадров пенитенциарной системы была создана «Казанская школа стражников, программа которой включала в себя 7 отделов, посвященных изучению Закона Божия; общий отдел, включавший понятия о государстве, правительстве, верховной власти, законе, административном устройстве губернии и уезда; полицейскую часть; судебные части для стражников и урядников; строевую часть; ветеринарию и медицину»⁶. Тем самым предполагалось подготовить персонал пенитенциарных учреждений, имеющий высокий морально-нравственный и профессиональный уровень. Однако до конца существования школы стражников она почти не финансирова-

¹ Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1902. С. 5.

² Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1902 год. Казань: Лито-типография Л.П. Антонова, 1903. С. 5.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 134-135.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 5. Л. 18.

⁵ См.: Казаченок В.В. Прохождение службы в тюремных учреждениях Казанской губернии в XIX - начале XX вв. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 108-109; НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 520. Л.1-4.

⁶ Программа курса Казанской школы стражников. Казань, 1914.

лась и не поддерживалась властями. Вследствие этого ее основная задача так и не была выполнена.

Из преступлений, связанных с нарушением закона в местах лишения свободы, особенно необходимо выделить преступное поведение персонала учреждений, исполняющих наказание. Например, 6 февраля 1897 г. в Чистопольской уездной тюрьме были выявлены факты наличия у арестантов денег на руках, которые они использовали в своих целях через персонал учреждения. Так, младший надзиратель тюрьмы за деньги, полученные от содержащегося в этой тюрьме срочного арестанта, допускал его для свиданий со следственной арестанткой, когда другие уходили работать, а она оставалась в камере одна. Более того, надзиратель совершил половой акт с другой срочной арестанткой, о чем стало известно руководству тюрьмы. В результате совершенных действий младший надзиратель был сразу же уволен со службы. Приговором Казанской судебной палаты от 17 февраля 1899 г. он был признан виновным в лихоимстве и отдан в исправительное арестантское отделение на один год, с лишением всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также с взысканием с него судебных издержек¹. Начальнику тюрьмы было указано на недостатки, имеющиеся в деятельности его учреждения.

В случаях нарушения служебной дисциплины в местах заключения к тюремным чинам применялись дисциплинарные взыскания. Например, в июне 1892 г. исполняющий должность начальника Чистопольской тюрьмы Власов, столоничальник полицейского управления, донес тюремному инспектору, что находящийся в отпуске начальник тюрьмы Кузнецов вмешивается почти каждый день в тюремные дела, посещает тюрьму в пьяном виде, дает арестантам недокурные им папиросы, ругает надзирателей неприличными словами, одного из них толкнул в грудь. При этом он просил привлечь Кузнецова к ответственности. По данному случаю было проведено расследование с получением объяснений, взятых у Кузнецова, Власова и персонала тюрьмы. Однако, рассмотрев материалы дела, Казанское губернское правление определило жалобу Власова как не подтвердившуюся, распорядилось оставить все без последствий, а Власову и Кузнецову объявить выговор².

Также было применено наказание к начальнику тюремного отделения Светоносому, который за обоюдную драку между арестантами наказал арестанта Валеева 30 ударами розог без отметки в установленной книге, тем самым проигнорировав нормы ст. 27 Т. XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений и указа императрицы Александры Федоровны от 10 июля 1749 г.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 51. Л. 1-26.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1434. Л. 33-52.

о запрещении телесных наказаний в праздничные дни¹.

Несмотря на проводимую работу по надлежащему исполнению своих обязанностей чинами тюремной стражи, надзиратели все же использовали свое служебное положение в коррупционных целях. Так, в 1910 г. в одном из анонимных писем, поступивших в адрес тюремного инспектора, указывалось, что надзирательница Казанской пересыльной тюрьмы за деньги помогала политическим арестанткам иметь нелегальные связи с внешним миром².

За добросовестное исполнение служебных обязанностей к тюремным служащим применялись различные меры поощрения: объявление благодарности, награждение орденами, медалями, выдача денежных премий и др. К примеру, начальник Казанской губернской тюрьмы Павел Константинов Лобанов 6 декабря 1895 г. награжден орденом Св. Станислава 3 степени, 2 февраля 1896 г. получил серебряную медаль в память царствования Александра III, 6 октября 1897 г. ему пожалована за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи темно-бронзовая медаль для ношения на груди на ленте из государственных цветов³.

За отличный порядок, установленный при обследовании Цивильской уездной тюрьмы в 1897 г., начальнику Шарловскому объявлена благодарность, о чем было напечатано в Казанских губернских ведомостях. Кроме того, копия отчета об обследовании мест заключения препровождена в ГТУ⁴.

Необходимо отметить, что деятельность пенитенциарных учреждений освещалась в средствах массовой информации. Таким образом, общество информировалось о существующем положении дел в пенитенциарной системе, что являлось положительным аспектом в ее функционировании.

В целях повышения образовательного уровня персонала пенитенциарных учреждений Тюремное отделение Казанского губернского правления МВД рекомендовало своим сотрудникам подписываться на различные виды периодической печати, одним из которых был журнал «Чтение для солдат», распространявший свое издание в среде нижних чинов, служащих в полицейских и тюремных командах⁵.

Преобразования в пенитенциарной системе, намеченные временным правительством, невозможно было реализовать без качественного изменения кадрового состава. Поэтому при ГТУ с 1 мая 1917 г. учреждаются трехмесячные бесплатные пенитенциарные курсы по подготовке лиц, изъявивших желание

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 36. Л. 33.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 330. Л. 1-4.

³ НА РТ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 73; Там же. Ф. 2. Оп. 12. Д. 20. Л. 5; Там же. Д. 1516. Л. 3-6, 15.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 50. Л. 69.

⁵ Циркуляр от 24 сентября 1894 г. № 174 // НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 310.

проходить службу в пенитенциарной системе. Слушателями курсов могли стать лица, имеющие высшее или среднее образование, при этом преимущество отдавалось офицерам и солдатам-инвалидам, а также лицам, занимающим уже должности по тюремному ведомству, с разрешения начальника ГТУ. Последним могли выдаваться суточные деньги¹.

Таким образом, можно отметить, что если в XVIII в. кадровому, материально-техническому и финансовому обеспечению деятельности пенитенциарных учреждений государством не уделялось достаточного внимания, что значительно затрудняло развитие пенитенциарных учреждений Казанской губернии, то в XIX – начале XX вв. в финансовом и материально-техническом обеспечении наметилась тенденция к улучшению, но для нормального функционирования деятельности пенитенциарной системы все же этого было недостаточно, требовалось увеличить объемы бюджетного финансирования и активно привлекать арестантов к труду для дополнительного финансирования пенитенциарных учреждений. С введением в 1892 г. однообразного порядка тюремного довольствия суточная норма питания в Казанской губернии хотя и незначительно, но превышала полагающуюся норму, предусмотренную бюджетным финансированием.

На фоне усложнения задач пенитенциарной системы в XIX - начале XX вв. в тюремных учреждениях Казанской губернии прослеживается увеличение численности тюремного персонала и повышение требований, предъявляемых к кандидатам на тюремные должности, что считалось одним из основных путей совершенствования практики исполнения наказаний. Прохождение службы в тюремном ведомстве сопровождалось постепенным улучшением материального положения сотрудников и стимулировалось установленной системой поощрений.

§ 4. Организационно-правовые формы использования труда осужденных в местах лишения свободы Казанской губернии

Привлечение осужденных к труду началось в XVII в. Первоначально этот труд использовался для колонизации новых земель². И хотя основной целью ссылки было наказание, она являлась, по мнению Н.Д. Сергеевского, важным и «неиссякаемым источником», дававшим рабочую силу в местностях, где она требовалась³.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 755. Л. 4.

² См.: Бондарев П.А. Особенности организации и правовой регламентации труда лиц, содержащихся в российских пенитенциарных учреждениях: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 15.

³ Сергеевский Н.Д. Наказание в Русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 230-231.

В XVIII в. использование труда заключенных получило законодательное закрепление в Артикуле воинском и в Учреждениях для управления губерний. В последнем регламентировался порядок и условия содержания в смиренных и рабочих домах¹. В пенитенциарной практике, кроме использования труда ссыльных для государственных нужд, начинается привлечение к труду и осужденных, содержащихся в тюрьмах. При этом экономические соображения становятся решающим фактором при назначении вида наказания.

Наказание в виде лишения свободы предполагало не только изоляцию человека от общества, но и исправление его путем привлечения к физическому труду (ст. 236–237 Устава о ссыльных), которое осуществлялось в зависимости от их сословной принадлежности: для бывших чиновников из всех видов работ предусматривались только клепание пакетов, картонок и других общеупотребительных вещей (ст. 239); а «людей простого сословия» следовало привлекать к таким работам, как выпечка хлеба, приготовление пищи, кваса, прислуживание за столом, разноска воды, пилка, рубка, носка дров, топка печи и др. (ст. 241–243). Кроме того, женщины стирали белье, мыли полы и посуду, щипали перья (ст. 239, 243). Всем тюремным служащим запрещалось использовать труд заключенных в своих корыстных интересах (ст. 231).

Казанской арестантской роте было разрешено принимать участие не только в работах на благо города. В случае выполнения частных заказов с работниками-арестантами должны были расплачиваться, как с вольнонаемными артелями. Арестанты Казанского рабочего дома работали во дворце Казанского кремля: убирали мусор, нечистоты, занимались работами в придворном саду и очистке плаца в парадных местах².

Арестантам полагалась оплата за работу по 14 копеек за каждый рабочий день, но эта сумма практически целиком использовалась на обустройство их быта и улучшение довольствия (город выделял деньги только на отопление, освещение и ремонт здания роты, а на все остальное выделяла незначительные суммы губернская земская управа). Использование арестантов на оплачиваемых работах предоставило администрации возможность активизировать хозяйственную деятельность, расширить собственные мастерские для трудоустройства арестантов³.

От командира Казанской арестантской роты требовалось не только обеспечить выполнение работ, но и обучить своих подопечных полезным профессиям.

¹ См.: Становление и развитие в России института обязательного труда лиц, осуждаемых к лишению свободы (период до 1917 г.): учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. С. 7–16.

² НА РТ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.

³ См.: Топоров А.А. Охранять, созидать и жить (к 170-летию ИК-2). Казань.: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. С. 14.

ям, превратив их в квалифицированных каменщиков, кирпичников, каменотесцев, штукатуров, печников, пильщиков, кровельщиков, слесарей и маляров. Мастеров, обучавших этим ремеслам, искали из числа самих же заключенных. Причем одному человеку старались дать навыки сразу нескольких ремесел, так было экономичнее. Помимо осуществления хозяйственных работ на территории пенитенциарного учреждения, арестанты привлекались и к выполнению частных заказов, при этом строго запрещалось привлекать их к письменным работам. При необходимости с разрешения губернатора труд арестантов можно было использовать и на работах вне города. Устанавливалась шестидневная рабочая неделя с сокращенным предвыходным днем в субботу.

Таким образом, одним из важнейших условий тюремного заключения считался труд, поскольку он способствовал установлению дисциплины и порядка в пенитенциарных учреждениях. Кроме этого, работа приучала арестантов к труду, давая навыки, позволявшие им найти работу по специальности после окончания срока наказания. Законодательство обязывало администрацию принимать меры по привлечению осужденных к различным видам труда. Однако, как показало исследование, одной из причин, препятствующих последовательной и систематической организации труда заключенных, являлось то обстоятельство, что действующие правовые нормы, регулирующие порядок привлечения осужденных к труду, не были согласованы как с существующими видами наказаний, так и между собой. Это противоречие было устранено только в конце XIX в., когда ГТУ утвердило в 1886 г. новые правила об арестантском труде¹. Если до введения новых правил занятие арестантов работами ставилось в зависимость от собственного желания осужденных, то в новых правилах закреплялась обязательность арестантского труда, устанавливалось количество рабочих часов, обязательных для арестанта, с указанием дней, в которые они освобождались от работ. За свой труд осужденные получали денежное вознаграждение, причем полученными денежными средствами они могли распоряжаться по своему усмотрению. Порядок оплаты труда осужденных в тюрьме регулировался законом от 6 января 1886 г. «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов»². В законе содержалась норма, в соответствии с которой на вознаграждение за работу не налагались ни гражданские взыскания, ни судебные издержки. Вместе с тем в отношении заключенных допускалось применение такого вида наказания, как лишение заработанных денег.

Согласно ст. 2 Закона, к обязательным работам по назначению тюремного начальства могли привлекаться: а) осужденные к ссылке на каторжные работы или направленные в исправительные арестантские отделения гражданского ве-

¹ НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 100. Л. 17.

² ПСЗ-3. Т. 6. № 3447.

домства; б) осужденные к ссылке на поселение, на житье или водворение, а также высылаемые в Сибирь административным порядком по приговорам сельских и мещанских обществ (во время содержания в тюрьме до утверждения общественных приговоров и по пути следования к местам назначения); в) осужденные к заключению в тюрьму за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества, а также за прошение милостыни. Остальные категории осужденных также привлекались к обязательным работам, но им предоставлялся выбор рода занятий, разрешенных в месте заключения, в котором они содержались.

Обязанность трудиться в местах заключения не распространялась на: отбывающих арест; подвергаемых личному задержанию несостоятельных или вексельных должников и подвергаемых аресту или заключению в тюрьме, взамен присужденных им денежных взысканий; пересыльных арестантов, не указанных в ст. 2 Закона; находящихся под стражей в период следствия и суда до исполнения приговоров. Однако и эти лица могли заниматься работами, но только по их собственному желанию, причем с разрешения начальства они могли выбирать работы, не предусмотренные тюремным учреждением и не противоречащие внутреннему распорядку.

Заработную плату арестанты получали в размере от 1/10 до 4/10 дохода в зависимости от категории, помимо вычетов стоимости материала. Из оставшейся части дохода одна половина направлялась в доход государственного казначейства, другая оставлялась на нужды тюрьмы. Размер вознаграждения за труд утверждался начальником губернии на основании предложений Строительного комитета, при этом он должен был быть меньше на 30% заработка за обычный рабочий день в данной местности.

Поденный труд арестантов в разные месяцы года оплачивался неодинаково. Так, за труд арестантов Казанского исправительного арестантского отделения такса, утвержденная постановлением губернского правления от 5 марта 1891 г. № 10, составляла в день: в январе, феврале и декабре – 20 коп.; в марте и апреле – 30 коп.; в мае, июне, июле и августе – 40 коп. и в сентябре, октябре и ноябре – 35 коп.¹ В постановлении не указывались причины такого положения дел. По-видимому, это было связано с непостоянной потребностью рабочих рук в разное время года, а также различного характера работ в зависимости от сезона. 2/3 заработанных денег направлялись в «пополнение земского сбора», за счет которого и осуществлялось содержание арестантских рот; 1/3 часть оставалась в роте и использовалась на пособие освобождающимся лицам и улучшение условий содержания арестантов, показывающих достойные результаты в исправлении. К этим доходам прибавлялись и собираемые в кружках подаяния,

¹ НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1414. Л. 21.

выставляющиеся у дверей роты, а также в одной из ближайших церквей. Полученные средства можно было реализовать только на нужды больницы и на пособие освобождающимся осужденным. При этом было строго запрещено выдавать деньги арестантам на руки (ст. 1031-1046 Устава о ссыльных).

Из денег, причитающихся арестантам, с разрешения начальства они могли расходовать часть на свои нужды и пособие семьям, но не более половины, а оставшаяся часть получалась арестантами после освобождения. Наложение гражданских взысканий и судебных издержек на заработок арестантов не допускалось. Однако за плохое поведение и совершение дисциплинарного проступка заключенный мог лишиться заработка, хотя не больше чем за два предшествовавших проступку месяца¹.

Закон о принудительном арестантском труде, помимо нравственно-исправительных задач, имел в виду, с одной стороны, некоторую денежную помощь арестантам во время содержания их в тюрьме и по выходу из нее на первых порах, с другой – возмещение издержек по содержанию арестантов и, наконец, использование отчислений от прибыли на развитие работ и на иные расходы².

Для организации работ в тюрьме, в случае отсутствия специальных мастерских, использовались рабочие камеры, но при этом предпринимались все меры, чтобы используемые инструменты не стали орудием для совершения новых преступлений, в частности, побегов. Поэтому инструменты и необходимые для работы материалы выдавались только на время работы, после они изымались.

Тюремный труд, являясь не только обязательным, но и фактически неизбежным спутником лишения свободы, по мнению Н.Ф. Лучинского, «носил или исправительный характер, или характер вольного нормального труда в зависимости от особенностей заключенных»³. Каждая тюрьма, по свойству производимых в ней работ, должна была иметь, считает ученый, три рабочих отделения: 1) вступительное, где производились бы простейшие, общедоступные работы; 2) основное, где производились бы под постоянным руководством инструкторов ремесла, специально усвоенные данной тюрьмой; и 3) кустарное, где также под руководством инструкторов производились бы другие работы, введенные благодаря имеющимся у заключенных соответствующим профессиональным познаниям.

Только при правильной постановке арестантских работ, считал С.К. Гогель, возможно достижение законной естественной пенитенциарной цели борь-

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 131.

² Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. Казань.: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1902. С. 8.

³ Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. С.-Петербург, 1904. С. 159-160.

бы с распространением преступности в стране. Только при существовании работ тюрьмы потеряли бы репутацию рассадников порока и возможно было бы осуществление целей патронатства – прием обществом обратно в свою среду отбывшего наказание преступника¹.

В основном, арестанты работали на постройке дорог и казенных зданий. Внутренние работы проводились в мастерских пенитенциарных учреждений. Столярная, слесарная и кузнечная мастерские Казанского воспитательно-исправительного ремесленного приюта были организованы уже в первый год его основания (1875 г.). Первоначально в приюте характер работ был случайным: что заказывали, то и делалось. В конце 1870-х гг. в приюте началось производство земледельческих машин и орудий. Веялки, сделанные в приюте, использовались во многих хозяйствах Казанской и некоторых соседних губерний. Годовой оборот достигал 2 000 руб. Материалы покупались в Казани, отливка необходимых частей машин производилась на Казанском «чугунно-литейном» и механическом заводе А.Н. Свешникова.

В целях поощрения местного производства и ознакомления с ним проводились ремесленные и сельскохозяйственные выставки, на которых представлялись изделия сельскохозяйственной и кустарной промышленности. На первой такой выставке, проводившейся в 1879 г. в г. Казани, Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют получил бронзовую медаль от Общества для содействия Русской промышленности и торговле и похвальный отзыв от Императорского Казанского экономического общества, в 1886 г. ему вручен похвальный лист за стремление администрации к развитию ремесленного обучения².

В Казанской губернской тюрьме работали портняжная, сапожная, пакетная и другие мастерские. В Казанском исправительном арестантском отделении к девяностым годам XIX века расширилось производство, профилирующим направлением которого стало ткацкое – осужденные работали на 12 станках, производили рубашечный и подкладочный холсты, ткали коврики, половики, маты. С 1862 г. заключенные портняжной и сапожной мастерских преимущественно занимались изготовлением тюремной формы, которая использовалась исключительно в этом пенитенциарном учреждении³.

Также существовало производство кузнечных, столярных, слесарных, плотничных, малярных, корзиночных, картонажных, коробочных и других работ. Рабочая сила арестантского отделения, в основном, использовалась в инте-

¹ Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1906. С. 604.

² Награды по Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставке 1886 года. Казань: Типография Губернского правления, 1886. С. 30.

³ НА РТ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Там же. Ф.2. Оп. 12. Д. 1528. Л. 263-265.

ресах обустройства города. Арестанты прокладывали в Казани новые конно-железные маршруты, линии водопровода, рыли канавы, чинили старые трубы, разгружали суда на волжских пристанях, в весеннее время расчищали городские площади.

При тюрьмах имелись огороды, кроме этого, местное тюремное отделение арендовало земельный участок, засеваемый рожью и просом. На нижних этажах, как правило, помещались мастерские.

Особым видом хозяйственных работ являлась работа на тюремных мельницах, обеспечивающих их мукой для собственного потребления. В частности, в Казанской губернской тюрьме существовала мельница с особым приводом, как в молотилках, который приводили в действие 24 арестанта. Привод устроен был под навесом на чистом воздухе, так что работа была вполне гигиеничной. Устройство такой мельницы обошлось в 936 руб. 18 коп., из них 249 руб. 10 коп. были пожертвованы¹. Мука размалывалась для губернской и пересыльной тюрем.

В части привлечения арестантов к труду в соответствии с циркуляром от 13 апреля 1882 г.² предписывалось использовать для работ арестантские камеры так, чтобы нары в них на ночь поднимались и прикреплялись к стенам. Специальные мастерские строились только для выпуска продукции, которую было невозможно изготовлять в камерах, поскольку требовались специальные приспособления и оборудование.

Из внешних работ арестантами исполнялись земляные («канализация», уборка мусора с построек, разборка старых строений, переноска мебели, леса, очистка садов, улиц, площадей, постановка столбов для электропроводов). Для обеспечения хозяйственных нужд использовались кашевары, хлебопеки, ламповщики, банщики, прачки и др., работа которых оплачивалась, а на бесплатных работах – столовщики, парашники, дворники, задействованные на пилке и колке дров, уборке тюремных дворов, набивке погребов, уборке тюремного огорода, рубке капусты и работах на мукомольной мельнице³.

В циркуляре ГТУ от 3 марта 1888 г.⁴ отдавалось предпочтение внутренним работам по отношению к внешним арестантским работам. Более того, за пределы места лишения свободы можно было отправлять только благонадежных арестантов и тех, у которых срок наказания не превышал трех лет. Осуж-

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 581.

² Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 11-14.

³ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 25-28.

⁴ См.: Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 277-278.

денные, имеющие большие сроки наказания, могли выводиться на внешние работы только с разрешения губернатора. Кроме того, вывод на внешние работы ограничивался арестантами из исправительных отделений, губернских тюремных замков и крупных уездных тюрем и должен был осуществляться в зависимости от штатной численности надзирателей.

Рассматривая перспективу развития системы мест заключения, ГТУ вынуждено было признать невозможность использования труда всех заключенных. Обязательность работ означала необходимость обеспечения арестантов работой, а обязанность эта в высшей степени была сложной и трудной. Таким образом, для реализации такого воспитательного средства воздействия на осужденных, как труд, необходимо было создание государством условий для его осуществления. Однако для Российской империи создание таких условий было непосильно, и это было связано, в первую очередь, с ее экономическими возможностями. И если в губернских тюрьмах трудоиспользование арестантов обеспечивалось почти в полном объеме, то в уездных тюрьмах недостаток у арестантов работы был самой большой проблемой.

Соответственно, заработанных денежных средств от арестантских работ в уездных тюрьмах было существенно меньше по сравнению с губернскими пенитенциарными учреждениями. Так, за 1893 г. от арестантского труда получено: в Казанском исправительном арестантском отделении – 8 375 руб. (6 715/1 659); в Казанской губернской тюрьме – 3 699 руб. (-/3699); в Казанской пересыльной тюрьме – 60 руб. (-/60); в Цивильской – 517 руб. (310/207); в Чистопольской – 653 руб. (293/360); в Спасской – 593 руб. (447/146); в Чебоксарской – 324 руб. (300/24); в Свияжской – 756 руб. (733/23); в Тетюшской – 409 руб. (331/48); в Лайшевской – 711 руб. (585/126); в Ядринской – 124 руб. (107/17); в Мамадышской – 457 руб. (380/77); в Царевококшайской – 222 руб. (206/16); в Козьмодемьянской – 257 руб. (247/10)¹. Причем основной доход приносили внешние работы, а не внутренние.

Однако именно внешние работы в наибольшей степени были удобны для организации побегов заключенных. Поэтому ГТУ неоднократно принимало меры как по уточнению категорий заключенных, которых можно было использовать на внешних работах, так и самого перечня внешних работ, на которых мог использоваться труд заключенных². Для предотвращения побегов заключенных с внешних работ ГТУ 15 марта 1908 г. издало специальный циркуляр, разре-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 322. Л. 1-115. В скобках указаны суммы в рублях, полученные от внешних/внутренних работ.

² См.: Циркулярное отношение Главного тюремного управления от 15 марта 1908 года за № 22 на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников – о порядке вывода арестантов на внешние работы // Тюремный вестник. 1908. № 4. С. 332–334; НА РТ. 2.Ф. 12. Д. 1797. Л. 1.

шавший использовать на внешних работах лишь тех заключенных, которые содержались в тюрьме не менее месяца, а срок оставшегося наказания не превышал 3 лет. Полностью запрещалось использовать на внешних работах лиц, осужденных за государственные преступления и совершавших побег ранее, а также уличенных в смене фамилии.

В целях получения работы некоторые арестанты уездных тюрем просились перевестись в губернскую тюрьму. Так, арестант В.А. Еристов, содержащийся в Царевококшайской тюрьме и имевший специальность слесаря, мотивировал свое прошение тем, что в тюрьме, где он отбывает наказание, мастерских не имелось, а пилка дров, плетение лаптей и другие подобные работы его не привлекали. Поэтому он просил, чтобы его перевели в Казанскую губернскую тюрьму, где имелись разные мастерские, и там он мог бы работать по своей специальности или приобрести новую¹.

Арестантами Казанского исправительного арестантского отделения за 1900 г. заработано 6 047 руб.², в 1901 г. – 7 243 руб.³, в 1902 г. – 10 560 руб.⁴ За 1901 г. арестантами уездных тюрем Казанской губернии заработано всего 7 075 руб.⁵ Арестантские работы в уездных тюрьмах в 1900 г. выглядели следующим образом.

В Царевококшайской тюрьме работы, в основном, состояли из труда чернорабочих по очистке города, рубке и колке дров, а также лапотные и сапожные работы, за год заработано всего 420 руб.

В Мамадышской тюрьме преобладали земляные и сельскохозяйственные работы, внутренние работы состояли в катании валенок, плетении лаптей и малярных работах, заработано 259 руб.

В Лаишевской тюрьме в большей степени использовался чернорабочий труд, внутренние работы состояли из клеения картонных коробок, чулочных работ и плетения лаптей, заработано 654 руб.

В Козмодемьянской тюрьме внешние работы состояли в погрузке и разгрузке на пристани р. Волги, внутренние – в столярном, лопатном и отчасти переплетном производстве, а также хозяйственных работах, заработано 400 руб.

В Чебоксарской тюрьме внешние работы были сосредоточены, в основном, на земляных работах по постройке зданий винной монополии, использовалось переплетное мастерство, плетение лаптей и хозяйственные работы, заработано 710 руб.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 53. Л. 160.

² Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1900 год. Казань: Типография Губернского правления, 1901. С. 9-11.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 105. Л. 163.

⁴ Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1902 год. Казань: Лито-типография Л.П. Антонова, 1903. С. 6-9.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 105. Л. 159-171.

В Мамадышской тюрьме главный заработок составляли плотничные и земляные работы, внутренние работы состояли в тканье, бондарном производстве и хозяйственных работах, заработано 284 руб.

В Спасской тюрьме внешние черные работы составляли главный труд арестантов, внутри тюрьмы арестанты были заняты щипкою пакли, плетением лаптей и хозяйственными работами, заработано 335 руб.

В Свияжской тюрьме единственными внешними работами были работы по очистке города, внутренние работы состояли в сапожном и башмачном производстве и хозяйственных работах, заработано 370 руб.

В Цивильской тюрьме использовалось производство лаптей, хозяйственные работы и черные работы по очистке города, заработано 327 руб.

В Чистопольской тюрьме работы состояли в портняжном и сапожном производстве, в полевых и земляных работах и разгрузке хлеба, заработано 1 072 руб.¹

Из приведенных сведений о заработанных арестантами денежных средствах усматривается, что арестантский труд в уездных тюрьмах почти не находил себе применения. Малонаселенность уездных городов Казанской губернии, полное отсутствие фабричного и заводского производства, близость городов к Казани, дешевый труд местного населения, состоящего из инородцев – все это не давало возможности развить применение арестантского труда в желаемом размере. Приходилось ограничиваться мелкими, в большинстве случаев ничтожными по заработку внутренними работами. При этом усматривалась инертность местных уездных тюремных отделений в подыскании работ для осужденных.

Например, обследование Мамадышской уездной тюрьмы в октябре 1900 г. показало, что арестантский труд плохо развит, несмотря на наличие в Мамадыше винокуренного завода и пароходной пристани. Недостаток для арестантов работ, как внутренних, так и внешних, давно обращал на себя внимание местного тюремного отделения, но для его устранения не представлялось возможности. Начальник тюрьмы мотивировал отсутствие внутренних работ тем, что в тюрьме не было арестантов, знающих какого-либо ремесла, а если иногда и содержались таковые, то они не приступали к работам из-за невозможности сбыть свои изделия, т.к. в г. Мамадыше была плохо развита торговля и промыслы. Внешние работы трудно было подыскать при наличии безработных в городе. К тому же обыватели, могущие дать какую-либо поденную работу, предпочитали предоставлять ее нуждающемуся в куске хлеба, а не арестанту, имеющему готовое довольствие. Кроме того, частные лица работали с 6 утра до

¹ Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. Казань, 1901. С. 48-51.

6–7 часов вечера, а арестанты могли выходить из тюрьмы не ранее 8 часов и окончить работу должны были не позднее 4 часов вечера, чтобы засветло вернуться в тюрьму. На винокуренном же заводе рабочие работали помесечно, жили на заводе и работали в установленные часы по «свистку», чего не могло быть позволено арестантам¹.

Правильная организация арестантских работ в местах заключения являлась, бесспорно, одним из важнейших, но в то же время одним из труднейших вопросов тюремного дела. Поэтому развитию тюремного труда уделялось большое внимание.

Для руководства этой важной отраслью тюремного дела в конце 1902 г. в составе ГТУ было образовано особое делопроизводство по арестантским работам, в ведение которого были переданы все дела об арестантских работах в местах заключения гражданского ведомства и заведывание денежными средствами, расходуемыми на развитие работ.

Несмотря на то, что занятость арестантов на работах в Казанской губернии год от года повышалась, иногда возникали трудности. Так, в отчете за 1901 г. указывалось, что работы в Казанской губернской тюрьме по сравнению с минувшим годом шли очень плохо: в 1900 г. с начала года по 15 октября арестантами было заработано 5 300 руб., а в 1901 г. за этот период – всего лишь 3 683 руб., а к концу года – 4 766 руб. В связи с этим губернский тюремный инспектор предписал начальнику тюрьмы Куприянову безотлагательно принять меры к расширению арестантского труда: если он не поднимет уровень занятости арестантов на работах, то деятельность его будет признана неудовлетворительной².

В 1908 г. арестантами Казанской губернской тюрьмы было заработано уже 6 712 руб.: из них на наружных работах - 3 058 руб., на внутренних – 3 653 руб. Арестантами Казанского исправительного арестантского отделения было заработано 21 717 руб., что на 5 352 руб. больше по сравнению с 1907 г. Кроме этого, арестанты были заняты на хозяйственных работах, часть из них оплачивалась, а часть велась бесплатно. Арестантами Казанской центральной пересыльной тюрьмы было заработано 3 810 руб.: из них на наружных работах – 3 103 руб., на внутренних – 706 руб.³

Вследствие успешного развития арестантского труда циркуляром ГТУ от 15 декабря 1888 г. № 24 предписывалось, что начальники тюрем могут получать вознаграждения из отчислений в пользу мест заключений⁴. В целях нормирования выдачи вознаграждения, назначаемого в порядке ст. 363 Устава о

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 26.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 105. Л. 89, 158.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 315. Л. 1-3, 13, 15.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 12. Л. 13-14.

содержащихся под стражею, циркуляром ГТУ от 19 марта 1909 г. предписывалось, что вознаграждение инспектора не должно превышать 15%, помощника инспектора – 10%, канцелярии инспекции – 10%, администрации по каждому месту заключения – 45% и надзора – 15%¹.

Из архивных документов усматривается, что по результатам арестантских работ за 1908 г. начальникам Казанского исправительного арестантского отделения, Казанской пересыльной и губернской тюрем, их помощникам и тюремному надзору выдано вознаграждение согласно ст. 363 Устава о содержащихся под стражею, а начальникам Козмодемьямской, Мамадышской и Царевококшайской тюрем предписано представить тюремному инспектору объяснение о причинах уменьшения заработка арестантов, главной причиной которого, как выяснилось, оказался недостаток состава надзирателей².

В Общей тюремной инструкции, утвержденной 28 декабря 1915 г., нормами статей 217–240 регулирован порядок привлечения заключенных к труду и определены цели арестантского труда: 1) отвлечение арестантов от праздности; 2) приучение их к производительному труду; 3) обучение полезным мастерствам и ремеслам и 4) предоставление арестантам заработка, который давал бы им возможность оказывать помощь своим семьям и сделать сбережения для обеспечения своего существования по освобождению из-под стражи³.

Инструкция предписывала на каждого из арестантов заводить рабочую книжку, в которой указывать, за какую работу и откуда поступали деньги, а также на что они расходовались⁴.

Кроме осуществления работ в г. Казани, арестанты направлялись и в другие города. В целях лучшего использования для обороны страны труда заключенных, владеющих обработкой металла, в соответствии с циркуляром от 11 декабря 1915 г. № 54, в ГТУ высылались списки срочных арестантов с указанием специальностей. После чего арестанты направлялись в те учреждения, где они требовались, либо в учреждение направлялись заказы⁵.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что привлечение всех арестантов к обязательному труду в пенитенциарных учреждениях не обеспечивалось практически до конца XIX в. Это обуславливалось как отсутствием соответствующей законодательной базы, регламентирующей применение труда в пенитенциарных учреждениях, так и недостаточностью средств на организацию работ для арестантов.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 315. Л. 96.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 315. Л. 18-77, 85-87.

³ Общая тюремная инструкция 1915 года. М.: Оттиск, 1976. С. 61-62.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 947. Л. 9-12.

⁵ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 941. Л. 50.

В конце XIX – начале XX вв. ГТУ стало уделять большое внимание использованию арестантского труда, о чем свидетельствуют введенные меры поощрения и взыскания, распространявшиеся как на заключенных, так и на персонал пенитенциарных учреждений. Усиление внимания вопросам труда и быта в начале XX в. благоприятно сказалось на состоянии режима и дисциплины в местах заключения, вследствие чего повысилась эффективность процесса воспитательного воздействия на осужденных.

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

§ 1. Место и роль благотворительных тюремных организаций в системе пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии

Недостаточное финансирование тюремных учреждений, крайне неудовлетворительные условия содержания заключенных побуждали граждан облегчать участь заключенных посредством оказания помощи в виде подаяния и пожертвования. Однако частные пожертвования не решали существующих проблем мест заключения. Требовалось объединить усилия граждан, с помощью которых удавалось бы облегчить участь лишенных свободы. Такое положение привело к необходимости создания специальных благотворительных организаций, оказывавших бы помощь в улучшении мест лишения свободы.

В 1819 г. г. Санкт-Петербург посетил член «Лондонского общества» В. Венинг, который предложил Александру I реализовать комплекс мероприятий по улучшению условий отбывания наказаний в местах лишения свободы¹. В результате этого было организовано Общество попечительное о тюрьмах. Деятельность общества регулировалась «Правилами для Общества попечительного о тюрьмах»², согласно которым основная цель общества заключалась в нравственном исправлении и улучшении состояния лиц, содержащихся в местах заключения (ст. I).

Создание Общества попечительного о тюрьмах привлекло внимание общественности к проблемам пенитенциарных учреждений и способствовало созданию таких обществ по всей Российской империи. Первостепенной задачей общества стало создание тюремных комитетов во всех губерниях Российской империи.

Порядок образования тюремных комитетов в разных губерниях был почти идентичен: комитет учреждался представителями общественности, внесшими определенную сумму взносов. Эти взносы впоследствии распределялись на улучшение условий содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях и их нравственное исправление. Члены попечительного о тюрьмах общества, кроме денежных взносов, могли вносить в качестве пожертвования недвижимое имущество, вещи и продукты.

В соответствии с Уставом общества, в губерниях создавались комитеты, а

¹ См.: Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560-1880 г. СПб., 1880. С. 10.

² ПСЗ-2. Т. 36. № 27895.

в уездах – его отделения. Кандидатуры вице-президента и директоров комитета утверждал император по представлению президента общества¹. Уездное отделение возглавлял председательствующий директор, кандидатуру которого на утверждение императору представлял вице-президент губернского комитета.

Постепенно попечительное о тюрьмах общество создает свои комитеты по всей России, а в 1833 г. оно начинает функционировать в Казанской губернии². В г. Казани был учрежден Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет, в уездах – его уездные отделения.

Согласно Правилам, попечение комитета распространялось на все пенитенциарные учреждения губернии. Он и его отделения прежде всего содействовали нравственному исправлению осужденных, препятствуя их деградации (ст. XIII).

Формально губернский тюремный комитет участвовал в управлении пенитенциарными учреждениями, поскольку именно он занимался вопросами религиозно-нравственного воспитания арестантов и оказывал финансовую помощь. В начале организационного периода у комитета не было достаточных средств на оказание помощи тюремным учреждениям, но позднее в нем стали накапливаться денежные средства из различных источников. Для пополнения своего бюджета комитет часто устраивал ярмарки и распродажи, а поступающая от них прибыль аккумулировалась в фонде губернского комитета, куда также поступали и средства из «церковных кружек». Это позволило губернскому тюремному комитету при тюрьмах открывать церкви, библиотеки и школы для осужденных³.

Для привлечения общественности к тюремной благотворительности Попечительные о тюрьмах общества часто использовали средства массовой информации. В частности, с первого года своего существования Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет опубликовывал в газетах ежегодные отчеты, позволявшие гражданам судить о его деятельности. В газетах содержались статистические сведения как о его составе, так и денежных средствах, собранных и израсходованных на улучшение функционирования пенитенциарных учреждений.

Следует отметить, что одной из важнейших задач казанского губернского комитета являлось улучшение условий содержания заключенных и прежде всего для дифференцированного размещения разных категорий арестантов. Поскольку государственного финансирования на данные цели было недостаточно, а комитет и его отделения не выделяли средств на строительство тюремных

¹ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 84. Л. 21, 32

² НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 461. Л. 7.

³ См.: Милюков И.И. Деятельность благотворительных организаций г. Казани (60-е годы XIX в. – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 16.

зданий, эта проблема в некоторых пенитенциарных учреждениях губернии оставалась не до конца решенной.

Основную задачу комитет усматривал в постановке религиозно-нравственного воспитания осужденных. Поэтому комитет требовал от администрации пенитенциарных учреждений, чтобы осужденные посещали богослужения по воскресным и праздничным дням, а также регулярно исповедовались и причащались и соблюдали посты в установленное время. Кроме того, православные арестанты должны были каждый день молиться и читать книги духовного и нравственного содержания и прежде всего Священное Писание. При этом, несмотря на активное религиозно-нравственное воздействие на заключенных со стороны попечительного комитета, арестанты содержались в условиях, совершенно не отвечающих христианскому милосердию и человеколюбию. М.Н. Гернет справедливо отмечал, что «нравственное воздействие оказывалось на людей, находящихся в заключении, полуголодных, в рваной одежде, да еще и в кандалах, колодках и рогатках», а потому оно практически не достигало цели¹.

Однако только религиозно-нравственной работой деятельность комитетов попечительного о тюрьмах общества не могла ограничиваться. Правительство старалось направить усилия комитетов на обеспечение продовольствием заключенных².

Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет имел попечение над всеми местами заключения Казанской губернии³. Комитет и отделения в уездах заседали не менее двух раз в месяц, вице-президент и председательствующий директор устанавливали определенные дни и время заседаний. Каждое пенитенциарное учреждение было поднадзорно одному из директоров комитета. На заседаниях рассматривались различные вопросы, связанные с деятельностью комитета и его отделений⁴. Так, на заседании казанского губернского комитета 16 марта 1849 г. была рассмотрена и утверждена смета расходов в Казанском гражданском тюремном замке: на обеспечение питания арестантов, на лечение больных и погребение умерших арестантов, на содержание пересыльного этапа, на содержание Казанского гражданского тюремного замка⁵.

Собственный капитал комитета и отделений складывался из частных средств, поступавших, прежде всего, от благотворителей в качестве пожертвований. Еще одним из видов поступлений пожертвований были деньги кружек.

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1960. Т. 1. С. 141.

² См.: Кони А.Ф. Врата милосердия (книга о докторе Газе). М.: Древо добра, 2002. С. 33.

³ НА РГ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 1528. Л. 258.

⁴ НА РГ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 44. Л. 127.

⁵ НА РГ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-14.

Преимущественно деньги жертвовали рядовые, небогатые обыватели. Размеры частных пожертвований были различными. В отчетах попечительного о тюрьмах общества упоминаются и довольно значительные разовые пожертвования на сумму до 2 500 руб.¹ В Казанской губернии на улучшение состояния мест заключения и положения арестантов в 1861 г. поступило благотворительных пожертвований на 1 667 руб.²

Помимо денег и вещей, казанскому тюремному комитету жертвовались и медицинские препараты. Так, купеческий сын Степан Никитин Понизовкин обратился в комитет с таким письмом: «По требованиям врача Тюремной больницы были отпускаемы из нашей лавки с 31 июля 1866 г. по 31 октября 1867 г. разные медикаменты на сумму 1 180 р. 65 к. серебром, каковую сумму я жертвую для поддержания нужных средств Тюремного комитета...»³.

Доходы Казанского губернского попечительного о тюрьмах комитета и его уездных отделений состояли: из денежных средств, поступающих из казны на продовольствие арестантов, лечение их в тюремных больницах и пошив для них одежды, белья и обуви; денежных средств, получаемых из Городской думы на содержание пенитенциарного учреждения (отопление, освещение); пожертвований; денежных средств, поступающих за арестантов, содержащихся за долги; денежных средств, поступающих за работу арестантов⁴.

Стремление к экономии средств в связи с недостатком как бюджетных ассигнований, так и собранных тюремными отделениями пожертвований обусловило широкое распространение ношения не только заключенными, но и надзирателями не новых, а подержанных вещей⁵.

Заботясь о здоровье заключенных, тюремный комитет проводил санитарно-профилактические мероприятия, в т.ч. обучение заключенных использованию гигиенических средств. С этой целью для заключенных в надлежащем количестве закупалось постельное белье, постельные войлоки, личные полотенца; силами арестантов производилась регулярная стирка использованного белья и одежды⁶.

Пользуясь покровительством императора, влияние попечительного о тюрьмах общества быстро расширялось, выходя за рамки своих первоначальных задач. Губернские тюремные комитеты снабжали заключенных бельем, обувью, пищей, одеждой, книгами, устраивали при тюрьмах больницы, церкви, организовывали обучение малолетних, создавали мастерские. Из кассы комитета оплачивалась служба тюремных священников. Благотворителям удалось до-

¹ См.: Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1861 год. СПб., 1862. С. 7.

² НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

³ НА РГ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 59. Л. 23.

⁴ НА РГ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-23.

⁵ НА РГ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 31.

⁶ НА РГ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

биться выделения кормовых денег не только на самих заключенных, но и на их детей, в случае, если последние содержались совместно с родителями. Благодаря усилиям губернских тюремных комитетов заключенных регулярно водили в баню, при тюрьмах были организованы огороды, овощи с которых предназначались исключительно для питания арестантов.

Таким образом, несмотря на то, что с момента создания попечительного о тюрьмах общества его цели были направлены только на благотворительность и филантропию, постепенно стала проявляться тенденция вмешательства в полномочия и деятельность тюремной администрации. Стремление к лидерству в пенитенциарной сфере привело к столкновению и противоборству общества с Министерством внутренних дел, а это равным образом отразилось на направлениях деятельности первого. В определенной степени эта конфронтация стала причиной принятия «Устава Общества попечительного о тюрьмах» 7 ноября 1851 г.¹ В 1855 г. общество вошло в подчинение МВД и, соответственно, его президентом стал министр внутренних дел².

На наш взгляд, с изданием Устава благотворительное общество превратилось в официозное с бюрократическими чертами учреждение, что, естественно, плохо способствовало развитию некоторых благих начал. По меткому наблюдению В.О. Лачиной, «с передачей общества в подчинение МВД прилив частной благотворительности стал быстро сокращаться»³.

В Уставе указывалось, что попечение общества также распространялось на все пенитенциарные учреждения и полицейские места заключения. В нем были определены направления деятельности, достаточно расширенные по сравнению с прежними. Попечительные о тюрьмах общества теперь в полной мере должны были заниматься внутренним устройством мест лишения свободы, создавать условия для отдельного содержания заключенных, обеспечивать удобства, необходимые для арестантов, наблюдать за содержанием мест заключения в исправном состоянии, а также смотреть за обеспечением арестантов продовольствием, вещами и обувью. Под особый контроль бралась деятельность медицинского персонала пенитенциарных учреждений и тюремные больницы. По-прежнему важным направлением для членов попечительного о тюрьмах общества оставалось религиозно-нравственное воспитание осужденных и контроль за их духовным состоянием⁴.

К числу многочисленных задач по улучшению функционирования пени-

¹ ПСЗ-2. Т. 26. отд. 2. № 25725.

² ПСЗ-2. Т. 30. отд. 1. № 29614.

³ Лачина В.О. Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. // История государства и права. 2009. № 5. С. 14.

⁴ СЗ РИ. 1890. Т. 14. Раздел I. Ст. 67.

тенициарных учреждений попечительного о тюрьмах общества относилась и организация арестантских работ, в том числе и обучение заключенных ремеслу.

При сравнении Правил 1819 г. и Устава 1851 г. можно обнаружить следующее противоречие: Общество попечительное о тюрьмах, по существу, благотворительная организация, в лице губернских тюремных комитетов и уездных отделений получило законную возможность руководить и распоряжаться хозяйственным обеспечением тюрем, причем за счет бюджетных ассигнований.

Типичным для деятельности общества было преобладание казенных средств над частными благотворительными суммами. С 1849 по 1861 г., по имеющимся данным, процент не казенных сумм, находившихся в обращении попечительного общества, был от 8,3% (1849 г.) до 35,8% (1861 г.). К 1860-м гг. наблюдается тенденция роста процента частных пожертвований. В 1862 г. на счете общества находилось государственных денег 1 798 565 руб., частных пожертвований в сумме 839 539 руб.¹, таким образом, денежные средства поступали в соотношении примерно 2:1.

В комитете и отделениях были четко определены статьи расходов: жалование и пособие тюремным служащим, расходы на канцелярию, устройство и содержание тюремных церквей, больниц и аптек, одежду и обувь арестантов, стирку и ремонт белья, баню, улучшение продовольствия арестантов, поддержание тюремных зданий и помещений в надлежащем состоянии, покупку земли для огородов, посевных семян, книг (в основном, религиозно-нравственного содержания), пособия на погребение умерших арестантов, пересыльных, выкуп должников.

В 1862 г. в состав Общества попечительного о тюрьмах входили 64 мужских и 2 женских комитета, а также 431 мужское и 25 женских отделения. Как видим, благотворительные организации достаточно широко распространились на территории Российской империи. В 1862 г. в пенитенциарных учреждениях, находившихся под попечением губернских тюремных комитетов, находились 140 201 заключенный².

В состав Казанского губернского попечительного о тюрьмах комитета в 1861 г. входили вице-президент, директора и 2 члена. Комитет имел одно женское отделение в г. Казани, состоящее из 1 представительницы, 7 директрис и 4 членов, и одиннадцать уездных отделений, состоявших из 90 директоров³.

Вице-президент и директор губернского тюремного комитета и уездных отделений снабжались особыми печатными билетами, подписанными в губернском

¹ Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1849 год. СПб. 1850. С. 5; Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1862 год. СПб., 1863. С. 4, 6.

² Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1862 год. СПб.: Тип. МВД, 1864. С. 4-5.

³ НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-14.

городе губернатором, а в уездных – городничим или полицмейстером. Билеты являлись пропуском на вход в пенитенциарные учреждения, где указанные лица осуществляли контроль за действиями тюремной администрации и арестантами.

Количественный состав комитета и его отделений менялся: к 1872 г. в Казанском губернском попечительном о тюрьмах комитете состояли 3 вице-президента и 15 директоров, в уездных отделениях – по 1 председательствующему и следующему количеству директоров: в Чистопольском – 8, Козмодемьянском – 7, Тетюшском, Цивильском, Чебоксарском, Ядринском – по 6, Лаишевском, Спасском – по 4, Мамадышском, Свияжском, Царевококшайском – по 3¹. Всего 85 единиц по Казанской губернии.

В состав комитетов и отделений попечительного о тюрьмах общества входили лица благородных дворянских, духовных и купеческих сословий. К примеру, в состав директоров Свияжского уездного тюремного отделения в 1872 г. входили:

- председательствующий – свияжский уездный предводитель дворянства, коллежский секретарь Александр Васильевич Казаков;
- старший уездный врач, коллежский советник Петр Васильевич Никольский;
- благочинный Свияжских градских приходских церквей, протоиерей Петр Иванович Фальков;
- городской голова, купец 2 гильдии Федор Тихонович Каменев².

В состав руководства губернских тюремных комитетов и уездных отделений, как правило, входили представители духовенства. Православные священники, муллы, служители других религий стремились учитывать конфессиональный состав заключенных, чтобы оказывать им помощь в религиозно-нравственном исправлении³. Например, благодаря усилиям мусульманского духовенства в местах заключения Казанской губернии для религиозных омовений имелись особые тазы и кумганы, которые жертвовались состоятельными мусульманами. Они были необходимы верующим магометанам для омывания в камерах перед ежедневной молитвой, поскольку посещение бани предполагалось только один раз в неделю (в пятницу), где они мылись перед полуденной молитвой, проходящей после в специально приспособленной для этих целей камере⁴.

¹ НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 251.

² НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 90.

³ См.: Сенюткина О.Н., Мельникова О.С. Вовлечение мусульманских священнослужителей в общественно-политическую жизнь России через участие в деятельности попечительских комитетов // Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Нижегородской соборной мечети и 10-летию ДУМНО. Н. Новгород: Медина, 2004. С. 141-147.

⁴ См.: Практические разъяснения // Тюремный вестник. 1895. № 11. С. 591.

Членами губернского тюремного комитета становились только люди, регулярно платившие взносы, из которых и формировался капитал комитета. Однако в целом размер взносов каждый член комитета определял самостоятельно, но его сумма должна была быть не менее 10 рублей в губернских комитетах, в уездных отделениях – 5 рублей серебром. Взносы вносились ежегодно в течение декабря на год вперед. Кроме того, существовал особый статус пожизненного почетного члена, который даровался человеку, внесшему не менее 1000 рублей. Почетным членом могло стать лицо, пожертвовавшее 500 рублей, а обыкновенным членом – 10 рублей, при этом, чтобы членство не прекращалось, ему было необходимо через три года снова внести не менее 10 рублей.

Директорами комитета не могли быть смотрители тюрем, священники тюремных церквей и иные лица, получающие жалование из средств общества, а также лица, имеющие судимость.

На заседаниях комитета и его уездных отделениях рассматривались различные вопросы жизнедеятельности тюрем. Так, на заседании Чистопольского уездного отделения попечительного о тюрьмах общества в 1887 г. говорилось о запрещении выдачи новых вещей арестантам без разрешения смотрителя тюремного замка. Рассматривались вопросы, направленные на совершенствование нравственного и физического состояния заключенных, таких, как: увеличение библиотечного фонда за счет книг нравственного и религиозного содержания, улучшение качества пищи для заключенных и по мере возможности пищи для беременных и кормящих грудных младенцев женщин, обеспечение заключенных постельным бельем, постельным войлоком, личными полотенцами и всем тем, что способствовало бы поддержанию их здоровья, а также обеспечение работой арестантов и увеличение оплаты их труда¹.

Кроме того, обсуждались и хозяйственные вопросы, например, о необходимости починки треснутого чугунного котла для нагревания воды для чая, об устройстве русской печи, нар в комнатах, столовой для арестантов в одном из помещений нижнего этажа тюремного здания, о выделении камер для помещения больницы и др. Рассматривались также проблемы арестантов. Так, на заседании отделения было принято решение выдать пособие ссыльному Гавриле Поликарпову для прокормления семьи (жены и 8 детей от 1,5 до 17 лет, находящихся в самом печальном положении)².

Нравственное исправление заключенных осуществлялось не только путем приобщения их к религии, но и за счет их использования на различных работах. Благодаря заботам комитета в некоторых тюремных учреждениях для специальных арестантских работ были устроены мастерские. Там, где их оборудова-

¹ НА РТ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 26, 31.

² НА РТ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, 38, 39, 52, 80.

ние из-за недостатка помещений было невозможным, заключенные работали непосредственно в своих камерах или использовались на хозяйственных работах как на территории учреждения, так и на улицах города. Привлекались осужденные для работы на огородах, имеющихся при тюрьмах. В 1861 г. собранный со всех огородов урожай овощей оценивался на сумму 147 руб. серебром¹.

Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет ежемесячно запрашивал в Казанской городской управе справочные цены, существовавшие в г. Казани на продукты, фураж и другие материалы в прилагаемых ведомостях, и руководствовался ими².

По инициативе губернского тюремного комитета создавались новые промышленные предприятия, продукция которых шла на содержание пенитенциарных учреждений губернии. Так, в 1892 г. в Казани была открыта мукомольная фабрика, на которой могли работать арестанты Казанской губернской тюрьмы³.

Забота о нравственном состоянии заключенных обуславливала вмешательство тюремных комитетов и отделений в вопросы организации церковной деятельности на территории пенитенциарных учреждений. Хотя жалование священникам платилось за счет бюджета, содержание существующих церквей и строительство новых шло на средства тюремного комитета. Кроме того, формирование тюремных библиотек книгами религиозно-нравственного содержания в значительной степени осуществлялось за счет пожертвований членов тюремного комитета или закупок на собранные им средства. По инициативе Казанского губернского тюремного попечительного о тюрьмах комитета в воскресные и праздничные дни священники в присутствии начальника тюрьмы проводили публичные чтения и толкование Священного Писания⁴.

Губернский комитет и его уездные отделения постоянно заботились об устранении недостатков в тюрьмах и по мере поступления в их распоряжение средств отчасти решали эту проблему. Они следили за поддержанием введенных в некоторых тюрьмах занятий ремеслом и распространением среди арестантов грамотности с целью отвлечь их от безделья и развить в них благочестие и нравственность. Принимаемые меры приносили положительный результат и способствовали укреплению правопорядка в местах лишения свободы⁵.

Поскольку одной из главных задач попечительного о тюрьмах общества и его губернских комитетов была забота о пенитенциарных учреждениях, средств-

¹ НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

² НА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 501. Л. 7.

³ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1528. Л. 286–288.

⁴ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1528. Л. 279–284.

⁵ См.: Казаченок В.В. Деятельность Казанского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3(20). С. 178.

ва из бюджета комитетов активно шли на содержание тюрем, в частности, на отопление и освещение.

Отрицательным фактором в деятельности комитета являлось обременение его состава различными полномочиями в иных сферах деятельности. Директора комитета и отделений, не имевшие необходимого времени для осуществления своих попечительских обязанностей, зачастую не проявляли большого интереса к тюремным вопросам.

С образованием ГТУ¹ учреждение и ликвидация губернских тюремных комитетов и уездных отделений попечительного о тюрьмах общества стали его прерогативой. ГТУ утверждало вице-президентов и директоров комитетов и отделений, а также представляло их и частных лиц, оказывавших благотворительную помощь пенитенциарным учреждениям, к почетным наградам. Помимо этого, к полномочиям ГТУ относилось утверждение уставов попечительных о тюрьмах обществ и наблюдение за их деятельностью².

В процессе реформирования тюремной системы учрежденные в 1890 г. губернские тюремные инспекции существенно ограничили участие губернских тюремных комитетов и уездных отделений в управлении местами заключения, оставив за ними лишь благотворительность. Иными словами, последовал возврат к Правилам 1819 г., повлекший за собой изменения и в правовых актах. Так, 12 мая 1893 г. утверждается «Устав состоящих под Высочайшем покровительством С.-Петербургских и Московских мужских и дамских благотворительно-тюремных Комитетов»³, в соответствии с которым в 1893 г. в С.-Петербурге и в 1895 г. в Москве учреждаются благотворительно-тюремные комитеты. Деятельность этих комитетов была направлена на осуществление следующих задач:

1) оказывать помощь осужденным, освобождающимся из мест лишения свободы, посредством принятия их под свое поручительство, определения им места жительства, а для тех, у кого его не было, помещения за счет комитета в ночлежный дом, определения в дома трудолюбия, а также попечения освобождающихся из мест заключения несовершеннолетних осужденных, помещая их к родным или в иные благотворительные заведения;

2) пристраивать детей лиц, заключенных в пенитенциарные учреждения, до их освобождения;

3) оказывать по мере возможности помощь семьям осужденных к наказаниям в виде лишения свободы и ссылке;

¹ ПСЗ-2. Т. 14. № 59360.

² См.: Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902: По изданию 1902 г. / Вступ. ст. П.В. Крашенинникова. М., 2001. С. 327.

³ СЗ РИ. 1890. Т. 14. Приложение к Ст. 66.

4) заботиться о выкупе заключенных за долги лиц и помогать их семьям¹.

Таким образом, появляются благотворительные организации, оказывающие осужденным постепенитенциарную помощь. В других регионах России продолжали функционировать губернские тюремные комитеты и уездные отделения попечительного о тюрьмах общества.

Завершающей стадией тюремного реформирования стала передача тюремной системы Российской империи 13 декабря 1895 г. из МВД в ведение Министерства юстиции². Соответственно, президентом попечительного о тюрьмах общества теперь становится министр юстиции. Других существенных изменений в деятельности благотворительно-тюремных организаций не последовало.

В конце XIX в. в связи с сокращением финансирования уголовно-исполнительной системы значительная часть тюремных учреждений государства находилось в аварийном состоянии. Недофинансирование отрицательно отражалось на организации работ арестантов, материальном обеспечении, медицинском обслуживании и питании. Отстранение попечительных комитетов от участия в деятельности тюремной системы положительно сказалось на укреплении единоначалия в этой сфере, а созданные благотворительные тюремные организации, заменившие попечительные комитеты, впоследствии сыграли важную роль в улучшении работы мест лишения свободы.

В начале XX в. общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, игравшие важную роль для осужденных в постепенитенциарный период, образуются и в регионах. Для осуществления их деятельности по всем губерниям и областям циркуляром от 11 сентября 1908 г. № 68 был разослан «Нормальный устав Обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната)». В Казанской губернии функционировали 4 общества: Казанский губернский тюремный патронат (110 членов) и три его отделения: Козмодемьянское (34), Чистопольское (30), Царевококшайское (5), открывшееся позже, в 1915 г. Постепенно количество Обществ патроната по России увеличилось, и по состоянию на 12 февраля 1916 г. их насчитывалось свыше 150³.

29 июля 1913 г. Казанским губернским по делам об обществах присутствием были утверждены Устав губернского патроната, а также инструкция, определяющая организацию и условия деятельности отделений⁴. Казанский губернский тюремный патронат и его уездные отделения осуществляли помощь освобожденным из мест лишения свободы путем принятия их на поруки, при необходимости – помещения в ночлежный дом или дом трудолюбия. Особенно

¹ СЗ РИ. 1890. Т. 14. Приложение к Ст. 66.

² ПСЗ-3. Т. 15. № 12272.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1856. Л. 8.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1856. Л. 1, 24.

важной была помощь, оказываемая несовершеннолетним.

Знакомство членов общества патроната с осужденными начиналось задолго до их освобождения. Для посещения тюрем членам выдавались билеты на право посещения для ознакомления с личностью и нуждами освобождаемых из числа заключенных тюрьмы. По выбытии из состава членов билет возвращался. Их деятельность была направлена на социальную реабилитацию освобождающихся осужденных, однако существовала проблема в нахождении средств (особенно в уездных отделениях) для реализации их функций. Однако рассчитывать на пожертвования в военное время было достаточно проблематично¹.

Как видим, у благотворительных обществ было немало трудностей в осуществлении своей деятельности, но необходимо отметить, что их работа приносила положительные плоды в столь сложном тюремном деле.

В целом необходимо отметить, что Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет сыграл важную роль в деятельности пенитенциарной системы Казанской губернии. Основными направлениями его деятельности, как и Общества попечительного о тюрьмах в целом, являлись: 1) оказание содействия тюремной администрации в исправлении заключенных; 2) руководство хозяйственной деятельностью в местах лишения свободы.

В результате усилий членов губернского комитета и его уездных отделений значительное число арестантов были обеспечены рабочими местами. Для этих же целей во многих пенитенциарных учреждениях Казанской губернии были созданы производственные мастерские, разбиты огороды. С помощью комитета арестанты получили возможность пользоваться тюремной библиотекой, обучаться грамоте. С ними проводилась воспитательная работа и религиозно-нравственное просвещение. Благотворительные организации помогали обустроить места заключения за счет строительства и ремонта тюремных зданий, больниц, велось обустройство культовых сооружений. Необходимо отметить, что комитету удалось привлечь к благотворительности общественность, а с ее помощью оказывать содействие администрации тюрем как в исправлении заключенных, так и в улучшении хозяйственной деятельности пенитенциарных учреждений.

§ 2. Меры по совершенствованию современной уголовно-исполнительной системы

Обобщая результаты исследования пенитенциарной системы Казанской губернии, необходимо отметить, что в Российской империи достаточно был развит институт попечительства над лицами, содержащимися в местах лишения

¹ НА РГ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1906. Л. 5.

свободы, а также оказание им помощи в постпенитенциарный период. В государстве создавались общероссийские благотворительные тюремные организации с учреждением подобных организаций в губерниях, а также их отделения в уездах. Благотворительность, таким образом, осуществлялась на основе единых Уставов обществ с установленными целями и задачами, а их деятельность была упорядоченной.

Общественная благотворительность была так широко развита, что исправительные приюты для несовершеннолетних осужденных в первые 20 лет с момента их создания по всей России учреждались исключительно на средства частных лиц или общественных организаций, тогда как, согласно законодательству, организацией исправительных приютов могло заниматься как само государство, так и местное самоуправление, духовные установления, общественные учреждения, частные лица.

Опыт пенитенциарных учреждений Казанской губернии показателен в отношении религиозно-нравственного воздействия на осужденных в целях их исправления; в частности, в создании условий для отправления религиозных обрядов лиц различных конфессий. Кроме того, по религиозным праздникам приготовление пищи для мусульман производилось из продуктов, жертвуемых для этого их единоверцами.

Совершение массовых обрядов с участием религиозных представителей проводилось в присутствии стражи и начальника тюрьмы. Данная мера предпринималась для предотвращения зарождения религиозного экстремизма в местах лишения свободы. Кроме того, в связи с имеющимися случаями продажи книг Священного Писания разносчиками, оказывающимися последователями баптизма и других рационалистических сект, пропаганда которых была запрещена законом, ГТУ запрещало им посещать места заключения без предварительного его разрешения.

Положительным аспектом в деятельности пенитенциарных учреждений можно назвать и эффективность использования арестантского труда в Казани. Широко было развито мукомольное, ткацкое и другие виды производств, а также сельскохозяйственное производство, продукция которого использовалась для приготовления еды арестантам.

На основе обобщения позитивных моментов развития пенитенциарной системы Российской империи автором сформулированы предложения по совершенствованию современного функционирования уголовно-исполнительной системы:

1. Одним из средств воздействия на осужденных является возможность их условно-досрочного освобождения, предоставляющегося при выполнении определенных условий, включающих отбытие определенного срока наказания в

зависимости от совершенного преступления, возмещение (полностью или частично) вреда, причиненного преступлением, и решение суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. При этом условно-досрочное освобождение может применяться ко всем без исключения осужденным, лишенным свободы, тогда как в российской империи условно-досрочному освобождению подлежали не все категории осужденных, и в этом ограничении, на наш взгляд, есть целесообразность. Мы считаем, что осужденные, являющиеся злостными нарушителями, не вставшие на путь исправления, не должны представляться к условно-досрочному освобождению. Поэтому предлагается статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнить частью 1.1. следующего содержания: «1.1. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях, воспитательных колониях или на строгом режиме в тюрьмах, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, не подлежат условно-досрочному освобождению».

2. Позитивное воздействие на поведение заключенных оказывает религия. Учитывая многоконфессиональный состав осужденных исправительных учреждений Республики Татарстан, создание равных условий для совершения религиозных обрядов позволяет эффективно использовать религиозно-нравственное воздействие на осужденных в целях их исправления. При этом необходимо предпринимать меры по избеганию зарождения в местах лишения свободы религиозного экстремизма. Для этого целесообразно массовое посещение осужденными молельных комнат (церквей, мечетей) осуществлять с представителями религиозных организаций и под надзором персонала учреждения; в расписании дня исправительного учреждения, учитывая его специфику, предусматривать определенные часы для пребывания осужденных в молельных комнатах.

Постоянный контроль в исправительных учреждениях за поступающей религиозной литературой, предоставляемой бесплатно различными религиозными организациями, позволит избежать формирования экстремистской идеологии у осужденных. При выявлении религиозной литературы сомнительного содержания следует исключать ее поступление в библиотеки учреждений.

3. Одним из существенных факторов в формировании законопослушного поведения в местах лишения свободы является труд осужденных. Развитие труда благоприятно сказывается на состоянии правопорядка в исправительных учреждениях, при этом в целях увеличения объемов производства и дополнительной трудовой занятости осужденных необходимо внедрение и развитие выпуска таких видов продукции, которые бы пользовались спросом. Для этого исправительным учреждениям следует быстро реагировать на изменения и потребности рынка и, соответственно, развивать производственный сектор, приобретая

новое оборудование. При этом целесообразным видится получение одним осужденным нескольких специальностей, которыегодились бы после окончания срока наказания.

Немаловажное значение в исправительных учреждениях имеет сельскохозяйственная деятельность. В целях оказания помощи в осуществлении сельскохозяйственных работ необходимо внести изменения в статью 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части возможности предоставления субсидий и дотаций на производство сельскохозяйственной продукции из федерального бюджета и бюджета субъекта Российской Федерации учреждениям уголовно-исполнительной системы, для которых данный вид деятельности не является профильным.

В целях стимулирования труда осужденных, работающих во вредных и тяжелых условиях труда, предлагается часть 2 статьи 98 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации дополнить предложением следующего содержания: «Осужденные, занятые на работах с вредными и тяжелыми условиями труда, имеют право на льготное пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации».

4. В настоящее время за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания осуществляется общественный контроль. Однако лица, освобождающиеся из мест лишения свободы, которым и так сложно адаптироваться к условиям жизни в обществе, общественной поддержки не получают. Учитывая исторический опыт деятельности общественных организаций в Российской империи, для успешной ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, и предупреждения рецидивной преступности целесообразно создать Российскую общественную благотворительную организацию (так называемое Общество патроната) с ее отделениями в регионах, основной целью деятельности которой являлось бы оказание помощи освобожденным из мест заключения. При этом важно взаимодействие государства и общественных организаций с предоставлением последним налоговых льгот, земли, помещений и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение результатов анализа российского законодательства дореволюционного периода позволяет сделать вывод, что регламентация деятельности пенитенциарной системы Казанской губернии осуществлялась на двух уровнях – централизованном общегосударственном и региональном (местном). Основными формами регламентации деятельности пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии являлись ведомственные акты центральных министерств и местные акты казанского губернатора, Тюремного отделения Казанского губернского правления и других органов, содержащих предписания по исполнению наказаний в местах лишения свободы, большая часть которых издавалась в форме циркуляров. Акты центральных ведомств определяли общую политику организации и функционирования учреждений. Местные акты учитывали региональные и местные условия развития учреждений.

Формирование и развитие пенитенциарных органов и учреждений Казанской губернии шли в соответствии с общими тенденциями развития пенитенциарной системы России, но имели и определенные особенности, связанные с уровнем ее социально-экономического и административного развития. Казанская губерния являлась одной из первых в числе регионов Российской империи, перенимавших у столицы России положительный опыт по совершенствованию уголовно-исполнительной системы и быстро внедрявших реформы, проводимые в пенитенциарной системе, на местном уровне. Это выражалось в учреждении в короткие сроки новых мест заключения, включая и воспитательное учреждение для несовершеннолетних, быстром внедрении системы дактилоскопии и других мер по улучшению системы исполнения наказаний в виде лишения свободы.

В конце XIX – начале XX вв. система пенитенциарных учреждений Казанской губернии, находящаяся в ведении Казанского губернского тюремного комитета состояла, из губернской тюрьмы, центральной пересыльной тюрьмы, исправительного арестантского отделения, земского арестного дома, воспитательно-исправительного ремесленного приюта и одиннадцати уездных тюрем. Появившаяся в конце XIX в. Казанская губернская тюремная инспекция контролировала деятельность всех мест заключения в губернии и являлась местным органом ГТУ.

Порядок и условия отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях получили правовое регулирование только в XIX в., поэтому на местном уровне порядок отбывания наказания устанавливался самостоятельно администрацией тюремных учреждений. Пенитенциарные учреждения Казанской губернии, как и в целом по Российской империи, характеризовались плохими условиями содержания заключенных, в отличие от менее развитых губерний, где рост населения

и преступности были сравнительно ниже. В местах заключения отмечались низкое качество питания, медицинского обслуживания, теснота тюремных помещений, а иногда и нарушения в размещении арестантов по роду преступлений.

Региональная специфика пенитенциарных учреждений Казанской губернии заключалась в полиэтническом составе осужденных лиц различного вероисповедания. С учетом указанной специфики в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии с целью духовно-нравственного исправления арестантов были созданы условия для отправления религиозных обрядов лиц различных конфессий. При этом конфликтов религиозного содержания в местах заключения Казанской губернии историографическими данными не отмечается, что позволяет констатировать факт относительной религиозной толерантности среди заключенных.

В XVIII в. участие государства в кадровом, материально-техническом и финансовом обеспечении деятельности пенитенциарных учреждений было минимальным, что отражалось как на кадровом составе учреждений, так и на положении осужденных, которым приходилось самостоятельно обеспечивать свое содержание путем прошения милостыни либо за счет родственников. В XIX в. прослеживается увеличение государственного финансирования, повышенное внимание к благоустройству помещений пенитенциарных учреждений Казанской губернии, улучшение питания и лечения заключенных. В последней четверти XIX – начале XX вв. отмечается увеличение кадрового состава пенитенциарных учреждений губернии и повышение требований к их профессиональным качествам и правосознанию.

С принятием в 1886 г. закона «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов» и введением новых правил об обязательном арестантском труде администрация мест заключения Казанской губернии прилагала все силы для эффективности и результативности его использования, применяя меры поощрения и взыскания как к заключенным, так и к персоналу пенитенциарных учреждений. Заключенные при этом использовались не только на внутренних, но и на внешних работах, получая за это установленное денежное вознаграждение. Усиление внимания вопросам труда благоприятно сказалось на состоянии режима и дисциплины в местах заключения, вследствие чего повысилась эффективность процесса воспитательного воздействия на осужденных. При этом арестантский труд в уездных тюрьмах по сравнению с тюремными учреждениями г. Казани был развит слабее из-за малонаселенности уездных городов, отсутствия фабричного и заводского производства, имеющегося дешевого труда местного населения, а также инертности руководителей местных уездных тюремных отделений.

В функционировании пенитенциарных учреждений значительную роль

играл Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет. Комитет и его уездные отделения оказывали содействие тюремной администрации в исправлении заключенных и руководили хозяйственной частью мест заключений. Их деятельность позволила улучшить условия содержания заключенных, расширить привлечение арестантов к общественно полезному труду, а также создать условия для их нравственного исправления. Немаловажную роль сыграл и Казанский губернский тюремный патронаж, помогающий осужденным в постпенитенциарный период.

Благотворительные тюремные организации Казанской губернии предпринимали меры по созданию библиотек, церквей и молельных комнат, привлекая духовных лиц к совершению религиозных обрядов, распределяли финансовые доходы и расходы учреждений с привлечением благотворительности, а также оказывали помощь лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (НА РТ)

1. Фонд 2. Тюремное отделение.

Опись 1, дела 287, 325, 402, 880.

Опись 12, дела 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 24, 25, 26, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 46, 47, 48, 50, 51, 53, 56, 59, 60, 79, 81, 82, 83, 88, 89, 90, 91, 104, 105, 107, 111, 123, 124, 125, 131, 132, 146, 147, 148, 149, 159, 161, 199, 315, 317, 322, 323, 324, 330, 421, 427, 479, 480, 490, 491, 492, 495, 514, 518, 519, 520, 754, 755, 760, 880, 899, 929, 930, 931, 932, 933, 939, 940, 941, 943, 947, 1403, 1404, 1405, 1430, 1413, 1414, 1415, 1419, 1421, 1427, 1430, 1433, 1434, 1438, 1441, 1447, 1516, 1528, 1619, 1796, 1856, 1903, 1904, 1906.

2. Фонд 381. Тетюшская дворянская опека Казанской губернии, г. Тетюши, 1803–1865 гг.

Опись 1, дело 58.

3. Фонд 386. Казанский губернский попечительный о тюрьмах комитет.

Опись 1, дела 1, 4, 5, 31, 37, 44, 51, 55, 58, 59, 60, 72, 73, 74, 84, 126.

4. Фонд 387. Казанская экспедиция о ссыльных.

Опись 1, дело 1;

Опись 13, дело 4;

Опись 14, дело 1;

Опись 19, дело 1;

Опись 21, дело 7;

Опись 25, дело 7;

Опись 27, дело 10;

Опись 33, дела 1, 6;

Опись 54, дело 1;

Опись 55, дело 1;

Опись 60, дело 2.

5. Фонд 388. Казанская арестантская рота.

Опись 1, дела 5, 403, 445, 547, 772, 787.

6. Фонд 389. Казанская центральная пересыльная тюрьма.

Опись 1, дела 1, 3, 4, 15, 217, 389.

7. Фонд 416. Казанский губернский тюремный комитет.

Опись 1, дела 16, 18, 49, 97, 100, 134, 447, 501, 515.

8. Фонд 493. Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют.

Опись 1, дела 9, 10, 12, 37, 39, 142, 671.

9. Фонд 521. Казанский гражданский тюремный замок.
Опись 1, дела 8, 13, 27, 28, 69, 72, 112, 162, 163, 193, 202, 206.
10. Фонд 522. Казанское исправительно-арестантское отделение.
Опись 1, дела 1, 8, 17, 21, 26, 76, 78, 150, 162.
11. Фонд 558. Буинская уездная тюрьма.
Опись 1, дела 3, 5, 6, 8, 9, 12, 13,14,18.
12. Фонд 638. Казанское общество земледельческих колоний и ремеслен-
ных приютов.
Опись 1, дела 4, 5, 11, 62, 85.
13. Фонд 666. Казанский смирительный рабочий дом.
Опись 1, дела 1, 9, 10, 21, 22, 23.
14. Фонд 697. Свияжская уездная пересыльная тюрьма.
Опись 1, дела 1, 5.
15. Фонд 698. Мамадышская уездная пересыльная тюрьма.
Опись 1, дела 1, 5.
16. Фонд 699. Тетюшская уездная пересыльная тюрьма.
Опись 1, дело 2.
17. Фонд 700. Чистопольская уездная пересыльная тюрьма.
Опись 1, дело 7.
18. Фонд 701. Казанский пересыльный тюремный замок.
Опись 1, дела 2, 18.
19. Фонд 810. Тетюшское уездное отделение Казанского губернского по-
печительного о тюрьмах комитета.
Опись 1, дело 1.
20. Фонд 811. Свияжское уездное отделение Казанского губернского тю-
ремного комитета.
Опись 1, дело 4.
21. Фонд 816. Чистопольское уездное отделение Казанского губернского
тюремного комитета.
Опись 1, дело 1.
22. Фонд 892. Спасская уездная пересыльная тюрьма.
Опись 1, дела 1, 2.
23. Фонд 893. Лаишевская уездная тюрьма.
Опись 1, дело 1.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Феде-
ральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ: ред. от 24.11.2014 // Собрание за-

конодательства РФ. – 1997. – № 2, ст. 198; Российская газета. – 2014. – № 272.

2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43, ст. 5544.

3. Свод законов Российской империи. – СПб.: Общественная польза, 1900. – Т. 14, ст. 267, 67; Приложение к ст. 66. – С. 228–267; Т.15, ст. 6, 11, гл. 1. – С. 235–262.

4. Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 1. – № 1, 328; Т. 4. – № 2310; Т. 5. – № 2939, 3006; Т. 6. – № 3685, 3940; Т. 7. – № 4546; Т. 8. – № 5353; Т. 9. – № 6653, 7132; Т. 10. – № 7844; Т. 12. – № 8944; Т. 13. – № 9571, 10086, 10087, 10101; Т. 14. – № 10568, 10597; Т. 16. – № 11678, 11742, 11757; Т. 17. – № 12728; Т. 18. – № 12934; Т. 20. – № 14275, 14392; Т. 22. – № 16187; Т. 27. – № 20728; Т. 37. – № 28617; Т. 38. – № 29125.

5. Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собр. 2. – СПб., 1857. – Т. 1. – № 198; Т. 12. № – 10438; Т. 22. – № 10438; Т. 30. – № 29614; Т. 36. – № 27895; Т. 38. – № 39503; Т. 40. – № 42055; Т. 41. – № 43949; Т. 45. – № 48206; Т. 54. – № 60268.

6. Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собр. 3. – СПб., 1884. – Т. 6. – № 3447; Т. 15. – № 12272.

7. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – С. 304–308.

8. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – С. 331–343.

9. Двинская уставная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. – М.: Юрид. лит, 1985. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 181–182.

10. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. – М.: Юрид. лит, 1985. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 54–62.

11. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1985. – Т. 2. – С. 182.

12. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. – Пермь, 1903. – С. 4–25, 57.

13. Общая тюремная инструкция 1915 года. – М.: Отгиск, 1976. – С. 61–62.

14. Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., – 1985. – Т. 3: Акты земских соборов. – 511 с.

15. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1987. – Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма – 527 с.
16. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. – Пермь, 1903. – 489 с.
17. Устав Общества пособия бедным мусульманам гор. Казани. – Казань, 1903. – С. 3–7.
18. Циркуляр Министра юстиции г.г. губернаторам от 21 декабря 1906 года за № 29 об условиях и порядке приема и освобождения арестантов // Тюремный вестник. – 1907. – № 1. – С. 29–37.
19. Циркулярные распоряжения // Тюремный вестник. – 1893. – № 4. – С. 127–128.
20. Циркулярное отношение начальника Главного тюремного управления г.г. губернаторам от 2 ноября 1902 г. № 9 о точном соблюдении правил о порядке содержания арестантов в местах заключения // Тюремный вестник. – 1902. – № 10. – С. 677.
21. Циркулярное отношение Главного тюремного управления от 15 марта 1908 года за № 22 на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников о порядке вывода арестантов на внешние работы // Тюремный вестник. – 1908. – № 4. – С. 332–334.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

22. Доклад Уездной земской управы XXX очередному Казанскому уездному земскому собранию. – Казань, 1894.
23. Доклад Казанской губернской земской управы Губернскому земскому собранию. – Казань: Типография Губернского правления, 1895.
24. Извлечение из отчета Общества попечительного о тюрьмах за 1862 год. – СПб.: Тип. МВД, 1864.
25. Из Отчета по Главному тюремному управлению за 1908 год. – СПб., 1910.
26. Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов и его деятельность. – Казань, 1875.
27. Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1873–1879 гг. – Казань, 1880.
28. Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1880 г. – Казань: Губернская типография, 1881.
29. Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов 1883 г. – Казань: Типография Губернского правления, 1884.
30. Казанское попечительное общество. – Казань, 1901.

31. Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906-1912). – СПб., 1913.
32. Отчет Главного тюремного управления за 1900 год. – СПб., 1902.
33. Отчет Посетительного комитета тюремного общества, от 20 декабря 1819 до 1821 года. – СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1821.
34. Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1900 год. – Казань: Типография Губернского правления, 1901.
35. Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1901 год. – Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1902.
36. Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1902 год. – Казань: Лито-типография Л.П. Антонова, 1903.
37. Отчет по обзору мест заключений Казанской губернии и деятельности Тюремного отделения Казанского губернского правления за 1900 г. – Казань, 1901.
38. Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1849 год. – СПб., 1850.
39. Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1861 год. – СПб., 1862.
40. Отчет попечительного о тюрьмах общества за 1862 год. – СПб., 1863.
41. Программа курса Казанской школы стражников. – Казань, 1914.
42. Табель платы, установленной на 1893 г. за призрение в больницах, подведомственных Приказам Общественного призрения и земским учреждениям нижних воинских чинов и за погребение умерших // Тюремный вестник. – 1893. – № 5.
43. Табель о деньгах на продовольствие арестантов, содержащихся в местах заключения гражданского ведомства, на 1893 год // Тюремный вестник. – 1893. – № 1.

III. МОНОГРАФИИ, УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

44. Аладьина Л.С. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования / Л.С. Аладьина, О.Г. Ковалев, Г.Х. Шабанов. – М., 2007. – 344 с.
45. Алишев С.Х. Все по истории татарского народа / С.Х. Алишев. – Казань: Раннур, 2010. – 608 с.
46. Альбицкий Е.И. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников / Е.И. Альбицкий. – Саратов, 1893.
47. Андрусенко О.В. Очерки по истории систематизации уголовного законодательства Российской империи первой половины XIX века: монография / О.В. Андрусенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2010.
48. Бабушкин А.В. Подросток и тюрьма: проблемы исполнения наказаний

в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации / А.В. Бабушкин, В.В. Невский. – М., 2002.

49. Борисов А.В. и др. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / А.В. Борисов и др. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. – 464 с.

50. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. 67. – 482 с.

51. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел: в 2-х частях: Часть II, книга I / Н. Варадинов. – СПб., 1859. – 632 с.

52. Васильев И. Рассуждение о законах государства Российского, изданных от основания оных до нынешних времен. – М., 1823. – 93 с.

53. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

54. Владимирский-Буданов М.Ф. Русская правда. Das Russische Recht / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1911. – 24 с.

55. Внимание! Зона!: Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан // По городам и весям. – Казань, 2004. – 271 с.

56. Воробейков Т.У. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века / Т.У. Воробейков, А.Б. Дубровин. – Киев, 1973. – 66 с.

57. Врата милосердия (книга о докторе Гаазе) – М.: Дерево добра, 2002. – 544 с.

58. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. – СПб.: Наука, 1998. – 302 с.

59. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. / М.Н. Гернет. – 2-е изд., доп. и пересмотр. – М.: Госюриздат, 1951. – Т. 1. – 328 с.

60. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. – М.: Госюриздат, 1948. – Т. 3. – 375 с.

61. Гогель С.К. О замене ссылки в Сибирь другим наказанием / С.К. Гогель. – СПб.: Типография Правительствующего сената, 1899. – 52 с.

62. Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – 646 с.

63. Гольденберг И.Г. Реформа телесных наказаний / И.Г. Гольденберг. – СПб., 1897. – 72 с.

64. Гран П.К. Каторга в Сибири: извлечение из отчета о служебной по-

езде начальника ГТУ П.К. Грана в Сибирь в 1913 / П.К. Гран. – СПб., 1913. – 53 с.

65. Гришко А.Я. Амнистия и помилование: монография / А.Я. Гришко. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. – 199 с.

66. Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и настоящее / А.И. Гуров. – М., 1990. – 304 с.

67. Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне (очерки истории царской каторги и ссылки, 60-е годы XVIII в. – 1917 г.) / В.Н. Дворянов. – Минск, 1971. – 374 с.

68. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения / М.Г. Детков. – М.: Интерправо, 1994. – 119 с.

69. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М.Г. Детков. – М.: Вердикт-1М, 1999. – 448 с.

70. Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. – СПб.: Шиповник, 1912. – 568 с.

71. Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб., 1907. – CLIV, 174 с.

72. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху / Н.Ф. Емельянов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 223 с.

73. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н.П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.

74. Зарудный С.И. Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главой X Наказа Екатерины II и с современными законами / С.И. Зарудный. – СПб., 1879. – 196 с.

75. Зубков А.И. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / А.И. Зубков, Ю.И. Калинин, В.Д. Сысоев; под ред. С.В. Степашина и П.В. Крашенинникова. – М.: НОРМА, 1998. – 176 с.

76. Зубов С.В. М.Н. Галкин-Враской – первый начальник Главного тюремного управления Российской империи (1879–1896 гг.) / С.В. Зубов. – 2-е изд. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – 72 с.

77. Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики / М.М. Исаев. – М.-Л., 1927. – 215 с.

78. История государственного управления в России / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д, 1999.

79. Казанская губерния: материалы для географии и статистики России,

собранные офицерами Ген. штаба / сост. М. Лаптев. – СПб., 1861. – 616 с.

80. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М., 1973. – 285 с.

81. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2-х частях / Дж. Кеннан; перевод с английского И.Н. Кашинцева. – СПб.: Север, 1906. – 286 с.

82. Ключников М.И. Развитие законодательства о наказании в России во второй половине XIX – начале XX вв.: учеб. пособие / М.И. Ключников ; Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. – 26 с.

83. Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: учеб. пособие / С.В. Кодан. – Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1980. – 95 с.

84. Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856 гг.) / С.В. Кодан. – Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1980. – 40 с.

85. Кони А.Ф. Федор Петрович Гааз: очерк / А.Ф. Кони // Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – С. 526–640.

86. Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России за период с 1900 по 1905 год, составленный для VII Международного тюремного конгресса в Будапеште начальником Главного тюремного управления А.М. Стремоуховым. – СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. – 26 с.

87. Латыпов М.М. Очерки истории судебной системы России и Казанской губернии (1864 – февраль 1917 гг.). Кн. 1 / М.М. Латыпов. – Казань, 2005. – 184 с.

88. Лисин А.Г. Тюремная система Российского государства в XVII – начале XX в.: учеб. пособие / А.Г. Лисин, Н.И. Петренко, Е.И. Яковлева. – М.: Акад. МВД России, 1996. – 60 с.

89. Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела / Н.Ф. Лучинский. – СПб., 1904. – 180 с.

90. Максимов С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. – 3-е изд. – СПб., 1900. – 487 с.

91. Малов Е. О татарских мечетях в России / Е. Малов. – Казань, 1867. – 79 с.

92. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. / А.Д. Марголис // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начала XX в.). – Новосибирск, 1975.

93. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки / А.Д. Марголис. – М., 1995. – 208 с.

94. Материалы Особой комиссии для рассмотрения проекта реформы и II главы I раздела Уложения (1877–1878 гг.). – СПб., 1879.

95. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002). –

СПб., 2001. – 608 с.

96. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения: в 2-х частях: Часть 1. Общее и специальное предупреждение преступлений / С.П. Мокринский. – М.: Университетская типография, 1902. – 157 с.

97. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р.С. Мулукаев. – М.: ВШ МООП РСФСР, 1964. – 28 с.

98. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России / Р.С. Мулукаев. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – 31 с.

99. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560–1880) / В.Н. Никитин. – СПб., 1889. – 674 с.

100. Олейник И.И. История правоохранительных органов России X–XX вв.: учеб. пособие: в 3 ч. / И.И. Олейник, О.Ю. Олейник; под ред. Е.Г. Юдина. – Иваново: Иван. гос. энерг. ун-т, 2004. – Ч. 1: X – начало XX вв. – 236 с.

101. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. – М.: Юрист, 1993. – 428 с.

102. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С.С. Остроумов. – М., 1961. – 303 с.

103. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 204 с.

104. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России / Л.Ф. Пертли; под науч. ред. С.И. Кузьмина; Федер. служба исполн. наказаний, НИИ. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – 200 с.

105. Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): историческая хроника / А.П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – 325 с.

106. Пионтковский А. Смертная казнь в Европе / А. Пионтковский // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXXV: Шестая и седьмая книги. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – 124 с.

107. Пионтковский А.А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение / А.А. Пионтковский. – Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1892.

108. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1915. – 296 с.

109. Пругавин А. Петропавловская крепость. Очерк первый. Декабристы / А. Пругавин. – Ростов-на-Дону: Типог. «Донская Речь», 1906. – 24 с.

110. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством / А.С. Пругавин. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1905. – 130 с.
111. Пушкаренко А.А. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / А.А. Пушкаренко // Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. – М., 1994. – Т. 9.
112. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / С.И. Штамм, И.А. Исаев, В.И. Карпец, С.В. Кодан и др. – М.: Наука, 1986. – 288 с.
113. Развитие русского права в XVII–XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А. Исаев, Н.Е. Ефремова и др. – М.: Наука, 1992. – 312 с.
114. Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России : учебник / Ю.А. Реент; под. ред. Ю.И. Калинина. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. – 374 с.
115. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX в.: монография / В.Б. Романовская. – Н. Новгород: АРНИКА, 1996. – 278 с.
116. Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западную Сибирь в XIX в. / Л.П. Рощевская. – Тюмень, 1976. – 141 с.
117. Рощевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании / П.И. Рощевский. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. – 168 с.
118. Саломон А.П. Тюремное дело в России / А.П. Саломон. – СПб., 1898. – 38 с.
119. Сенченко И.А. Революционеры России на Сахалинской каторге / И.А. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1963. – 191 с.
120. Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX в. – начало XX в.) / И.А. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1957. – 135 с.
121. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. / Н.Д. Сергеевский, э.-орд. проф. С.- Петерб. ун-та. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1887. – 314 с.
122. Скоробогатов А.В. Политико-правовая доктрина императора Павла I: теория и практика / А.В. Скоробогатов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 492 с.
123. Смольяков В.Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 23 с.
124. Соколов С.А. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в тюрьмах : учеб. пособие / С.А. Соколов ; Владим. юрид. ин-т. – 2-е изд., испр. – Владимир, 2009. – 76 с.
125. Становление и развитие в России института обязательного труда лиц, осуждаемых к лишению свободы (период до 1917 г.): учеб. пособие. – Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. – 32 с.
126. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – 393 с.
127. Топоров А.А. Охранять, созидать и жить (к 170-летию ИК-2). – Ка-

заны: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. – 200 с.

128. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. А.И. Зубкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2006. – 720 с.

129. Уголовно-исполнительная система, 130 лет / М.Г. Детков и др. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 301 с.

130. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития / И.В. Упоров. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 610 с.

131. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 542 с.

132. Фельдштейн Г.С. Ссылка, очерки ее генезиса, значения, истории и ее современного положения / Г.С. Фельдштейн. – М., 1893. – 191 с.

133. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. – 504 с.

134. Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского: монография / А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2010. – 520 с.

135. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. – 115 с.

136. Юдин Е.Г. История уголовно-исполнительной системы России: учеб. пособие / Е.Г. Юдин, И.И. Олейник. – Иваново: Ивановский гос. энерг. ун-т, 2003. – 175 с.

137. Юферов В.Н. Материалы для тюремной статистики России / В.Н. Юферов. – СПб., 1873. – 262 с.

138. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1882. – 471 с.

139. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1872. – 719 с.

IV. СТАТЬИ, ЛЕКЦИИ, ДИССЕРТАЦИИ, АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

140. Аксаков А.П. Труд как орудие нравственного возрождения / А.П. Аксаков // Тюремный вестник. – 1903. – № 5. – С. 382–407.

141. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – Вып. 12. – 172 с.

142. Аладьина Л.С. Уголовно-исполнительная политика Российского государства (вторая половина XVII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.С. Аладьина. – М., 2003. – 19 с.

143. Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности главного тюремного управления / В.И. Алексеев // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 53.

144. Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности губернской тюремной инспекции / В.И. Алексеев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2004. – № 2. – С. 28–29.

145. Андрусенко О.В. Систематизация уголовного законодательства Российской Империи (Первая половина XIX века): дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Андрусенко. – Екатеринбург, 2000. – 253 с.

146. Ашин А.А. Правила об исправительных приютах 1866 г. и их назначение в становлении исправительных заведений для несовершеннолетних / А.А. Ашин // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию уголовно-исполнительной системы России. – Иваново: ИПК «ПресСто», 2008.

147. Балала А.В. Развитие системы назначения и исполнения наказаний в России второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Балала. – Краснодар, 2007. – 26 с.

148. Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних в России (середина XIX – начало XX в.): дис. ... докт. юрид. наук / Л.И. Беляева. – М., 1995. – 539 с.

149. Бондарев П.А. Особенности организации и правовой регламентации труда лиц, содержащихся в российских пенитенциарных учреждениях: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Бондарев. – Волгоград, 2000. – 31 с.

150. Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Н. Бортникова. – Тобольск, 1998. – 15 с.

151. Ботчаева М.К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Ставрополя и Кубани): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.К. Ботчаева. – Ставрополь, 2009. – 26 с.

152. Гайдук С.Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Л. Гайдук. – М., 1987. – 22 с.

153. Гармс О.О. Пенитенциарная система Томской губернии (1804–1861):

автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.О. Гармс. – Барнаул, 2008. – 23 с.

154. Гибов В.В. Пенитенциарные учреждения в системе МВД Российской Империи / В.В. Гибов, Л.Б. Смирнов // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 61–64.

155. Глушаченко С.Б. Учреждение министерств и образование МВД – важный этап развития государственного управления России / С.Б. Глушаченко // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 150–153.

156. Гогель С.К. Новое учение о преступлении и наказании / С.К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 9. – С. 152–168.

157. Горбунов В.А. Пути становления и развития системы исправления и нравственного перевоспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX – начале XX вв. / В.А. Горбунов // Роль органов юстиции в становлении и укреплении институтов государственной власти: материалы республиканской научно-практической конференции. – Казань: ООО «Мастер Лайн», 2002. – С. 71–76.

158. Городинец Ф.М. Места содержания под стражей в Российской империи / Ф.М. Городинец // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 24–25.

159. Давыдова Н.В. Условия содержания несовершеннолетних осужденных женского пола в истории России / Н.В. Давыдова // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. – М.: НИИ ФСИН России, 2008. – 144 с.

160. Детков М.Г. Реформы системы исполнения уголовных наказаний и их исполнение на различных этапах его функционирования / М.Г. Детков // История уголовно-исполнительной системы России (к 130-летию образования УИС): сб. научных статей. – М., 2009. – С. 36–62.

161. Егорова Е.В. Особенности ведения учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) / Е.В. Егорова, О.О. Козлова // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. научных статей. – М.: НИИ ФСИН России, 2008. – С. 38–46.

162. Ермолаева О.Н. Нормативное закрепление и организационное обеспечение правового положения осужденных к лишению свободы в России: XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Ермолаева. – М., 2006. – 27 с.

163. Ефремова Н.Н. Вопрос об источниках Соборного уложения в русской историко-правовой литературе XIX века / Н.Н. Ефремова // Источникове-

дение истории государства и права дореволюционной России. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1983. – С. 118–127.

164. Иванников В.А. Исторический опыт реформирования тюремной системы Российской империи (1879–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук / В.А. Иванников. – М., 2006. – 213 с.

165. Иванов А.А. Научно-гуманистическая мысль и становление западно-европейской системы в XVIII – первой половине XIX в. / А.А. Иванов // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3. – С. 33–36.

166. Исаев М.М. Наказание по Артикулу воинскому / М.М. Исаев // Вестник Московского университета. Право. – М., 1995. – № 1. – С. 51–57.

167. Каторга в Сибири: извлечение из отчета начальника ГТУ С.С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году в Иркутскую губернию и Забайкальскую область // Тюремный вестник. – 1910. – № 8–9. – С. 1–71.

168. Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. / С.В. Кодан // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. – М., 1982. – С. 111–115.

169. Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / С.В. Кодан // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1983. – С. 32–37.

170. Кодан С.В. Устав об этапах 1822 года / С.В. Кодан // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1982. – С. 24–39.

171. Колосок С.В. Развитие пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX вв. (дореволюционная историография проблемы) / С.В. Колосок // Сибирский юридический вестник. – 1999. – № 4. – С. 61–62.

172. Колосок С.В. История пенитенциарной системы Иркутской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Колосок. – Иркутск, 2000. – 26 с.

173. Кораблин К.К. Пенитенциарная система России (формирование и механизм функционирования тюремного ведомства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / К.К. Кораблин. – Н. Новгород, 2001. – 205 с.

174. Корнева Н.М. Российское тюремное законодательство в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Н.М. Корнева // Русское общество и тюремная реформа 18-21 вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. – СПб.: СПб ИПК УИС МЮ РФ, 2004. – С. 28.

175. Лачина В.О. Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. / В.О. Лачина // История государства и права. – 2009. – № 5. – С. 12–14.

176. Лобова С.А. Становление и развитие пенитенциарной системы Кубани в конце XVIII в. – 1920-е годы (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Лобова. – Краснодар, 2012. – 29 с.

177. Лучинский Н.Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) / Н.Ф. Лучинский // Тюремный вестник. – 1914. – № 2.

178. Мельникова О.С. Нижегородские пенитенциарные учреждения в XVII – 20-х годах XX века: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – 189 с.

179. Милюков И.И. Деятельность благотворительных организаций г. Казани (60-е годы XIX в. – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.И. Милюков. – Казань, 2006. – 29 с.

180. Михеенков Е.Г. Исторические аспекты становления системы отбывания наказаний несовершеннолетними преступниками в дореволюционной России / Е.Г. Михеенков // История уголовно-исполнительной системы в России: сб. науч. статей. Вып. 3 / сост. и ред. К.Н. Курков. – М.: НИИ ФСИН России, 2007. – С. 107–123.

181. Мнение Государственного Совета от 15 января 1896 г. «Об изменении размера производимой тюремным комитетам платы из казны за содержание и лечение арестантов» // Тюремный вестник. – 1896. – № 4.

182. Молчанов Б.А. Становление и развитие уголовного законодательства России о принудительных мерах медицинского характера / Б.А. Молчанов // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию уголовно-исполнительной системы России. – Иваново: ИПК «ПресСто», 2008.

183. Нарышкина Н.И. Правовые и организационные основы функционирования мест содержания под стражей в России (исторический аспект) / Н.И. Нарышкина // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию уголовно-исполнительной системы России. – Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. – С. 301–302.

184. Наташев А.Е. О каре и воспитании / А.Е. Наташев // К новой жизни. – 1964. – № 3. – С. 64–68.

185. Никитина И.В. Формирование и развитие пенитенциарной системы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.В. Никитина. – Владивосток, 2006. – 26 с.

186. Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук / С.М. Оганесян. – СПб., 2005. – 47 с.

187. Осипов М.В. Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Осипов. – Оренбург,

2010. – 30 с.

188. Остапенко Д.П. Система пенитенциарных учреждений в России в XIX – начале XX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / Д.П. Остапенко. – Волгоград, 2001. – 210 с.

189. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Приложение // Тюремный вестник. – 1914. – № 6–7. – С. 5–7.

190. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / В.С. Жеребин [и др.]; науч. ред. д-р социол. наук, проф. В.М. Морозов, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. В.С. Жеребин; под общ. ред. Ю.И. Калинина; ВЮИ Минюста России. – Владимир, 2005. – 420 с.

191. Петренко Н.И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России: дис. ... докт. юрид. наук / Н.И. Петренко. – Рязань, 2002. – 517 с.

192. Печников А.П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 – октябрь 1917 гг.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.П. Печников. – М., 2002. – 52 с.

193. Пирогов П.П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX - начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве / П.П. Пирогов // История государства и права. – 2003. – № 3. – С. 2-6.

194. Пискарева О.М. Меры пресечения в дореволюционной России / О.М. Пискарева // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию уголовно-исполнительной системы России. – Иваново: ИПК «ПресСто», 2008.

195. Плотников А.А. Об условиях отбывания каторги на Сахалине за бродяжничество в XIX в. / А.А. Плотников // Организационно-правовые и управленческие проблемы борьбы с правонарушителями среди лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни: сб. науч. трудов. – Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1985. – С. 150-157.

196. Подосенов О.П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII веке / О.П. Подосенов // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 3–12.

197. Попрядухина И.В. Система наказаний по Судебнику 1497 г. / И.В. Попрядухина // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 2(16). – С. 334–335.

198. Потапов А.Ю. Цензурный устав в системе законодательства Российской Империи / А.Ю. Потапов // МВД России – 200 лет: история и перспективы развития: тезисы докладов и выступлений на юбилейной научно-практической конференции. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 72–73.

199. Практические разъяснения // Тюремный вестник. – 1895. – № 11.
200. Проект о тюрьмах императрицы Екатерины Великой // Тюремный вестник. – 1896. – № 11. – С. 596–617.
201. Рассказов Л.П. Историография пенитенциарной политики дореволюционной России / Л.П. Рассказов, С.А. Лобова // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 14–17.
202. Рассказов Л.П. Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 г. как исток уголовно-исполнительного права России. / Л.П. Рассказов, И.В. Упоров // Правоведение. С.-Петербургский университет. – 2000. – № 2 (229). – С. 244–249.
203. Рассказов Л.П. Исправительные арестантские роты гражданского ведомства как вид лишения свободы в российском праве XIX в. / Л.П. Рассказов, И.В. Упоров // Известия высших учебных заведений. «Правоведение». – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. – № 4. – С. 180–185.
204. Рябчиков А. Первые шаги по пути умственного и нравственного развития заключенных Казанского исправительного арестантского отделения / А. Рябчиков // Тюремный вестник. – 1906. – № 1. – С. 71–74.
205. Сенюткина О.Н. Вовлечение мусульманских священнослужителей в общественно-политическую жизнь России через участие в деятельности попечительских комитетов / О.Н. Сенюткина, О.С. Мельникова // Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Нижегородской соборной мечети и 10-летию ДУМНО. – Н. Новгород: Медина, 2004. – С. 141–147.
206. Сергеевский Н.Д. Современные задачи уголовного законодательства в России. / Н.Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1883. – Кн. 3. – С. 107–133.
207. Скоробогатов А.В. Правовая реформа в России во второй половине XVIII века / А.В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 2. – С. 88–92.
208. Славинский Н.В. Становление и развитие института тюремных инспекций Российской Империи и его специфика на Кубани: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Славинский. – Краснодар, 2009. – 28 с.
209. Состояние тюрем в 1831 году (по донесениям флигель-адъютанта Гогеля) // Тюремный вестник. – 1903. – № 3.
210. Соцкий Ю.Ф. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ф. Соцкий. – Рязань, 1998. – 176 с.
211. Стеничкин Г.А. Труд осужденных в местах лишения свободы как одно из основных средств их исправления / Г.А. Стеничкин // Юриспруденция. – 2010. – № 4. – С. 65–72.

212. Тарнавский Е.Н. Движение числа несовершеннолетних осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. / Е.Н. Тарнавский // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 10. – С. 37–41.

213. Татулян М.А. Особенности уголовных наказаний в России в период царствования Петра I / М.А. Татулян // История исполнения уголовных наказаний в России: сб. статей / под общ. ред. д-ра юрид. наук, канд. психол. наук, проф. О.Г. Ковалева. – М.: НИИ ФСИН России, 2006. – С. 38–42.

214. Тимофеев С.Н. Основные этапы становления пенитенциарной системы России / С.Н. Тимофеев, Ю.А. Кузнецова // Вестник Российского университета кооперации. – 2008. – № 2. – С. 161–163.

215. Упоров И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве / И.В. Упоров // Государство и право. – М.: Наука, 1998. – № 9. – С. 86–90.

216. Ушаков С.Н. Организационно-правовое обеспечение системы исполнения наказаний России: 1862–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Ушаков. – Владимир, 2005. – 179 с.

217. Федотова И.Н. Комитеты Общества попечительного о тюрьмах: задачи, состав, практическая деятельность (на материалах Владимирской губернии первой половины XIX в.) / И.Н. Федотова // Вестник ВЮИ ФСИН. – 2006. – № 1. – С. 146–147.

218. Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II / М. Филиппов // Русская старина. – СПб., 1873. – Т. 8. – № 7. – С. 60–86.

219. Фролова О.В. Образование Главного тюремного управления в дореволюционной России / О.В. Фролова // Русское общество и тюремная реформа 18–21 вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. – СПб.: СПб ИПК УИС МЮ РФ, 2004.

220. Фумм А.М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи, конец XVIII – 70-е года XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Фумм. – М., 2004. – 27с.

221. Чесноков А.А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Чесноков. – Нижний Новгород, 2006. – 32 с.

222. Четвертакова И.В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX – начале XX века (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Четвертакова. – М., 2012. – 22 с.

223. Штамм С.И. Русская историография XIX века об источниках судебных 1497 и 1550 годов / С.И. Штамм // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1983. –

С. 102–118.

224. Яковлева О.Н. Участие Министерства юстиции Российской империи в проведении тюремной реформы / О.Н. Яковлева // Преступление и наказание. – 2011. – № 2. – С. 46–47.

225. Яковлев С.П. Организационно-правовые формы трудоустройства лиц, осужденных к лишению свободы в дореволюционной России: XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.П. Яковлев. – Чебоксары, 2005. – 25 с.

**Расписание движения в навигацию 1896 г. от Москвы до Тюмени
первой партии политических арестантов, высылаемых в Сибирь**

Москва	Нижний Новгород		Казань		Пермь		Тюмень
	прибытие	отправление	прибытие	отправление	прибытие	отправление	
27 апреля суббота	28 апреля воскресенье	29 апреля понедельник	30 апреля вторник	30 апреля вторник	4 мая суббота	5 мая воскресенье	7 мая вторник

**Расписание движения в навигацию 1896 г. от Москвы до Томска
третьей партии политических арестантов, высылаемых в Сибирь**

Москва	Нижний Новгород		Казань		Пермь		Тюмень		Томск
	прибытие	отправление	прибытие	отправление	прибытие	отправление	прибытие	отправление	
10 июля среда	11 июля четверг	12 июля пятница	13 июля суббота	13 июля суббота	17 июля среда	18 июля четверг	20 июля суббота	20 июля суббота	29 июля понедельник

Составлено по: НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 48. Л. 7-8, 22

Сведения о количестве ссыльных и пересыльных арестантов в Казанской центральной пересыльной тюрьме и ссыльных в уездных городах Казанской губернии за 1893 г.

Состояло ссыльных/ пересыльных	к 1 января	к 1 февр.	к 1 марта	к 1 апреля	к 1 мая	к 1 июня	к 1 июля
В Каз. центр. пересыльной тюрьме	99/45	3/191	115/27	139/33	213/73	93/56	249/64
В уездных городах Каз. губернии	32/0	30/0	44/0	58/0	109/0	36/0	22/0

Состояло ссыльных/ пересыльных	к 1 августа	к 1 сентября	к 1 октября	к 1 ноября	к 1 декабря	к 16 декабря
В Каз. центр. пересыльной тюрьме	139/44	555/23	50/5	60/32	73/23	82/17
В уездных городах Каз. губернии	13/0	7/0	13/0	19/0	20/0	22/0

Составлено по: НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 25. Л. 233;
НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 26. Л. 166

Численность арестантов, находившихся в Казанской центральной пересыльной тюрьме в течение 1900 г.

Категории	Состояло	Прибыло	Убыло
Ссылнокаторжных	3	53	68 семейств 12
Ссылных на поселение (с лишением прав)	3	34	60 семейств 23
Административно-ссылных	5	49 семейств 104	54 семейств 69
Пересыльных	35	3270 детей 101	3242 семейств 101
Всего	46	3621	3594

Составлено по отчету обзора мест заключений
Казанской губернии и деятельности
Тюремного отделения Казанского губернского правления
за 1900 г. – Казань, 1901. – С. 36

Ведомость о количестве арестантов, содержащихся в Казанском тюремном замке за 1872 г.

Арестанты, содержащиеся по:	на 1 января 1872 г.	в течение 1872 г.		на 1 января 1873 г.
		поступило	выбыло	
общим судебным установлениям	236	647	616	267
судебным мировым учреждениям	142	781	752	171
полицейскому управлению	13	6	18	1
Итого	391	1434	1386	439

Составлено по: НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 14

Количество и виды преступлений арестантов, содержащихся в Казанском гражданском тюремном замке в 1872 г.

Виды преступлений	Кол-во преступлений	Кол-во осужденных		В том числе													
				потомственных дворян		личных дворян		почетных граждан и купцов		мещан		крестьян		военного сословия		других сословий	
				м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
убийство	55	31	15							7	2	21	12	3	1		
отравление	1																
грабеж	82	41	1							12		24	1	5			
поджог	12	8								1		5		2			
святотатство	6	2								1		1					
растление	1	1								1							
разбой	7	4										4					
бродяжничество	296	172	25									72	15			100	10
дезертирство	67	39												39			
побег	15	10								1		4		3		2	
членовредительство	2	1										1					
раскол и совращение	6	2														2	
изготовление фальшивых документов	5	3								1				1		1	
подлог и лихоимство	12	8				1		2		1		2		2			

Продолжение приложения 5

сопротивле- ние властям	10	8					2		3		3					
увечье и по- бои	4	3							1		2					
скопчество	12															
проживание по чужим документам	11	7	2						3	1	2	1	1		1	
безписмен- ность	44	15	3						1		9	2	2	1	3	
растрата	21	14			2		1				1					
кража	693	310	31	1	3		1	82	14	135	1	8	3	9	1	
истязание	4	4			4											
неисправных должников	9	3					3									
мошенниче- ство	33	21					1	5		7		6		2		
порубка леса	7	7								7						
прошение милостыни	5	5								2		3				
сбыт фаль- шивых мо- нет	4	3							1			1		1		
оскорбление	8	8							4		3		1			
кровосме- шение	1	1										1				
скотоложе- ство	1	1													1	

Составлено по: НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 35-38

**Содержание медицинского и прочего персонала Казанской тюремной
больницы в 1898 г.**

	Кол-во служащих	Получаемое ими содержание в рублях		Всего
		от казны	от Тюремного комитета	
Врач	1	550	450	1000
Фельдшер	1		360	360
	2		480	480
Сестра милосердия	1		240	240
Старший надзиратель	1		200	200
Младший надзиратель	2	360		360
Надзирательница	1	150		150
Служитель	3		432	432
Привратник	1	180		180
Из арестантов:				
Служитель	2		48	48
Сиделка	1		24	24
Писец для ведения отчетности по больнице	1		180	180
Всего	17	1240	2414	3654

Составлено по: НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 317

**Количество продуктов, пожертвованных для арестантов
Казанского гражданского тюремного замка в течение 1872 г.**

№п/п	Поступило подаяния от разных лиц, а именно:	Кол-во	пуды	фунты
1	Говядины	-	20	39
2	Хлеба белого	-	59	33
3	Баранины	-	7	17
4	Хлеба черного	-	3	31
5	Муки 2-го сорта	-	10	20
6	Гороха	-	1	20
7	Яиц куриных	2225 шт.	-	-
8	Лука	5 плет.	-	-
9	Молока	15 стак.	-	-
10	Муки 3 сорта	-	8	-
11	Пшена	-	4	-
12	Калачей московских	100 шт.	-	-

Составлено по: НА РТ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 126. Л. 16-17

**Количество израсходованных продуктов для приготовления пищи
арестантам в тюремных учреждениях г. Казани в марте 1914 г.**

Наименование про- дуктов	по губернской тюрьме на 17584 чел.			по пересыльной тюрьме на 928 чел.			по тюремной больнице на 2197 чел.		
	пуд.	фун.	зол.	пуд	фун.	зол.	пуд.	фун.	зол.
хлеб черный	874	8		46	22		52	29	
капуста	986	5		7	5		196	5	
картофель	207	30		11	10	24	20	20	
говядина	7	30					47	4	
головы и гусаки									
горох	31	24							
крупа гречневая	31	30	24	1	19		3	28	72
крупа пшеничная	79	7	48	1	21	48	15	14	
масло коровье								23	24
масло подсолнечное	16	5	48		37	91			
соль	25	14			19	54	5	18	
мука 5 сорта	7	6	72		19	24			
перец молотый		7	46			43			
лавровый лист		9				48			
лук репчатый		730 шт.			330 шт.			500 шт.	
хлеб белый							35	19	
крупа манная								13	
крупа рисовая								36	
яйца								42 шт.	

Составлено по: НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 515. Л. 73-74

**Список руководящих лиц, состоящих на действительной службе в
тюремном ведомстве Казанской губернии в 1895 г.**

№ п\п	Должность, чин, имя, отчество и фамилия	С какого времени	
		в службе	в должности
1	Начальник Казанского исправительного арестантского отделения, титулярный советник Александр Николаевич Святоносов	30.01.1880	21.05.1892
2	Помощник, губернский секретарь Петр Григорьевич Румянцев	17.06.1883	14.05.1889
3	Начальник Казанской пересыльной тюрьмы, коллежский асессор Петр Николаевич Литьев	18.03.1875	21.01.1884
4	Помощник, коллежский регистратор Федор Игнатьевич Иванов	26.08.1886	
5	Начальник Казанской губернской тюрьмы, титулованный советник Павел Константинович Лобанов	24.06.1875	30.09.1889
6	Помощник, коллежский секретарь Александр Михайлович Куприянов	31.10.1879	19.17.1890
7	Помощник, губернский секретарь Игнатий Иванович Иванов	военной 31.05.1848 гражданской 27.06.1880	01.03.1888
8	Начальники уездных тюрем: Лаишевской - коллежский асессор Григорий Потапович Потапов	военной 07.08.1861 гражданской 02.12.1882	16.07.1888

9	Козмодемьянской - коллежский асессор Алексей Петрович Козлов	22.09.1878	14.06.1889
10	Царевококшайской - коллежский асессор Иван Павлович Шарловский	12.02.1876	31.08.1884
11	Ядринской – губернский секретарь Петр Иванович Ефимов	12.01.1884	18.12.1889
12	Свияжской – титулованный советник Иван Петрович Пульхеровский	07.02.1869	22.10.1889
13	Спасской – Николай Александрович Са- логарский	01.03.1888	01.03.1888
14	Чистопольской – надворный советник Константин Яковлевич Кужецов	27.01.1862	31.05.1888
15	Чебоксарской - титулованный советник Павел Васильевич Зерпров	24.01.1878	14.08.1892
16	Мамадышской – отставной капитан Ми- хаил Николаевич Жиряков	военной 3.09.1835 гражданской 19.06.1890	19.06.1890
17	Цивильской – коллежский регистратор Дмитрий Константинович Гуревич	09.07.1852	02.10.1893
18	Тетюшской – титулованный советник Александр Артемьевич Черкасов	18.10.1863	03.05.1893

Составлено по: НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 29. Л. 13-14

Научное издание

Виктория Владимировна Казаченок

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Монография

Корректор Климанова Н.А.
Компьютерная верстка Ризванова Л.А.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,5
Подписано в печать 17.06.2015 Тираж 100 экз.

Типография КЮИ МВД России
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35.